

На правах рукописи

ЧАВЕС САВАЛА Патрисио Альберто

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
ЭКВАДОРА В КОНТЕКСТЕ «ЛЕВОГО ПОВОРОТА»**

Специальность 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, профессор
З.В. Ивановский

МОСКВА – 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Ключевые понятия, используемые при анализе политических процессов в Эквадоре	22
§1. Концепция «популизма» в латиноамериканской и эквадорской интерпретации	23
§2. Понятие «государственной управляемости», его связь с понятием «институциональность»	38
§3. Партии и партийно-политические системы: политическая теория и эквадорская специфика.....	46
ГЛАВА II. Основные тенденции политического развития в XX – начале XXI века	60
§1. Этапы политического развития	6ш
§2. Период институциональной демократизации	87
§3. Волны политической нестабильности в последней четверти XX – начале XXI века	136
ГЛАВА III. Политические институты и процессы в период «гражданской революции»	147
§1. Формирование политико-правовых институтов «гражданской революции» (2006-2009)	147
§2. Конституция Монтекристи и идеология «Buen Vivir»: теория и практика.....	176
§3. Социально-экономические и политические реформы во время второго президентского мандата Р. Корреа (2009-2013) и противоречия «гражданской революции».....	198
§4. Третий президентский мандат Р. Корреа (2013-2017): консолидация институтов власти и активизация оппозиции	218
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	233
ПРИЛОЖЕНИЯ	238
БИБЛИОГРАФИЯ	253

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.

Латинская Америка, вступив в XXI век, пережила ряд серьезных социально-экономических и политических трансформаций, связанных с последовательным приходом к власти во многих государствах региона левых и левоцентристских правительств. Этот феномен получил название «левый дрейф» или «левый поворот».

Одним из важных плацдармов «левого поворота» стал Эквадор, где в результате победы на президентских выборах 2006 г. к власти пришел Рафаэль Корреа, дав старт процессу преобразований, получивших название «гражданская революция». Р. Корреа находился у власти в течение трех сроков и осуществил комплексные институциональные преобразования, начиная от изменения конституционных основ государства до реализации крупных инфраструктурных проектов, что предоставляет уникальную возможность исследовать феномен «левого поворота» на примере Эквадора. Десятилетие «гражданской революции» – важнейший этап в современной политической истории страны, без глубокого изучения которого невозможно в полной мере осмыслить актуальные политические процессы в Латинской Америке в целом. В апреле 2017 г. президентом Эквадора избран Ленин Морено, который внес существенные коррективы в проект «гражданской революции», что не отрицает научной актуальности исследования «левого поворота» в эквадорском варианте. Реформы Р. Корреа требуют осмысления в общем контексте политического процесса в XX – начале XXI в., системное ретроспективное исследование которого позволяет понять предпосылки возникновения «гражданской революции».

Степень научной разработанности проблемы. Изучением проблематики политических процессов в Эквадоре занимались как эквадорские, так и зарубежные ученые. Одним из самых фундированных представляется

исследование эквадорского политолога Энрике Айялы Мора¹, который анализирует развитие страны с инкских времен до современности и выделяет основные этапы становления эквадорской государственности. Наибольший интерес представляет раздел, посвященный политической эволюции в XX в., где Айяла Мора рассматривает наиболее важные моменты в деятельности каждого правительства и сопоставляет институционально-политическую практику президентов андского государства. К числу фундаментальных работ, претендующих на наиболее полное рассмотрение проблематики «гражданской революции», можно отнести коллективное исследование Центрального университета Эквадора «Критическое подведение итогов правления Рафаэля Корреа»². В работе поднят широкий круг проблем – от финансово-инвестиционной политики правительства до партийной структуры. В работе доминирует оппозиционный взгляд на происходящие процессы, который вызывает полемику по целому ряду аспектов.

В работе чилийской исследовательницы Марты Харнеккер показаны широкая панорама социально-политических преобразований, динамика внутривластных процессов и становление новой «архитектуры» власти при Р. Корреа³. Автор анализирует также неоднозначные отношения правительства с индейскими движениями.

В книге колумбийских политологов «Демократическая революция Рафаэля Корреа»⁴ исследована политическая платформа его партии, идейные взгляды президента, векторы преобразований «гражданской революции». Анализ политических процессов в Латинской Америке в целом и в Эквадоре в частности посвящена монография «Государство, демократия и популизм в

¹ Ayala Mora E. Resumen de historia del Ecuador. – Quito: Universidad Andina Simón Bolívar, Corporación Editora Nacional, 2012.

² Balance crítico del Gobierno de Rafael Correa. – Quito: Universidad Central de Ecuador, 2014.

³ Harnecker M. Ecuador: una nueva izquierda en busca de la vida en plenitud. – Caracas, 2012.

⁴ La revolución democrática de Rafael Correa. – Bogotá: Universidad del Rosario, 2008.

Латинской Америке»⁵. Авторы анализируют военный фактор в трансформации политических институтов Эквадора, выделяют ключевые моменты и тенденции формирования государства в XX веке и делают упор на рассмотрении демократического транзита. Данная работа помогает понять эволюцию политической системы страны.

Социально-этические предпосылки «левого поворота» изучены в книге аргентинских исследователей «Нереализованная этическая повестка Латинской Америки»⁶, авторы которой критикуют «Вашингтонский консенсус» и выявляют социальные издержки неолиберальных реформ 90-х годов прошлого столетия.

Известный бразильский исследователь Эмир Садер анализирует политические циклы левых правительств в Латинской Америке и приходит к выводу, что новый этап стал результатом предшествующей истории левого движения в регионе⁷. Политолог выявляет две основные стратегии «новых левых» – радикальную и реформистскую – и приходит к выводу, что более устойчивыми оказываются те левые режимы, которые идут по второму пути.

В сборнике «Движения и власть левых в Латинской Америке»⁸ представлены труды известных исследователей, таких как Рауль Сибечи, Теотонио дос Сантос, Атилио Борон, Э. Садер, Уго Хосе Суарес, Эдгардо Ландер и других, которые анализируют социально-политические проекты левых правительств региона. В книге рассматривается также роль индейского фактора в политической жизни страны и доказывается, что индейское движение стало «двигателем» политической модернизации государства. В труде мексиканских авторов Хорхе Кастаньеды и Марко Моралеса «То, что осталось от левых.

⁵ Chaparro A., Galindo C., Sallenave A.M. Estado, democracia y populismo en América Latina. – Bogotá: CLACSO, 2008.

⁶ La agenda ética pendiente de América Latina / B. Kliksberg (compilador). Buenos Aires: Banco Interamericano de Desarrollo, 2005.

⁷ Sader E. El nuevo topo. Los caminos de la izquierda latinoamericana. – Madrid: Biotiempo editorial, 2009.

⁸ Movimientos y poderes de izquierda en América Latina. – Madrid: Editorial Popular, 2005.

Портреты латиноамериканских левых⁹ акцент сделан на выделении утопических элементов в программах левых режимов и сопоставлении их с реальными достижениями в социально-экономической сфере. В книге «Новые левые в Латинской Америке»¹⁰ рассматривается эволюция латиноамериканских левых в XX веке и исторические предпосылки их «нового издания» в XXI веке, в частности, такие проблемы, как латиноамериканский популизм, выработка альтернатив неолиберализму и т.д.

Критический взгляд латиноамериканских интеллектуалов на левые правительства отражен в книге «Возвращение идиота»¹¹. Авторы выступают в защиту неолиберальных ценностей, довольно резко отзываясь о левых режимах региона в XX веке. По их мнению, не существует никакой преемственности между традиционными и «новыми левыми», а очередная волна популизма лишь воспроизводит недостатки предшествующих левых режимов.

В 2006 г. ряд ведущих европейских аналитических центров (Фонд Пабло Иглесиаса, Фонд Фридриха Эберта и др.) издали коллективную монографию «Левые в Латинской Америке»¹². В главе «Исчерпанность неолиберальной модели и подъем левых в андских странах» рассмотрены президентские мандаты в Эквадоре, характеризующиеся политической нестабильностью.

Ситуация в Эквадоре привлекала и привлекает внимание и российских исследователей. Одним из первых фундаментальных исследований в СССР стала книга «Эквадор. Социально-экономические проблемы развивающихся стран»¹³, в которой проанализирована политическая история андского государства. В советское время была издана и монография «Эквадор: тенденции

⁹ Castañeda J., Morales M. Lo que queda de la izquierda. Relatos de las izquierdas latinoamericanas. – México: Editorial Taurus, 2010.

¹⁰ Rodríguez Garavito C.A., Barret P.S. La nueva izquierda en América Latina. Sus orígenes y trayectoria futura. – Bogotá: Norma, 2007.

¹¹ Mendoza P.A., Montaner C.A., Vargas Llosa A. El regreso del idiota. – Madrid: Plaza Juanes, 2007.

¹² La «izquierda» en América Latina. – Madrid: Editorial Pablo Iglesias, 2006.

¹³ Сауин Г.З. Эквадор. Социально-экономические проблемы развивающихся стран. – М.: Мысль, 1981.

экономического и социально-политического развития»¹⁴, в которой прослеживается эволюция страны за длительный исторический период. Особый интерес представляют вклад авторов в анализ изменений партийной и политической систем и идеологических концепций.

В монографии «Малые страны Латинской Америки. Смена экономической модели»¹⁵, изданной уже в постсоветский период, проведено исследование экономических реформ в ходе смены политических элит в 1990-е гг. Авторы приходят к выводу, что смена правительств проходила на фоне сохранения неолиберального дискурса. При этом, по их мнению, практика неолиберальных реформ стала главной причиной политической нестабильности в Эквадоре в указанный период.

В ряде исследований поднимались проблемы, касающиеся отдельных периодов развития Эквадора или деятельности тех или иных правительств. Так, кандидатская диссертация Е.С.Галибиной и ряд статей этого автора посвящены периоду Либеральной революции конца XIX – начала XX веков¹⁶. В книге «Андские страны: опыт борьбы за прогрессивный путь развития»¹⁷ изучены политические аспекты деятельности правительств в последней четверти XX в., рассмотрены трудности политической борьбы во время правления Р. Лары и в период военных диктатур, проанализированы демократический транзит и шаги, предпринятые президентом Х. Рольдосом. В статье С.А. Бабуркина «Эквадор: от «национальной реконструкции» к «демократическому социализму»¹⁸

¹⁴ Эквадор: тенденции экономического и социально-политического развития / Отв. ред. Ю.А.Зубрицкий. – М.: Наука, 1989.

¹⁵ Малые страны Латинской Америки. Смена экономической модели. – М.: ИЛА РАН, 2002.

¹⁶ Галибина Е. С. Источниковедческий анализ либерального революционного движения в Эквадоре в конце XIX – начале XX веков / Е.С.Галибина // Восток-Запад: приоритеты эпох. – М. – 2010. – С. 74-86; Галибина Е. С. Либеральная революция в Эквадоре в конце XIX – начале XX веков. Автореф. дисс. канд. истор. наук. – М.: РУДН, 2009. – 27 с.

¹⁷ Андские страны: опыт борьбы за прогрессивный путь развития (трудности и противоречия). – М.: ИЛА АН СССР, 1982.

¹⁸ Бабуркин С.А. Эквадор: от «национальной реконструкции» к «демократическому социализму» // Латинская Америка – 1989. – №2.

рассмотрена деятельность последующих гражданских правительств. В монографии «Латинская Америка: дилемма демократического развития»¹⁹ на значительном фактическом материале показано, что вооруженные силы после демократического транзита продолжали играть важную роль в политическом процессе. Выводы книги получили дальнейшее развитие в работе «Латинская Америка: испытание демократии»²⁰. В разделе, посвященном Эквадору, показан ход политических процессов в начале XXI века, изучены внутривластные предпосылки начала «гражданской революции» и даны общие характеристики социально-политического курса Р. Корреа. В статье А.И. Емельянова на примере эквадорского государства анализируется опыт политической модернизации в регионе²¹.

Наиболее яркой работой по исследованию «левого поворота» является коллективная монография с одноименным названием²², в которой сопоставляются парадигма неолиберализма и концепт «конца истории», рассмотрены понятия «линейного» и «нелинейного» развития, методологические основы феномена «левого поворота», системно проанализированы его предпосылки. Авторы исследования приводят яркие исторические иллюстрации и анализируют деятельность левых правительств региона. В разделе, посвященном Эквадору, рассмотрены исторические предпосылки прихода к власти правительства Р. Корреа и дана оценка его социально-политического проекта. Системный анализ причин «левого поворота» предпринят в работе В.М. Давыдова «Левая альтернатива в Латино-Карибской Америке – обусловленность, основные ориентиры и международная проекция». Этот автор уделяет большое

¹⁹ Латинская Америка: дилемма демократического развития. – М.: ИЛА РАН, 2001.

²⁰ Латинская Америка: испытание демократии. Векторы политической модернизации / Отв. ред. М.Л. Чумакова. – М.: ИЛА РАН, 2009.

²¹ Емельянов А.И. Латиноамериканский опыт политической модернизации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2015. – Вып. 2 (713). – С. 35-42.

²² «Левый поворот» в Латинской Америке / Отв. ред. В.П. Сударев. – М.: ИЛА РАН, 2007.

внимание теоретическим вопросам, в частности, формулирует собственный подход к проблеме латиноамериканского популизма.

Специфика современных политических процессов в регионе нашла отражение в монографиях А.А. Слинько «Неевклидова политика: трансформация политических процессов в Латинской Америке» и «Демократия без насилия»²³ и в ряде статей этого автора²⁴. Типология левых политических режимов в Латинской Америке, включая и Эквадор, рассматривается в монографии Е.Д.Строгановой²⁵. В ряде статей этого же автора проанализированы особенности распространения социалистических идей вообще и латиноамериканского «социализма XXI века» в частности в различных странах региона²⁶.

Среди научных работ, посвященных правительству Р.Корреа, заслуживает упоминания серия статей М.Л. Чумаковой и Э.С. Дабагяна²⁷. Эти российские ученые подробно рассматривают политические процессы, завершившиеся приходом Р. Корреа к власти, особенности формирования нового состава кабинета министров, ход конституционных преобразований, ключевые внутривластные шаги президента в течение его первого мандата.

Удачная попытка анализа деятельности новой власти на основе системного подхода предпринята в коллективной монографии «Эквадор на пути

²³ Слинько А.А. Неевклидова политика: трансформация политических процессов в Латинской Америке. – Воронеж: Научная книга, 2010; Слинько А.А. Демократия без насилия. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2009.

²⁴ Слинько А.А. Авторитарная демократия: латиноамериканский опыт // Политические изменения в Латинской Америке. – Воронеж, 2016. – №1 (19).

²⁵ Строганова Е.Д. США и левые режимы Латинской Америки (вторая половина XX – начало XXI века. – М.: Весь мир, 2017.

²⁶ Строганова Е.Д. Идеи социализма в Латинской Америке // Латинская Америка. – 2009. – №12. – С. 43– 59; Строганова Е.Д. Основные этапы жизни и деятельности У. Чавеса // Берегиня 777. Соч. 2013. – №1 (16). – С. 209 – 223; Строганова Е.Д. Поиск социалистической альтернативы в Чили // Берегиня 777. Соч. 2013. – №3 (18). – С. – 91 – 97.

²⁷ Чумакова М.Л. Эквадор: перемены на политической арене // Латинская Америка. – М., 2007. – №2; Чумакова М.Л. Гражданская революция в Эквадоре // Латинская Америка. – 2008. – №3; Чумакова М. Л. Политический кризис в Эквадоре // Латинская Америка. – М., 2003. – №6; Чумакова М. Л. Эквадор: анатомия нестабильности. // Латинская Америка. – М., 2000. – №7; Дабагян Э. С. Станет ли Эквадор самой честной страной? // Латинская Америка. – М., 2003. – №2.

«гражданской революции»²⁸. В книге осуществлен анализ широкого комплекса аспектов «гражданской революции»: предыстория прихода к власти Р. Корреа, внешние и внутренние факторы его победы, даны объективные оценки шагов правительства с 2007 по 2009 год.

Крайне важными представляются также аналитические материалы, опубликованные в журналах «Латинская Америка. Журнал латиноамериканских исследований»²⁹, «Латинская Америка сегодня»³⁰, «Журнал политической науки»³¹, «Журнал «Родина»³², «Новое общество»³³, «Новая политика»³⁴, «Журнал АФЕСЕ»³⁵, «Управление и стратегия»³⁶, российском журнале «Латинская Америка»³⁷, а также аналитические доклады Латиноамериканского совета по общественным наукам (Consejo Latinoamericano de Ciencias Sociales, CLACSO)³⁸

Тем не менее, как показывает анализ ключевых научных работ, политическим процессам в Эквадоре уделялось недостаточно внимания как в латиноамериканской, так и в российской научной литературе. Исследования событий XX века редко затрагивают современные политические процессы, а при изучении актуальных процессов авторы «замыкаются» на истории и не связывают развитие государственных и общественных институтов с феноменом

²⁸ Эквадор на пути «гражданской революции» / Рук. проекта *Н.В. Калашников*. – М.: ИЛА РАН, 2009.

²⁹ *Barié C. G.* Nuevas narrativas constitucionales en Bolivia y Ecuador: el buen vivir y los derechos de la naturaleza // *Latinoamérica. Revista de estudios latinoamericanos*. – 2014. – № 59.

³⁰ *Caria Domínguez R.* El porvenir de una ilusión: la ideología de buen vivir // *América Latina Hoy*. – 2014. – №67.

³¹ *Polga-Hecimovich J.* Ecuador: Estabilidad institucional y la consolidación de poder de Rafael Correa // *Revista de ciencia política*. – 2013. – Vol.33. – № 1.

³² *Sánchez J.* ¿A dónde va Ecuador? // *Revista Patria*. – 2013. – №1.

³³ *Hernández V., Buendía F.* Ecuador: avances y desafíos de Alianza PAIS // *Nueva Sociedad*. – 2011. – №234; *Borja R.* El Ecuador y el proceso de constitucionalización // *Nueva Sociedad*. – 1978. – №38.

³⁴ *Loaiza J.* La era del nacionalpopulismo latinoamericano // *Nueva política*. – Bogotá, 2009. – № 2.

³⁵ *Escobar I., Ramirez O., Torres I., Villafruerte G., Vilogni G.* La transición a la democracia en el Ecuador: una mirada histórico-política a un proceso de revalorización democrática // *Revista AFESE*. – 2010. – № 53.

³⁶ *Calderón Ortiz G.* La gobernabilidad en América Latina // *Gestión y Estrategia*. – México, 1998. – №13.

³⁷ *Бабуркин С. А.* Эквадор: от «национальной реконструкции» к «демократическому социализму» // *Латинская Америка*. – М., 2000. – №2; *Гончаров В. М.* Элой Альфаро и борьба Кубы за независимость // *Латинская Америка*. – М., 1976. – №1; *Китайгородская Д. С.* Эквадор: источник экономического роста // *Латинская Америка*. – М., 1976. – №5 и т.д.

³⁸ *Las izquierdas latinoamericanas. De la oposición al gobierno*. – Buenos Aires: CLACSO, 2010; *Chaparro A., Galindo C., Sallenave A.M.* Estado, democracia y populismo en América Latina. – Bogotá: CLACSO, 2008.

«гражданской революции», в результате теряется понимание исторической преемственности. Напротив, настоящее исследование призвано восполнить имеющиеся пробелы, предлагая по-новому взглянуть на эволюцию политического процесса в Эквадоре в контексте «левого поворота».

Объектом данного исследования является политический процесс в Эквадоре.

Предметом исследования выступают формирование, эволюция и особенности функционирования государственных институтов Эквадора в контексте «левого поворота».

Исследовательская гипотеза работы.

Политические процессы в Эквадоре характеризовались чередованием волн внутривластной нестабильности, сопровождавшейся конфликтами между ветвями власти и многочисленными государственными переворотами, и своего рода «прогрессистских циклов», направленных на слом архаичных политических институтов. На практике обеспечить стабилизацию страны и провести институциональную модернизацию государства удалось только благодаря «гражданской революции», в ходе которой были осуществлены глубокие социально-экономические и политические преобразования.

Цель диссертационного исследования состоит в комплексном анализе опыта «гражданской революции» в Эквадоре как итога предшествующих реформ и политических процессов.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих исследовательских задач:

- Обозначить ключевые категории и понятия, применимые для изучения особенностей политического процесса в Эквадоре.
- Выделить основные этапы политической эволюции Эквадора и определить логику институционального развития государства.

– Рассмотреть политические предпосылки демократического транзита в качестве поворотного пункта в жизни страны.

– Выявить сильные и слабые стороны правления Х. Рольдоса как первого президента периода демократического транзита и рассмотреть причины политической нестабильности в период его мандата.

– Проанализировать основные направления деятельности последующих правительств, акцентируя внимание на институциональных изменениях.

– Определить внутренние и внешние факторы, обусловившие начало «гражданской революции», выявить ее основные этапы.

– Раскрыть конституционные основы и идеологию «гражданской революции», включая ее центральную концепцию «buen vivir» («достойная жизнь»).

– Оценить значение и масштаб институциональных трансформаций в ходе социально-экономических преобразований в период правления Р. Корреа.

– Показать основные достижения и противоречия реформистского курса этого правительства.

Источниковая база исследования состоит из нескольких видов материалов на испанском, английском и русском языках, значительный массив которых вводится автором в научный оборот впервые.

Первая группа источников включает *нормативно-правовые акты*. В первую очередь, речь идет о различных редакциях Основного закона Эквадора: двенадцатая конституция, названная Основным либеральным законом, вошедшая в силу в 1906 г., требовала отделить церковь от государства³⁹; Конституция 1929 г., принятая правительством Исидро Айора (1928-1931), расширила электоральную базу, политические права и полномочия Конгресса,

³⁹ Constitución ecuatoriana de 1906. Available at: http://www.cancilleria.gob.ec/wp-content/uploads/2013/06/constitucion_1906.pdf (accessed 12.07.2018).

впервые предоставив право голоса женщинам⁴⁰. Конституция 1945 г. была принята при президенте В. Ибарра⁴¹. Конституция 1978 г., впервые в политической истории одобренная на референдуме, позволила осуществить демократический транзит⁴². Основной Закон от 1998 г. изменил процедуру избрания главы государства, президент мог быть избран как минимум 40% голосов⁴³. Наконец, Конституция Монтекристи от 2008 г., составила правовую базу собственно «гражданской революции»⁴⁴.

Важное значение при анализе процесса «гражданской революции» имеют документы, в которых намечена стратегия экономического и социального развития: Национальный план во имя «достойной жизни» 2009-2013 гг.⁴⁵ и Национальный план во имя «достойной жизни» 2013-2017 гг.⁴⁶.

Помимо этого, важным источником для понимания правовых преобразований в ходе «гражданской революции» являются законы и правовые акты, принятые в период с 2007 по 2017 год. В их число входят Кодекс о демократии в Эквадоре» (или Органический избирательный закон), регулирующий партийную деятельность и устанавливающего правила

⁴⁰ Constitución ecuatoriana de 1929. Available at: http://www.cancilleria.gob.ec/wpcontent/uploads/2013/06/constitucion_1928.pdf (accessed 12.07.2018).

⁴¹ Constitución ecuatoriana de 1945. Available at: http://www.cancilleria.gob.ec/wpcontent/uploads/2013/06/constitucion_1945.pdf (accessed 12.07.2018).

⁴² Constitución ecuatoriana de 1979. Available at: http://www.cancilleria.gob.ec/wpcontent/uploads/2013/06/constitucion_1978.pdf (accessed 12.07.2018).

⁴³ Constitución ecuatoriana de 1998. Available at: http://www.cancilleria.gob.ec/wpcontent/uploads/2013/06/constitucion_1998.pdf (accessed 12.07.2018).

⁴⁴ Constitución ecuatoriana de 2008. Available at: http://www.cancilleria.gob.ec/wpcontent/uploads/2013/06/constitucion_2008.pdf (accessed 12.07.2018).

⁴⁵ Plan Nacional para el Buen Vivir. Available at: http://www.planificacion.gob.ec/wp-content/uploads/downloads/2012/07/Plan_Nacional_para_el_Buen_Vivir.pdf (accessed 12.07.2018).

⁴⁶ Национальный план достойной жизни на 2013-2017 гг. Кито: Эль Телеграфо, 2014.

регистрации политических партий⁴⁷; Органический и универсальный уголовный кодекс⁴⁸; Трудовой кодекс Эквадора⁴⁹ и другие.

Вторую группу источников составляют газетные и электронные издания Эквадора и других стран Латинской Америки (эквадорские СМИ «El Telégrafo», «El Universo», «El Comercio», колумбийская газета «El Tiempo», аргентинская «La Nación», кубинская «Granma» и другие. Важным источником фактической информации явился официальный печатный орган Альянса- PAIS «El Ciudadano».

Третью группу составляют нормативные документы и информационные бюллетени Альянса- PAIS: бюллетень «Мы Страна!» («Somos País!»), Этический кодекс движения⁵⁰ и другие.

В четвертую группу источников вошли документы официальных государственных органов: Избирательного совета,⁵¹ Национальной ассамблеи⁵², Национального секретариата по планированию и развитию⁵³, а также политического движения Альянс- PAIS⁵⁴ и публикации президента Р. Корреа⁵⁵.

Пятая группа источников включает материалы Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (CEPAL)⁵⁶.

⁴⁷ Consejo Nacional Electoral. Ley Orgánica Electoral y de Organizaciones Políticas de la República del Ecuador. Available at: http://cne.gob.ec/documents/lotaip/2.informacion_legal/base_legal/ley_organica_electoral_-_codigo_de_la_democracia.pdf (accessed 12.07.2018); Ивановский З.В. Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры. – М.: ИЛА РАН, 2014. – С. 84.

⁴⁸ Código Orgánico Integral Penal. Available at: <http://www.asambleanacional.gob.ec/es/leyes-aprobadas> (accessed 12.07.2018).

⁴⁹ Código del trabajo. Available at: <http://www.trabajo.gob.ec/wp-content/uploads/downloads/2012/11/C%C3%B3digo-de-Trabajo-PDF.pdf> (accessed 12.07.2018).

⁵⁰ Código de Ética del Movimiento Alianza PAIS. Available at: <http://www.alianzapais.com.ec/wp-content/uploads/2015/10/CÓDIGO-DE-ÉTICA.pdf> (accessed 12.07.2018).

⁵¹ Tribunal Supremo Electoral. Available at: <https://cne.gob.ec> (accessed 12.07.2018).

⁵² Asamblea Nacional. República del Ecuador. Available at: <http://www.asambleanacional.gob.ec/es> (accessed 12.07.2018).

⁵³ Национальный секретариат по планированию и развитию (SENPLADES) <http://www.planificacion.gob.ec/>

⁵⁴ Movimiento Alianza PAIS. Available at: <http://www.alianzapais.com.ec/> (accessed 12.07.2018).

⁵⁵ Correa R. Otra economía es posible // Acedios a lo imposible. Propuestas económicas en construcción. – Quito: FLACSO, 2005; Корреа Р. Мировая экономика и гражданская революция // Латинская Америка. – М., 2009. – № 12.

⁵⁶ См., напр.: Vásconez A. Córdoba P. La construcción de las políticas sociales en Ecuador durante los años ochenta y noventa: sentidos, contextos y resultados. – Santiago de Chile: CEPAL, 2005.

Обширные и репрезентативные источники, используемые автором, позволяют адекватно отразить эволюцию политических институтов Эквадора вплоть до «гражданской революции».

Теоретико-методологическая база исследования

Теоретической основой данного диссертационного исследования можно считать концепцию «гражданской революции», которая нашла отражение, в первую очередь, в официальных источниках и в выступлениях самого Р.Корреа⁵⁷. При изучении международного контекста «гражданской революции» автор опирался на публикации российских ученых, предложивших концепцию «левого дрейфа» или «левого поворота» (В.М.Давыдов, О.А. Жирнов, Н.Ю.Кудеярова, Б.Ф.Мартынов, В.П.Сударев, М.Л.Чумакова, И.К.Шереметьев и другие)⁵⁸. Теория политического лидерства была разработана классиками политологии (Ж.Блонделем, М.Вебером, М.Херманн и другими)⁵⁹. Концепция популизма и неопопулизма опирается на труды О. Ианни, Х.Лоайсы, Ф. Фрайденберг, О.Уртадо и других⁶⁰. В российской латиноамериканистике проблема популизма разрабатывалась с разных позиций в работах Т.Е.Ворожейкиной, Э.С.Дабагына, О.Н.Докучаевой, Т.Ю.Русаковой⁶¹. При рассмотрении идеологии «достойной жизни» использовались концептуальные подходы латиноамериканских

⁵⁷См. напр.: Ministerio de Relaciones Exteriores y Movilidad Humana. Hitos de la Revolución ciudadana. Quito, 2014. Secretaría Nacional de Planificación y Desarrollo. 10 años Revolución ciudadana. La década ganada. – Quito: Semplades, 2017. – 76 p.

⁵⁸ «Левый поворот в Латинской Америке / Отв. ред. В.П.Сударев. – М.: ИЛА РАН, 2007. – 216 с.; Жирнов О. А., Шереметьев И.К. «Левый поворот в Латинской Америке. Аналитический обзор. – М.: ИНИОН РАН, 2008.

⁵⁹ Блондель Ж. Политическое лидерство. – М., 1992; Вебер М. Политика как призвание и профессия – М.: Рипол-классик, 2018; Hermann M. [Explaining Foreign Policy Using Personal Characteristics of Political Leaders](#) // [International Studies Quarterly](#). – 1980. – №24 (1).

⁶⁰ Hurtado O. Los costos del populismo. – Quito, 2006 – 164 p.; Ianni O. La Formación del Estado Populista en América Latina. – México: Era, 1975. – 85 p.; Ianni O. Populismo y Contradicciones de Clase en Latinoamérica. – México: Era, 1973. – 126 p; Loaiza J. La era del nacionalpopulismo latinoamericano // J.Loaiza // Nueva política. – Bogotá, 2009. – № 2.; Freidenberg F. La tentación populista. Una vía al poder en América Latina. – Madrid, Síntesis, 2007.

⁶¹ Ворожейкина Т.Е. Феномен Чавеса. Режим доступа - <http://carnegie.ru/proetcontra/?fa=52444> (дата обращения 14.10.2016; Дабагян Э.С. Неолиберализм и популизм. Опыт одной страны //Латинская Америка. – 1997. – №1; Докучаева О.Н. Современный латиноамериканский популизм: новый поворот //Испания и Латинская Америка в мировой политике. – М.: МГИМО (У), 2007; Русакова Т.Ю. Популизм как социально-политическое явление и его новое звучание //Латинская Америка. – 2010. – №3.

исследователей Э. Гудинаса, М. Харнеккер, А. Акосты, Ф. Веги и других⁶². При анализе институциональной эволюции политической системы диссертант опирался на теории демократии и процесса демократизации, разрабатываемые в западной политологии в трудах Т.Ванханена, Л.Даймонда, Р.Даля, Д.Дзоло, К.Крауча, А.Лейпхарта, Х.Линца, Г.О'Доннелла, С.М.Липсета, А.Пшеворского, Дж.Сартори, А.Степана, Ч. Тилли, С.Хантингтона и других⁶³, а в российской – в исследованиях Л.В.Дьяковой, З.В.Ивановского, М.В.Ильина, А.М.Мадатова, А.Ю.Мельвиля, Л.С.Окуневой, А.М.Салмина и других политологов⁶⁴. В фундаментальном коллективном исследовании, подготовленном Центром политических исследований Института Латинской Америки РАН, разработана методология комплексного анализа внутривнутриполитических конфликтов⁶⁵.

Методы диссертационного исследования

При работе над диссертацией автор использовал широкий набор методов. Общенаучные методы предусматривают применение анализа, синтеза, индукции, дедукции, аналогии, выделения общего и частного, типологизации и т.д. Среди

⁶² Acosta A. Breve historia económica del Ecuador. Corporación Editora Nacional. – Quito, 2006. – 78 p.; Harnecker M. Ecuador: una nueva izquierda en busca de la vida en plenitud. – Caracas, 2012. – 360 p.; Deconstrucción y genealogía del “buen vivir” latinoamericano. El (trino) “buen vivir” y sus diversos manantiales intelectuales. Available at: <https://journals.openedition.org/poldev/2517> (accessed 10.06.2018).

⁶³ Vanhanen T. The Limits of Democratization: Climate, Intelligence, and Resource Distribution. – Atlanta: Washington Summit Publishers, 2009; Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996; Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. – New York: Chatham House, 1987; Даль Р. Введение в теорию демократии. – М., 1992; Даль Р. Демократия и ее критики. – М., 2003; Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход. – М., 2010; Крауч К. Постдемократия. – М., 2010; Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. – М., 1997; Пшеворский А. Демократия и рынок. – М., 1999; Тилли Ч. Демократия. – М.: Наука, 2007; Хантингтон С. Третья волна. Демократизация на исходе века. – М., 2003 и др.

⁶⁴ Ивановский З.В. Проблемы и перспективы консолидации новых демократий // Латинская Америка. – 2000. – №1; Ивановский З.В. Латинская Америка: метаморфозы политической модернизации // Латинская Америка. – 2011. – №12; Ивановский З.В. Конституционные реформы в Латинской Америке и их политические последствия // PolitBook. – 2014. – №1; Ильин М.В. Глобализация политики и эволюция политических систем // Глобальные социальные и политические проблемы в мире. – М., 1997; Мадатов А.С. Демократия: сущность и методологические проблемы исследования. – М., 2000; Мельвиль А.Ю. Внешние и внутренние факторы демократических транзитов. – М.: МГИМО, 1999; Окунева Л. С. Бразилия: особенности демократического проекта: Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг.–2006 г.). – М.: МГИМО-Университет, 2008; Салмин А.М. Современная демократия. Очерки становления и развития. М.: Форум, 2009; Iwanowski Z.W. Democracy in Latin America and Russia: a Comparative Analysis. – San Diego: UCSD, 1996, Iwanowski Z.W. Transiciones postautoritarias: logros y desafíos // Latinidade. – Rio de Janeiro, 2012. – Vol. 4. – № 2, etc.

⁶⁵ Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности / Отв. ред. З.В.Ивановский. – М.: ИЛА РАН, 2017. – 452 с.

общетеоретических методов использовался историко-сопоставительный подход, который позволил выявить этапы политического развития и проследить логику политического процесса в Эквадоре, понять структуру политической системы в ее ретроспективе и сопоставить ее модификацию в прошлом с актуальным состоянием. При периодизации политической истории страны использовался проблемно-хронологический метод как частное проявление исторического. При анализе эволюции политической системы и взаимодействия политических институтов Эквадора продуктивным оказался институциональный подход, позволивший изучить многообразные факторы, влияющие на деятельность политических институтов. Учитывая тесную взаимосвязь политических процессов с социальными реформами и экономическими проблемами, использовался метод комплексного подхода. Частично применялся также нормативно-ценностный подход, предполагающий учет моральных норм по отношению к определенным политическим явлениям. В меньшей степени использовались психологический и бихевиористский подходы, которые, тем не менее, помогли выявить особенности поведенческих стилей эквадорских политических лидеров.

Положения, выносимые на защиту

1. В политической истории Эквадора XX и начала XXI вв. имели место «волны» внутривнутриполитической нестабильности, отразившиеся на институциональной структуре государства. Внутренняя политика, характеризующаяся перманентной конфликтной ситуацией между законодательной и исполнительной ветвями власти, скрытое, а нередко и открытое противостояние между различными группировками правящих кругов. Политика носила элитарный, оторванный от широких масс характер. Доминантой политического развития в XX веке стал местный вариант популизма («веласкизм»), чьи черты сохранялись и после ухода с исторической сцены самого В. Ибарры.

2. На фоне преобладания в Эквадоре политики олигархического стиля проявлялась и обратная тенденция. Так, в рассматриваемое время прослеживается своего рода прогрессивный или прогрессистский цикл, связанный с периодами правлений трех лидеров: Э. Альфаро, Х. Рольдоса и Р. Корреа.

Исходным пунктом этого цикла стала Либеральная революция 1895 г., возглавленная генералом Э. Альфаро. Его проект предполагал слом архаичных институтов, преодоление доминирования Консервативной партии и стоявших за ней латифундистских и клерикальных кругов. Однако этот проект осуществился лишь отчасти, поскольку был прерван гибелью лидера, гражданской войной 1912-1916 гг. и беспринципным компромиссом верхушек противоборствующих сторон.

Вторым этапом «прогрессистского» цикла стало правление Х. Рольдоса. Его президентство завершило демократический транзит – процесс передачи политической власти от военных режимов демократически избираемым гражданским президентам. Данный вектор стал определяющим в дальнейшем институциональном развитии эквадорского государства. Х. Рольдос стал воплощением демократизации Эквадора, приложив немало усилий для модернизации политических институтов. Однако ему не удалось избавиться от «родимых пятен» политической жизни Эквадора, его проект модернизации встретил жесткое сопротивление со стороны традиционно элитарной партийной системы. Серьезным тормозом стал глубокий конфликт между исполнительной и законодательной ветвями власти – давнее «проклятие» большинства режимов региона. Третьим этапом «прогрессистского» цикла стал процесс «гражданской революции», возглавленный Р. Корреа.

3. Социально-политический проект «гражданской революции» предполагал широкую повестку реформ, многие из которых правительству Р. Корреа удалось реализовать на практике. Созванная Конституционная ассамблея

открыла путь к институциональной модернизации государства и создала прочный правовой фундамент. Результатом ее работы стала Конституция Монтекристи, определившая основные направления социально-экономической трансформации страны. На этом фундаменте правительству удалось в немалой мере консолидировать нацию и создать условия для внутривластной стабильности на протяжении как минимум десяти лет.

4. Ключевым концептуальным компонентом идеологии «гражданской революции» служит новая мировоззренческая модель «достойной жизни» (*buen vivir*). Она нашла отражение в Конституции Монтекристи и стала главным философско-политическим ориентиром проводимых в стране реформ. Упор сделан на отказе от идеологии «общества потребления» и переходе общественного бытия и сознания на гармоничное взаимодействие в системе «государство-общество-природа».

5. В идеологии и практике «гражданской революции» провозглашается и реализуется историческая преемственность между Либеральной революцией конца XIX – начала XX века и нынешним этапом развития Эквадора. В этом плане «гражданскую революцию» можно рассматривать как заключительный и наиболее успешный этап большого «прогрессистского цикла», когда прежние ожидания и намерения нашли практическое воплощение в реальной жизни государства и общества. Об этом свидетельствуют и политические «константы» трех сроков правления Р. Корреа: ему удалось прервать цепь конфликтов между исполнительной и законодательной властью, обеспечить институциональную стабильность государства, создать условия для относительного политического консенсуса и провести глубокие социально-экономические и политические преобразования.

Научная новизна исследования. 1. В развернутой авторской характеристике обобщены основные тенденции политического развития Эквадора, с учетом ключевых институциональных изменений.

2. Предложена авторская типология институциональной эволюции политического развития Эквадора.

3. Выявлены особенности и схожие черты различных этапов эволюции политической системы Эквадора, которые образуют внутренне преемственный, историко-генетически связанный прогрессистский цикл политического развития.

4. Выявлена специфика развития и результаты проведенных социально-экономических и институциональных реформ.

5. Предложено теоретическое обоснование политической трансформации Эквадора в начале XXI века, отражающее изменения структуры институтов власти и партийной системы.

6. Диссертант впервые ввел в научный оборот значительное количество новых источников и литературы.

Теоретическая и практическая значимость диссертации состоит в следующем. Во-первых, автор проанализировал существующие концепции популизма и выдвинул собственное видение этого феномена с учетом политического опыта своей страны. Во-вторых, выводы и результаты анализа фактической информации, представленные диссертантом, могут использоваться в сравнительных исследованиях по изучению группы стран Андского субрегиона. В-третьих, результаты диссертационной работы могут быть полезны в российских и эквадорских внешнеполитических ведомствах для выстраивания курса, и стратегии двусторонних отношений между Россией и Эквадором, а также с другими государствами, остающимися в орбите «левого поворота» в Латинской Америке. В-четвертых, итоги диссертационной работы имеют прикладной смысл при разработке учебных курсов в высших учебных заведениях по политической истории стран региона в целом и Эквадора в частности.

Степень достоверности результатов исследования обусловлена широким массивом источниковой базы исследования, которая включает в себя нормативно-законодательные акты (тексты основных законов Эквадора,

органических законов государства), правовые документы и информационные бюллетени правящей партии Эквадора, официальные статистические источники. Комплексный обзор и анализ периодических и аналитических изданий позволяет решить поставленные в диссертации задачи и подтвердить выдвинутую гипотезу.

Апробация диссертации

Основные результаты и положения диссертации были изложены автором в выступлениях на научных конференциях и «круглых столах» «Истоки и развитие «гражданской революции» в Эквадоре (Москва, Институт Латинской Америки РАН, 12.04.2008); «Процесс демократизации в Латинской Америке» (Москва, Российский университет дружбы народов, 03.03.2011); «Социализм XXI в.: идеология и политика» (Москва, ИЛА РАН, 14.03.2013); «Система образования в Латинской Америке: новые вызовы и возможности для сотрудничества» (Екатеринбург, Уральский государственный экономический университет, 11.10.2014); «Политические процессы в Латинской Америке» (Курск, Юго-Западный государственный университет, 19.11.2014), в тематических встречах в дипломатическом корпусе, аккредитованном в Москве, а также в восьми научных публикациях.

Диссертационная работа обсуждена и одобрена на заседании Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН 21 февраля 2019 года.

ГЛАВА 1. Ключевые понятия, используемые при анализе политических процессов в Эквадоре

Прежде чем приступить к рассмотрению собственно политического процесса в Эквадоре и эволюции его государственных институтов, целесообразно остановиться на анализе базовых концептуальных понятий, описывающих основные аспекты политической жизни страны как в прошлом, так и в настоящем. Это своего рода фундаментальные константы, которые были свойственны не только Эквадору, но и латиноамериканскому региону в целом на протяжении всего XX и отчасти в начале XXI века. Аналитическое рассмотрение этих понятий и концепций перед «погружением» в фактологию политических процессов позволит более глубоко понять и осмыслить событийную канву политических тенденций. Ниже мы предпримем попытку концептуализации эквадорской политики и выявления фундаментальных категорий, теоретически описывающих и концентрирующих политическую событийность и многообразие изучаемой страны.

Представляется, что к числу базовых категорий, описывающих эквадорскую политику можно отнести следующие: популизм (и его современное «издание» в лице так называемого «неопопулизма»), социально-политическую управляемость («gobernabilidad»), столкновение властей и внутривнутриполитический конфликт, политическая стабильность и нестабильность, многопартийность, институциональную зрелость государства и ряд других. Следует определить содержание данного круга понятий, их внутренней взаимосвязи и в предварительном порядке обозначить их основное эмпирическое наполнение. Такой подход позволит создать необходимый теоретический контекст для дальнейшего конкретно-исторического исследования политического процесса в Эквадоре.

§1. Концепция «популизма» в латиноамериканской и эквадорской интерпретации

Одним из центральных понятий, описывающих тип отношений между властью и обществом в Эквадоре в XX веке, является категория «популизм». Нам представляется важным рассмотреть ее в первую очередь в виду распространенности данного явления в политической жизни страны, которую не без оснований относят к наиболее «популистским» в регионе. Действительно, минимум треть «политического времени» в Эквадоре XX – начала XXI вв. было «отдано» историей в распоряжение политиков популистского толка. Вместе с тем нельзя сказать, что эквадорский популизм представляет собой нечто уникальное и особенное. Это, скорее, составная часть и отдельное проявление более широкого и универсального феномена «латиноамериканского популизма» и популизма вообще.

Проблемой исследования феномена популизма занимались многие латиноамериканские и европейские политологи, начиная с 70-х гг. XX века. Аналитическое измерение этого явления неоднозначно и многогранно. Существуют его антропологические, историко-политические и психологические трактовки и интерпретации. Например, аргентинский исследователь Джино Джермани (Gino Germani) отмечает, что «популизм – это явление, которое возникает в переходном обществе, находящемся на пути транзита от традиционного к модернистскому»⁶⁶. Согласно его определению, популизм есть политическая стратегия манипулирования массами со стороны харизматичных и склонных к демагогии лидеров, выходящих на передний план в эпоху высокой социальной турбулентности и неопределенности. Общества такого типа имеют размытую и гибкую социальную структуру, поэтому возникает лидер популистского толка, который способен консолидировать эту дисперсную

⁶⁶ См. подробнее: *Germani G. Política y Sociedad en una Época de Transición.* / G.Germani. – Buenos Aires: Paidós, 1971. – 125 p.

мультиклассовую массу и направить ее на какое-то время в единое русло. Такой подход к популизму получил название функционального и применяется в работах таких авторов, как Нейл Смелсер⁶⁷, Торкуато Ди Телла⁶⁸ и др. Основную социально-экономическую предпосылку популизма они видят в ускоренных процессах индустриализации и урбанизации, обуславливающих изменение общественного сознания широких масс и высокую манипулятивность их политических настроений, чем эффективно пользуются популистские лидеры. Ди Телла видит непосредственные причины популизма в политическом напряжении, которое создается между исключенными из политической жизни массами, не включенными в модернизационный прогресс, и элитами, которым не удалось достичь консенсуса как в самой власти, так и в обществе в целом.

В марксистской теоретической традиции интерпретацией популизма занимались исследователи, принадлежащие к течению так называемых «депендентистов» (термин производный от понятия «dependencia» – зависимость). Здесь необходимо упомянуть таких исследователей, как Г. О’Доннелл⁶⁹, Дж. Малой⁷⁰, Д. Кольер⁷¹, О. Ианни⁷². Согласно их воззрениям, политическая история Латинской Америки делится на три крупных этапа: олигархический, популистский и авторитарно-бюрократический. Популистский этап становится результатом кризиса олигархической модели развития. Бразильский политолог О. Ианни определяет популизм как «социально-политическое движение масс, которое появляется в центре разрывов социальных структур, вызванных кризисом мировой капиталистической системы и

⁶⁷ Smelser N. *Procesos de Cambio Social* / N.Smelser. – Madrid: Euramérica, 1977.

⁶⁸ Di Tella T. *Populismo y Reformismo* / T. di Tella. – México: Era, 1973. – 167 p.

⁶⁹ O’Donnell G. *Modernización y Autoritarismo* / G. O’Donnell. – Buenos Aires: Paidós, 1972. – 236 p.

⁷⁰ Malloy G. *Authoritarianism and Corporatism in Latin America* / G.Malloy. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1977. – 329 p.

⁷¹ Collier D. *Overview of the Burocratic-Authoritarian Model* / D. Collier. – Baltimore: Princeton University Press, 1979. – 134 p.

⁷² Ianni O. *Populismo y Contradicciones de Clase en Latinoamérica* / O.Ianni. – México: Era, 1973. – 126 p.; *La Formación del Estado Populista en América Latina* / O.Ianni. – México: Era, 1975. – 85 p.

сопровождающим его кризисом латиноамериканских олигархий» ⁷³ . Популистские движения становятся результатом межклассовых альянсов и поиском универсального компромисса. Ианни, придерживавшийся классового подхода, видел в популистских движениях некоторые прогрессивные черты. С его точки зрения, они являются процессом «обучения» и «кристаллизации» классового сознания рабочих методом «проб и ошибок». Он утверждал, что тем самым массы трансформируются в классы как субъекты политического действия. Но этот же процесс, с точки зрения Ианни, закономерно приводил популистские режимы к кризису и падению. Здесь мы находим скорее историко-философскую интерпретацию популизма как определенного исторического этапа, вызванного объективными причинами. Рассматривая критически такой подход к популизму, эквадорский политолог Фелипе Бурбано в книге «Популизм в Эквадоре» отмечает: «Эти интерпретации в определенной степени представляют собой теоретическое топливо для экономического детерминизма. Тип зависимой экономики формирует определенную классовую структуру, которая в свою очередь порождает социальные движения и государство определенного типа. Кроме того, связывая популизм с историческим этапом развития региона, такая интерпретация подобно функционалистской впадает в телеологизм» ⁷⁴ . Утверждения об экономическом детерминизме и телеологии, на наш взгляд, в свою очередь грешат преувеличением; но рассматриваемый подход действительно представляет собой лишь макроисторическое рассмотрение, которое зачастую не учитывает конкретики и частных проявлений популизма в отдельных случаях. Будучи применимым к таким аграрно-индустриальным странам, как Аргентина, Бразилия, Венесуэла, данный подход не объясняет еще большей распространенности популизма в ряде стран, не переживших в XX в. промышленного переворота, подобно Эквадору.

⁷³ Ianni O. Op.cit.

⁷⁴ El populismo en el Ecuador (antología de textos). – Quito, 1989. – P. 16.

Другой подход к популизму рассматривает это явление как определенный тип политического дискурса. Этим путем, следуя традициям постструктурализма и критического марксизма, шел в 70-е гг. аргентинский философ Эрнесто Лаклау. В своих работах он активно использует понятие «доминирующей идеологии», реакцией на которую и становится популизм: «Наша гипотеза состоит в том, что популизм представляет собой способ удовлетворения общественного демократического запроса как синтетическо-антагонистического образования по отношению к господствующей идеологии».⁷⁵ С его точки зрения, «популизм есть причина и эффект кризиса дискурса доминирующей идеологии, являющегося частью более широкого социального кризиса»⁷⁶. Но в действительности и такая трактовка оказывается односторонней. Она не отвечает на вопросы, в чем состоят конкретные проявления популизма, каковы его социально-экономические причины, социальная база, особенности политического стиля и пр.

В большей степени к ответу на вопрос о политической природе популизма приближается его интерпретация как разновидности политического клиентелизма. Одним из первых эту проблематику стал глубоко изучать эквадорский политолог Менендес-Каррион, опубликовавший в 1986 г. книгу «Завоевание голосов в Эквадоре: от Веласко до Рольдоса».⁷⁷ Объектом его изучения стало политическое поведение социальных групп, живущих в плохих экономических условиях, чьи интересы мало представлены в существующей политической системе и в самом государстве. По его мнению, электоральные предпочтения этих групп обусловлены выгодой обмена голосов на выборах на возможность улучшения социально-экономических условий их жизни. Он трактует такое поведение как рациональное и прагматичное. Поддержка популистского лидера здесь оказывается «инструментальным ответом на

⁷⁵ *Laclau E. Politics and Ideology in Marxist Theory* / E. Laclau. – London: Verso, 1977. – P. 170.

⁷⁶ *Ibid.* – P. 175.

⁷⁷ *Menéndez-Carrión A. La Conquista del Voto en el Ecuador: de Velasco a Roldos* / A. Menéndez-Carrión. – Quito: Corporación Editora Nacional, 1986. – 186 p.

конкретную ситуацию, в которой эти социальные группы находятся»⁷⁸. Менендес-Каррион проводит глубокий эмпирический анализ электорального поведения маргинальных групп в Эквадоре на протяжении полувека и приходит к выводу, что основным мотивом их голосования была возможность получения выгод от избрания того или иного кандидата в президенты. Стоит заметить, что здесь концепция популизма, интерпретируемая как клиентелизм, в определенной мере сводится к узкому пониманию электоральных процессов. Такой подход имеет право на существование, но тем не менее в нем он в значительной степени означает суживание проблемы. Популизм оказывается феноменом, объясняющим мобилизацию широких масс «до выборов» и «на выборы». Надо сказать, что современные трактовки популизма также используют эту методологию, ориентируясь главным образом на предвыборные политические процессы. Здесь речь идет о популистской риторике, направленной на мобилизацию электората и привлечение как можно большего количества голосов для достижения конкретной цели – избрания кандидата на пост президента или прохождения партии в парламент. Надо сказать, что такое узкое понимание популизма является преобладающим в современной политологической мысли. В какой-то степени это – противоположность предшествующему функциональному подходу, трактовавшему популизм в контексте широкого исторического и политического процесса. Но и он, несмотря на максимально «конкретный» характер, оказывается не слишком эффективным теоретическим инструментом для объяснения феномена популизма, поскольку те же электоральные приемы применяются и другими политическими течениями.

В стремлении преодолеть односторонние трактовки популизма, российский ученый В. М. Давыдов выдвинул дуалистическую теорию популизма. С его точки зрения, это политический феномен переходных и нестабильных политических периодов, который может проявляться по-разному:

⁷⁸ Ibid. – P.170.

«Популизм, наверное, имеет две ипостаси. Во-первых, это – стиль и способ реализации политической деятельности. Во-вторых, целевая установка, апелляция к массам, к их чувствам (в демагогической версии) и, с другой стороны, реакция на эти интересы, практика их удовлетворения (пусть иногда в ущерб экономической рациональности). Таким образом, термин сам по себе нейтрален. Но в любом случае он находит новые проявления, реализуясь в современной общественной практике. И это в определенной степени естественно и логично. Ибо популизм часто берется на вооружение в переходные, переломные эпохи»⁷⁹.

Интересную концепцию популизма развивает эквадорский исследователь Карлос де ла Торре в монументальном труде под названием «Одним касанием: популизм и политическая культура в Эквадоре»⁸⁰. Сильная и одновременно слабая сторона его исследования состоит в том, что он строит свою концепцию исключительно на эквадорском опыте популизма, даже уже – на основе изучения политического поведения президента А. Букарама. Сильной – потому что это приближает его концепцию к предмету нашего исследования, а слабой – потому что эмпирическая база обобщений носит ограниченный характер, и поэтому концепция не может быть рассмотрена как универсальная. Ключевой логической схемой его теоретических построений является триада: народ, популистский лидер и политическая элита. По его схеме, популист формально выступает в роли защитника (а на деле квази-защитника) народа от доминирующей политической элиты. Эквадорский исследователь Ф. Бурбано попытался максимально лаконично изложить взгляды коллеги: «Популизм, по Карлосу де ла Торре, стремится придать народу его же собственную идентичность, дать ему символическую легитимность, и для этого он защищает ценности «народной

⁷⁹ Давыдов В.М. Левая альтернатива в Латино-Карибской Америке – обусловленность, основные ориентиры и международная проекция / В.М.Давыдов. – М.: ИЛА РАН, 2007. – С. 14.

⁸⁰ De la Torre C. ¡Un solo toque!: Populismo y cultura política en Ecuador / C.de la Torre. – Quito: CAAP, 1996. – 322 р.

культуры». С этой точки зрения, он отрывается от господствующей культуры и критически противостоит ей. Как утверждает Карлос де ла Торре, «в то время как элиты всегда исполняют по отношению к народу «надменную» функцию «просвещения» и «цивилизаторства», популистский дискурс выступает в защиту ценностей и культурных практик народа. Так, если элиты постоянно подчеркивают свое моральное превосходство над народом, то популистский лидер на первый план ставит свое моральное превосходство над элитами от имени народа. Тем самым популистский лидер делегитимизирует элиты перед народом»⁸¹. Таким образом, популизм здесь трактуется в качестве формального сторонника народа, возникающего на стыке конфликта интересов между народными массами и властными политическими элитами.

Говоря об эквадорских трактовках популизма, нельзя миновать одного из основоположников местной политологической и социологической мысли Агустина Куэвы, который издал в 1973 г. труд под названием «Процесс политического доминирования в Эквадоре», ставший одной из вершин интеллектуальных достижений того времени. Впоследствии работа имела ряд переизданий и в итоге получила вид сжатой концентрированной статьи «Популизм как теоретическая и политическая проблема»⁸². Работа была посвящена детальному исследованию такого эквадорского варианта популизма, как «веласкизм», но автор сделал ряд универсальных обобщений, необходимых для понимания данного политического феномена в целом, поэтому мы остановимся на нем подробнее. Работа была написана при жизни самого В. Ибарры. На политической арене Веласко доминировал на протяжении сорока лет и оставил огромный след в эквадорской политике в целом, поэтому пройти мимо данного феномена при исследовании популизма в частности и эквадорской

⁸¹ Burbano de Lara F. Democracia, cultura política y gobernabilidad: los estudios políticos en los años noventa / F. Burbano de Lara. // Democracia, gobernabilidad y cultura política. – Quito, 2003. – P. 38.

⁸² Cueva A. El populismo como problema teórico y político / A. Cueva. // Las Democracias Restringidas en América Latina. – Quito: Planeta, 1988. – 213 p.

политики в целом невозможно. При описании «веласкизма» Куэва оперирует термином «каудильизм» и трактует характер популизма веласкистского типа как преимущественно электоральный. Относительно истоков «веласкизма» Куэва отмечает: «Веласко победил на выборах в 1934 г. в ходе и благодаря динамичной, уличной и экзальтированной предвыборной кампании, полной обещаний покончить с такими пороками Республики, как привилегии, заговоры, узурпация власти и др»⁸³. Куэва отмечает сходство всех последующих электоральных кампаний Веласко с его первой кампанией и приходит к выводу, что главным индивидуальным инструментом и методом Веласко была мощная личная харизма политика и способность сочетать религиозный символизм с текущими насущными потребностями и чаяниями народных масс. Таким образом, для Куэвы центральным элементом популизма является сильная личность политика-популиста, способного аккумулировать и сконцентрировать на себе мощные эмоциональные потоки, исходящие из народа, и направить их в выгодное для него политическое русло. Такая персоналистская трактовка популизма впоследствии закрепились как в эквадорской, так и латиноамериканской политологической мысли и стала доминирующей в объяснении и понимании феномена популизма.

В современной латиноамериканской и европейской политологии часто используется термин «неопопулизм», поскольку исследователи часто ассоциируют традиционный (или классический) популизм с началом и серединой XX века. Новые условия, характеризующиеся процессами демократизации в Латинской Америке, требуют обновленного терминологического аппарата, результатом чего и стало введение термина «неопопулизм». За исходный пункт формирования нового типа популизма чаще всего принимают рубеж 80х-90х гг., связывая его с волной неолиберальных реформ. С этой точки зрения, неопопулизм выступил политической формой проявления неолиберализма в

⁸³ Cueva A. Op. cit. – P. 54.

экономике стран Латинской Америки. Венесуэльский политолог Карлос Вилас отмечает следующую тенденцию: «Общим элементом всех стран, в которых проявился неопопулизм, выступает серия столкновений, конфликтов, соглашений и противостояний вокруг применения методов экономической и социальной реструктуризации в неолиберальном ключе»⁸⁴. Здесь речь идет в первую очередь о правом популизме, который, прикрываясь лозунгами защиты интересов народа, на деле продвигал противоположную стратегию навязывания своим странам неолиберальной экономической политики по рекомендациям Всемирного банка и Международного валютного фонда. Применительно к Эквадору речь идет о серии нестабильных право-популистских правительств А. Букарама, Х. Мауада и Л. Гутьерреса.

Довольно распространена точка зрения, будто понятие «левые» и «популисты» выступают как синонимы. Это далеко не так, что доказывает российский латиноамериканист В.М. Давыдов, апеллируя к эквадорскому политическому опыту: «Немало чернил и голосовых связок потрачено на рассуждения и полемику по поводу популизма. Термин этот превратился в ярлык, который стали наклеивать на все «левое». Между тем история не раз убедительно показывала, что популизм не чужд и правым (и даже крайне правым), и “солидным” центристам. Напомним, между прочим, об итальянском происхождении термина в особый исторический период. Что касается недавних латиноамериканских реалий, то симптоматичен эквадорский случай. Здесь на выборах 2006 г. правый популист, местный олигарх Нобоа, проиграл левому технократу Корреа»⁸⁵.

Вслед за волной правого неопопулизма, когда обнаружилась вся несостоятельность и реальные политические мотивы и цели его

⁸⁴ Vilas C. ¿Populismo reciclado o neoliberalismo a secas? El mito del 'neopopulismo' latinoamericano / C. Vilas // Revista Venezolana de Economía y Ciencias Sociales. – Caracas, 2003– No 3. – Vol. 9. – P. 30.

⁸⁵ Давыдов В.М. Левая альтернатива в Латино-Карибской Америке – обусловленность, основные ориентиры и международная проекция / В.М.Давыдов. – М.: ИЛА РАН, 2007. – С. 13.

антигосударственной по существу деятельности, в Латинской Америке возникла другая – противоположная – тенденция левого неопопулизма, которую обычно связывают с «левым поворотом» в регионе и последовательным приходом к власти левоориентированных правительств. Колумбийский политолог Хавьер Лоайса в статье «Эра латиноамериканского национал-популизма» провел систематизацию основных черт левого неопопулизма и свел их в единый комплекс. Основными общими признаками правительственной деятельности неопопулистских режимов «левой волны» он считает:

1) приход к власти электоральным путем, базируясь на популистских и национальных обещаниях, при этом лидер позиционируется как «спаситель родины» и «защитник всех бедных», враг «империи», традиционных политиков и местной олигархии;

2) концентрация законодательной власти у правящего большинства с целью беспрепятственного одобрения планируемых реформ;

3) стимулирование массовой мобилизации в целях создания условий для поддержки действий правительства и формирования граждан, готовых защитить завоевания и противостоять внутренним и внешним врагам;

4) стремление к установлению контроля над всеми ветвями власти и введение максимально строгого режима для деятельности оппозиции режиму;

5) введение режима максимально возможного контроля государства над экономикой, проведение национализаций и экспроприаций, начиная с иностранных корпораций, с целью установления национальной монополии в той или иной отрасли;

6) осуществление конституционных изменений для утверждения централизованной этатистской модели и проведение образовательной политики, направленной на формирование лояльных режиму граждан;

7) идентификация внешних врагов с целью квалификации их как основных причин возможных неудач и проблем⁸⁶.

Конструктивным моментом такого подхода можно считать то, что популизм не сводится к сугубо электоральным процедурам и предвыборному дискурсу политиков, но связывается с выявлением стратегических линий поведения власти как коллективного субъекта. Если при изучении классического популизма преобладал персоналистский подход, где на первый план выдвигается личность политика-популиста, то при осмыслении неопопулизма скорее преобладает институциональный подход, включающий в исследование все уровни власти и государственного управления, не сводимые к отдельной личности и персоне политика, какой бы личной харизмой и влиянием он ни обладал. Можно спорить с тем, насколько адекватны выделенные колумбийским политологом характеристики и насколько они действительно имеют реальные основания в оценке действий левых правительств хотя бы в таких «радикальных» государствах, как Венесуэла, Никарагуа, Боливия и Эквадор (очевидно, что многие его суждения были явно преувеличены). Но одно остается бесспорным: институциональный подход оказывается более адекватным для анализа «неопопулистских» режимов. При этом харизма и личные качества лидеров никуда не исчезают, но им придается иной, более взвешенный акцент. Если в классическом популизме лидер наделялся чуть ли не мессианскими качествами, на нем была сконцентрированы все властные связи и структуры, то в «неопопулизме» личность лидера скорее оказывается не фундаментом, а фактором государственного единства. При этом характер лидерства носит не столько авторитарный, сколько демократический характер, сам лидер остается таковым не вопреки, а благодаря общенациональному консенсусу, поддержание

⁸⁶ См. подробнее: *Loaiza J. La era del nacionalpopulismo latinoamericano /J.Loaiza // Nueva política. – Bogotá, 2009. – № 2.*

которого оказывается одним из главных внутривнутриполитических факторов сохранения его лидерства.

При оценке левых режимов Латинской Америки в XXI веке нередко используется такое понятие, как «третья волна популизма». Первой волной считается классический популизм середины XX века, второй – неолиберальный популизм правого толка рубежа XX-XXI вв., а третий – популизм левых режимов. Такой подход в немалой степени распространен в европейской политологической традиции. Так, при описании первых двух типов итальянский исследователь Франциско Паницца (Francisco Panizza), использует термин «популизм улиц», а при описании последнего типа – «популизм во власти»⁸⁷. Действительно, первые два типа, носившие преимущественно электоральный характер, имели в основном мобилизационное содержание, лидерам этого типа, как правило, не удавалось долго продержаться у власти. «Неопопулизму» левых режимов XXI века свойственно более глубокое и долговременное укоренение во власти, это относится и к Уго Чавесу в Венесуэле (14 лет правления), и к Эво Моралесу в Боливии (с 2006 г. по настоящее время), и к Р. Корреа (с 2007 по 2017 гг.). Лидерам этой волны присуще стремление к выработке и следованию четкой идеологии и продвижению демократии нового типа, называемой «прямой», «партиципативной» или «радикальной» как противовес классической либеральной демократии. При этом имеет место эффективное использование исторического опыта и героизация национальных лидеров предыдущих эпох (С. Боливар и Э. Самора в Венесуэле, Э. Альфаро в Эквадоре, вожди индейских восстаний в Боливии). Все это указывает на стремление к преемственности и долгосрочности новых политических проектов, позиционирование их как закономерных этапов исторического развития, опирающихся на мощную предшествующую традицию. При этом новая идеология не формируется на пустом месте, но базируется на широком социальном движении. Такое

⁸⁷ Panizza F. Populism and the Mirror of Democracy / F. Panizza – London: Verso, 2005. – 358 p.

взаимодополнение идеологической и социальной составляющих новых политических проектов создает более глубокие и устойчивые основания для социально-экономических преобразований.

Позволим высказать ряд суждений относительно целесообразности использования терминов «популизм» и «неопопулизм» в отношении современных левых режимов Латинской Америки. Обычно эти термины используются в негативном контексте. Исследователи, квалифицируя новых левых как популистов, стремятся показать их уязвимость и непрочность их власти, либо упрекнуть их в демагогическом манипулировании массами. Но на самом деле этот круг понятий имеет и положительные коннотации, если обратиться к исходному этимологическому происхождению термина «популизм». Это слово происходит от слова «народ» и в контексте современных левых правительств приобретает новое звучание и наполняется новым смыслом. В классическом популизме действия лидера предполагали утилитарное использование настроений и потребностей народных масс для достижения узких, подчас сугубо индивидуальных целей избрания на пост президента и т.п. Во многом взаимодействие лидера и народа сводилось к манипулированию голосами и дискурсу, основанному на обещаниях удовлетворить краткосрочные чаяния и потребности простого народа. Даже в тех редких случаях, когда эти чаяния и потребности какое-то время получали реальное воплощение, это не сопровождалось глубокими социальными реформами и не опиралось на обратную связь с социальной активностью и организованностью народных масс, что вполне объясняет хрупкость таких режимов.

В новом левом «популизме» мы обнаруживаем иной характер и тип взаимодействия. Здесь формируется устойчивое отношение между властью и народом с обратной связью, основанное на отношениях доверия. При этом стратегической задачей лидера становится формирование общенационального широкого консенсуса, то есть лидер имеет дело именно с народом как

универсальной целостностью, в которой как бы сглаживаются и преодолеваются этнорасовые, узкоэкономические и даже классовые противоречия. Народ выступает не в качестве кратковременного субъекта «выдачи» и делегирования власти на выборах, но как долгосрочный источник и фундамент власти. При этом власть стремится строить свое отношение к народу на принципах социальной справедливости и честности (отсюда многочисленные социальные программы в Венесуэле, Эквадоре, Боливии, направленные на реальное улучшение условий жизни простого народа). В Эквадоре, где до сих пор сильны региональные противоречия, власть апеллирует к общенациональному единству и старается избегать предпочтения тому или иному региону. Приоритет общенационального консенсуса как выражение подлинного народного единства становится главной стратегией и основным мотивом в государственной политике. В Эквадоре подобные моменты проявляются более четко по сравнению с Венесуэлой и Боливией, где исторически сильнее традиции социально-классового антагонизма. В связи с этим, как нам представляется, возможна более реалистичная трактовка левого неопопулизма как прогрессивного, долгосрочного и устойчивого взаимодействия между властью и народом, в котором власть опирается на волю народа и реализует долгосрочные программы оптимизации его общественного бытия, а народ выступает главным источником и гарантом власти. Это принципиально иной тип отношения власти и народа, который не был свойствен ни классическому популизму, ни его неолиберальным эпигонам.

Здесь же стоит провести грань между авторитаризмом и популизмом, поскольку нередко левые режимы трактуют как авторитарные. С нашей точки зрения, авторитаризм базируется на подавлении прав и свобод. В современном левом «популизме» мы не наблюдаем подобного подавления, даже в тех случаях, когда неблагоприятные международные условия вызывают кризис его отношений со значительной частью народа.

Таким образом, при оценке правительств «левого дрейфа» можно было бы использовать термин «левый неопопулизм». Однако, такому использованию термина препятствует прочно утвердившаяся в латиноамериканской науке и публицистике, равно как и в зарубежной латиноамериканистике, трактовка популизма как феномена преимущественно негативного, неразрывно связанного с персонализмом, демагогией, клиентелизмом, коррупцией и т.п. Не случайно левые и левоцентристские партии и режимы Латинской Америки сами никогда не применяют к себе термины «популисты», «популизм», а пользуются другим производным от того же корня – popular («народный»). Это подчеркивает паритетное и взаимовыгодное, а не утилитарное отношение в системе «власть-народ». Народ мыслится не как краткосрочное электоральное образование, но как универсальная целостность, не просто легитимизирующая власть, но выступающая целью ее функционирования. Он выступает не как средство достижения власти, но в качестве ее стратегической цели. И это, с нашей точки зрения, главный вклад «левого поворота» в политическую культуру Латинской Америки.

Одной из его предпосылок стал исторический популизм, в то же время не меньшее значение в его генезисе сыграло национально-освободительное течение, проявившееся на всех этапах исторического развития, начиная с Войны за независимость вплоть до второй половины XX века. В качественно новых условиях рубежа тысячелетий, на общей антинеолиберальной и альтерглобалистской основе, оба эти течения, видимо, объективно слились в исторически новый феномен, называть который «неопопулизмом» представляется не вполне корректным. На наш взгляд, целесообразнее оставить за ним название «левый поворот» или «левый дрейф».

§2. Понятие «государственной управляемости», его связь с понятием «институциональность»

Другим ключевым понятием, без раскрытия которого трудно понять политические процессы в Эквадоре, выступает понятие «государственной управляемости» (*gobernabilidad*). Изучение этого феномена восходит к концу 60-х гг. XX в. Термин «управляемость» начал применяться в США и Европе в рамках набравшей тогда популярность теории неолиберализма. Европейские и североамериканские политологи обозначали им круг проблем, связанных с исполнением государством своих обязанностей на фоне возрастающих социальных требований. Их главной задачей было решить проблему минимизации социальных издержек государства без провоцирования внутривнутриполитических кризисов и общественного недовольства. Государство считалось ими управляемым, если было способно максимально сократить социальные расходы, следовать рыночному курсу на приватизацию госсектора в экономике и при этом хотя бы внешне сохранить стабильность. То есть, в США и Европе исследования проблематики управляемости были неразрывно связаны с концепцией неолиберализма и имели практической целью изучить механизмы консервации государственной формы при внутренней экономической эрозии государственных институтов в экономике и социальной сфере⁸⁸.

В Латинской Америке проблематика концепта управляемости возникла в совершенно другом контексте и в принципиально иных социально-экономических и исторических условиях региона с зависимым типом развития. Здесь объективными причинами обращения к разработке этого понятия послужили процессы демократизации, затронувшие большинство стран, а также вставшая в то время в полный рост проблема внешней задолженности, также являвшаяся универсальной для Латинской Америки как региона с зависимым

⁸⁸ Yanes H. Gobernabilidad. Análisis de coyuntura /H.Yanes //AUNA. – №1. – La Habana, 1997. – 120 p.

типом развития. Во многом здесь применялся подход, противоположный тому, который бытовал в США и Европе, хотя причинная база, как ни парадоксально, была общей, а именно неолиберализм. Латиноамериканские политологи искали пути сохранения эффективности государства на фоне его экономического ослабления в результате пагубной внешнеэкономической зависимости. Для многих стран проблема внешнего долга означала если не утрату, то значительное ослабление как экономического, так и политического суверенитета, и в этой связи вставала проблема поиска альтернативных путей политической амортизации долгового кризиса, наносившего большой урон региональной экономике в целом. Что же касается региональной демократизации, то здесь шел поиск механизмов обеспечения политической стабильности, гармоничного и эффективного сосуществования институтов власти, ее общественной репрезентативности, оптимального взаимодействия между государством и обществом в процессе принятия политических решений и выработки общенациональной стратегии развития и др. Все это также включало в себя категорию управляемости. При этом в латиноамериканской политологии преобладал скорее динамичный, процессуальный, нежели статичный институциональный подход к проблеме управляемости. Концентрированное выражение такой точки зрения мы находим в фундаментальном «Политическом словаре» мексиканских ученых, которые утверждали: «Термины “управляемость”, как и “неуправляемость”, – не феномены, которые можно констатировать и четко зафиксировать, но длительные процессы, сложные процессы взаимодействия между компонентами политической системы»⁸⁹. При этом понятие управляемости тесно и органично связано с такими родственными категориями, как политическая стабильность, государственная институциональность и другими. Группа латиноамериканских ученых в статье

⁸⁹ Bobbio N., Montteucci N., Pasquino G. Diccionario de política / N.Bobbio, N.Montteucci, G.Pasquino. – México: Siglo XXI, 1994. – P. 87.

«Вокруг управляемости: дискуссии и реальность» попыталась выработать универсальное и наиболее общее понимание управляемости. Они определили ее следующим образом: «Несмотря на различие подходов, во всех случаях концептуального рассмотрения этого понятия речь идет об управляемости как способности правительств исполнять свою политическую власть длительное время. Такая способность становится результатом внешних и внутренних факторов, связанных с экономической, политической, социокультурной и юридической природой»⁹⁰. Предлагая такой комплексный подход к проблеме управляемости, авторы разграничивают управляемость в авторитарных и диктаторских государствах (опосредованных военными режимами), с одной стороны, и демократическую управляемость как один из атрибутов регионального процесса демократизации с другой.

По их мнению, управляемость под началом диктатур осуществляется с применением нелегитимной силы, направленной на создание системы оправдания и легитимизации самой диктатуры в восприятии общества. Критерии и логика эффективности авторитарного государства следующие: насколько эффективно диктатуре удастся себя легитимировать в обществе, настолько управляемой она и является.

Демократическая управляемость имеет противоположное содержание и основана не на силовых методах реализации власти, а на стратегии достижения консенсуса как внутри власти, так и в системе взаимодействия государства и общества. Основопологающей здесь оказывается категория гражданственности в целом и «гражданского общества» в частности.

Представляют интерес попытки определения понятия «управляемости» по методу «от обратного». Здесь можно привести мнение мексиканского исследователя Хильберто Ортиса, который следующим образом трактует

⁹⁰ Freyre J., Leonard P., Sifontes F. En torno a la gobernabilidad: debate y realidad /J. Freyre, P. Leonard, F.Sifontes // Teoría y procesos políticos contemporáneos. –Tomo I. –La Habana: Pueblo y educación, 2011. – P. 292.

понятие «неуправляемости»: «это ослабление консенсуса между гражданами государства и результат неудовлетворения государством социальных требований как в количественном, так и в качественном аспектах, что в конечном счете приводит к потере легитимности в глазах самих граждан»⁹¹. Таким образом, гражданское общество выступает ключевым критерием в оценке управляемости или неуправляемости государственной власти, и такой «демократический императив» выглядит обоснованным приближением к пониманию проблемы управляемости в целом.

Подобный исторический подход к проблеме представляется нам отвечающим и задачам нашего исследования, поскольку Эквадор вместе с остальными странами Латинской Америки пережил трансформацию перехода от военных режимов к гражданским правительствам (хотя здесь о диктатуре можно говорить лишь с некоторыми оговорками: как будет показано ниже, военные режимы в Эквадоре были представлены в относительно мягком варианте, получившим в латиноамериканской политологии название «диктабланд»).

Что касается эквадорских политологов, проблематику управляемости особенно подробно и глубоко исследовал экс-президент и видный политолог Освальдо Уртадо, известный многочисленными научными трудами. Оригинальность его подхода состоит в том, что он в качестве исходного субъекта управляемости берет не отдельное правительство или президента, ограниченного сроками полномочий, но приписывает свойство управляемости всей политической системе в целом и трактует управляемость как системное, долгосрочное свойство реализации государственной власти на протяжении длительного срока. Он определяет это понятие как способность политической системы артикулировать требования общества и давать на них эффективные ответы⁹². Стоит отметить, что с его точки зрения внешне могут соблюдаться

⁹¹ *Calderón Ortiz G.* La gobernabilidad en América Latina /G. Calderón Ortiz // *Gestión y Estrategia*. – México, 1998. – №13. – P. 2-16.

⁹² *Hurtado O.* El poder político en el Ecuador /O.Hurtado. – Quito: Planeta, 2007. – 156 p.

демократические процедуры, идти своим чередом выборы в спокойной атмосфере и с соблюдением всех формальных демократических требований, однако, несмотря на это и параллельно с этим, вся политическая система функционирования государства в целом может находиться в ситуации максимальной неуправляемости. Такой подход представляется нам рациональным, поскольку разделяет форму и содержание демократии. Государство действительно может быть внешне и формально очень устойчивым и демократически эффективным, но внутренне нестабильным и неуправляемым. И эквадорский политический опыт дает тому немало примеров. Как будет показано ниже, «демокартический транзит», осуществленный на рубеже 70-х – 80-х гг. XX века, вовсе не принес стране внутривнутриполитического спокойствия, хотя формальные требования демократического режима внешне исполнялись при каждом правительстве. Парадокс эквадорской ситуации состоит в том, что на фоне последовательного и достаточно эффективного хода демократического транзита страна длительное время находилась в состоянии перманентного институционального хаоса и неуправляемости. Поэтому одно только наличие демократических (в частности, избирательных) процедур вовсе не дает гарантий внутривнутриполитической стабильности и возможностей для создания условий управляемости государственных институтов власти.

В латиноамериканской политологической мысли существует и сугубо инструментальный подход к пониманию проблемы управляемости. По аналогии с терминами «макро» и «микроэкономика» его можно назвать микрополитическим. Ключевым критерием здесь является понятие «политическое решение», а субъектом, отвечающим за управляемость, считается отдельное правительство (даже не общенациональное, а локальное) или политический лидер (президент, глава муниципалитета, мэр и т.д.). Мексиканский исследователь Педро Мартинес выделяет следующие признаки успешной управляемости власти на микроуровне: 1) способность принимать и

реализовывать решения, отвечающие вызовам того или иного политического образования (государства, провинции, региона, муниципалитета и др.); 2) эффективность этих решений в процессе реализации (то есть, решения могут быть приняты, но механизмы их реализации недостаточно проработаны); 3) общественное принятие этих решений, предполагающее взаимное согласие и гармонию интересов различных социальных групп, по отношению к которым политические решения принимаются; 4) общая согласованность и когерентность политических решений, то есть их принятие в русле единой стратегии (речь идет о том, что решения должны приниматься не спонтанно и *ad hoc*, но быть продиктованными долгосрочной программой).

Такой методологический подход подразумевает следующее определение управляемости: «это способность властных институтов достигать определенных поставленных целей путем принятия решений, а также способность мобилизовывать целевые группы на их реализацию»⁹³. Он имеет право на существование, но не лишен и ряда ограничений. Так, он не способен «уловить» длительные политические циклы и оценить в их рамках эффективность правительств, принадлежащих к одному политическому спектру. Это – не более чем микроподход для оценки конкретной деятельности властного субъекта.

Более оправданной представляется трактовка российских политологов, которые связывают проблематику управляемости с общерегиональной тенденцией «политической модернизации». В частности, отмечается: «Важное место в процессе политической модернизации уделяется проблеме управляемости. Речь идет о совершенствовании механизмов взаимодействия государства и общества, устранении региональных диспропорций, проведении в жизнь принципов федерализма (при федеральной структуре управления), разумном сочетании регулирующей функции центральной власти с

⁹³ *Martínez P.* El municipio, descentralización y democracia. Available at: www.governance.com. (accessed 01.08.2018).

децентрализацией»⁹⁴. Подобный комплексный и многоуровневый подход адекватен и политической реальности Эквадора, где очень сильны тенденции к регионализации и императив преодоления противоречий между центральной и региональной властями стоит в повестке дня до сих пор.

Нам представляется, что категория государственной управляемости предполагает не только сугубо политические аспекты эффективности реализации власти. Важное место имеют и морально-этические стороны. Управляемость государства – это не только согласованное и эффективное взаимодействие самих институтов власти, но также и та доля ответственности перед обществом, которую возлагает на себя государство. Показателем управляемости государства может служить и степень открытости и честности государства во взаимодействии с обществом. Достаточно глубоко укоренился стереотип, чья исключительно общество зависит от власти, но на самом деле имеет место взаимозависимость. Поэтому в той степени, в какой государство отдает себе отчет в том, что оптимизация общественной жизни и улучшение условий жизни простых граждан выступают как главные цели его функционирования, само государство оказывается социально управляемым и полноценным в политическом смысле слова. Критерием управляемости тогда становится осознание и исполнение социального долга государства перед обществом.

Одной из категорий, используемых в настоящей диссертации, является «институциональность», тесно связанная с понятиями «управляемость» и «стабильность», поскольку в той мере, в какой власть институционализована, в той мере она управляема и стабильна. С одной стороны, институциональность характеризует степень оформленности и зрелости политических институтов, которые трактуются как совокупность государственных политических институтов (органы власти, эффективность их взаимодействия, парламентаризм

⁹⁴ Латинская Америка: испытания демократией. Векторы политической модернизации. Часть 1. / Отв. ред. М.Л.Чумакова. – М.: ИЛА РАН, 2009. – С. 44.

и др.). Однако существует более широкая трактовка понятия «институт». Американский политолог Дж. А. Робинсон определяет их так: «Институты можно определить, как комплексы правил и норм, определяющих стимулы и ограничения, с которыми люди встречаются в обществе. Институты могут быть экономическими, например, это условия, на которых претендент может быть взят на работу, или политическими, например, природа избирательной системы. Институты могут быть официальными, оформленными документально, например, в писаной конституции...»⁹⁵. При изложении нашего взгляда на институциональную эволюцию Эквадора мы будем руководствоваться как узкой трактовкой понятия «институт», так и широкой, изложенной Дж. А. Робинсоном.

⁹⁵ Робинсон А. Дж. Институты и латиноамериканское равновесие // Фукуяма Ф. Отставание. – М.: Астрель, 2012. – С. 263.

§3. Партии и партийно-политические системы: политическая теория и эквадорская специфика

В данном параграфе мы остановимся на теоретических аспектах партийной системы и их отражении в эквадорской политической реальности, а также анализе одного из ключевых проявлений процесса демократизации, а именно развитии партийной политической системы и процессе расширения ее представительства. Здесь мы постараемся приблизиться к собственно эквадорскому политическому опыту как основному объекту нашего исследования, поскольку нецелесообразно рассматривать этот круг понятий и процессов абстрагированно от реальной политической практики.

Одной из ключевых политических категорий, используемых при анализе эволюции политической системы вообще и специфики процесса демократизации в Эквадоре в частности представляются политические партии и партийно-политические системы. За прошедшие столетия в политической науке сформировалась обширная литература по этой проблематике и сложилась отдельная дисциплина – партология. В рамках данного диссертационного исследования автор считает целесообразным ограничиться только отдельными аспектами этой проблематики, в той или иной мере, касающейся собственно эквадорского опыта и в тесной связи с реальной политической практикой страны.

Несмотря на наличие целого ряда фундаментальных исследований, можно согласиться с исследователями, отмечающими, что до настоящего времени пока не создана универсальная теория партий, скорее речь идет об их генезисе, организации и функционировании в конкретной стране или регионе⁹⁶.

В условиях определенной деидеологизации и размытости границ между различными типами партий нет и единого их определения. В целом можно согласиться с американскими исследователями Дж. Лапомбарой и М. Вайнером,

⁹⁶ См. напр.: *Матвеев Р.Ф.* Теоретическая и практическая политология. – М., 1993. – С. 104-106; Теория политики / Под ред. Б.А.Исаева. – СПб, 2008. – С. 208.

что, несмотря на указанную тенденцию, партия обладает по меньшей мере четырьмя признаками: наличием идеологии, определенной организации, стремится к завоеванию и осуществлению политической власти, и добивается максимальной поддержки электората⁹⁷.

В Латинской Америке в большинстве государств существует более или менее жесткая монополия партий на политическое представительство, сохраняющая за ними исключительное право на выдвижение кандидатов на выборные должности. В Эквадоре наряду с партиями этим правом пользуются многочисленные движения, при этом часто граница между ними достаточно размыта. Партия может выдвигать в качестве кандидатов не только своих членов, но и сторонников и независимых политиков. В соответствии с Законом о выборах и политических организациях (Кодексом демократии), принятым в 2009 г. и регламентирующим деятельность партий и движений, все они должны были перерегистрироваться, сохранив исторические названия и символику. При первичной регистрации численность партии должна составлять не менее 1,5% электората, она должна иметь представительство как минимум в половине провинций и представить в Национальный избирательный совет (CNE) идеологическую декларацию, программу, устав и символику, а также учредительные документы. Для регистрации движения достаточно представить программные и учредительные документы и заручиться поддержкой 1,5% электората (не обязательно членов движения). Регистрация сохраняется, если организация получает не менее 4% голосов на двух общенациональных выборах⁹⁸.

Среди латиноамериканских политологов нет и единого мнения относительно роли политических партий в процессе демократического транзита

⁹⁷ *Lapombara J., Weiner M. Political Parties and Political Development. / J. Lapombara, M. Weiner. – Princeton, 1966. – P. 6.*

⁹⁸ *Ley Orgánica Electoral y de organizaciones políticas de la República del Ecuador, Código de la Democracia //www.cepal.org/iog/doc/Ecu_Codigo_Democracia_2009.pdf*

и консолидации демократии. Так, мексиканские исследователи П. Мородо и П. Мурильо де ла Куэва считают, что без политических партий представительная демократия вообще невозможна⁹⁹. Директор Латиноамериканского департамента Международного института демократии и содействия выборам, аргентинец Д. Соватто также утверждает, что партиям отводится основная роль в артикуляции и отстаивании интересов общества¹⁰⁰.

Напротив, венесуэльский исследователь Х.А.Ривас Леоне заявляет о полном провале существовавшей модели партийной демократии, при которой партии перестали быть адекватными каналами представительства, выражения требований и политического участия граждан¹⁰¹. Американский политолог и дипломат чилийского происхождения А. Валенсуэла, отмечая слабость партий в неконсолидированных демократических режимах, пишет о волатильности электората, слабой связи партий с обществом, чрезмерной персонализации политики, которая часто проводится в личных интересах. Обе эти точки зрения не лишены основания, однако представляются крайними. Как справедливо отмечает российский исследователь З.В. Ивановский, во многом справедливая критика недостатков партий приводит к опрометчивому выводу об их отмирании или ненужности. На самом деле функционирование демократического общества невозможно без политических партий. Не случайно пришедшие к власти на волне популизма У. Чавес и Э. Моралес занялись укреплением пропрезидентских партий и сразу же заявили о необходимости созыва Конституционной ассамблеи¹⁰².

Сходная ситуация наблюдалась и в Эквадоре, когда не принадлежавший к традиционным партиям Р. Корреа победил в 2006 г. на президентских выборах, опираясь на созданное незадолго до этого разнородное и аморфное движение

⁹⁹ El ordenamiento constitucional de los partidos políticos. - México, 2001. - P. 17.

¹⁰⁰ Regulación jurídica de los partidos políticos en América Latina. - México, 2006. - P. 3.

¹⁰¹ Nueva sociedad. - 2000. - №170. - P. 10.

¹⁰² Ивановский З.В. Партии в системе представительной демократии // Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации / Отв. ред. М.Л. Чумакова. - М.: ИЛА РАН, 2009. - Т. 1. - С. 61.

Альянс PAIS. Понимая необходимость опоры на влиятельную политическую силу. Р. Корреа принял решение превратить коалицию из 30 политических и общественных организаций в единое левое движение, а в перспективе и в партию. Как будет показано в дальнейшем, в значительной мере ему удалось добиться поставленной цели.

Сущность политического режима в значительной мере зависит от партийно-политической системы, прежде всего, от характера относительно стабильных связей правящей партии с другими партиями. В каждом конкретном случае структура политической системы зависит от особенностей исторического развития страны, политической культуры, конфессиональной принадлежности большинства населения, уровня экономического развития, социальной структуры, образовательного уровня и т.д. Значительное влияние на партийную систему оказывает избирательное законодательство.

В современной политической науке существует целый ряд типологий партийных систем, учитывающих как количественные, так и качественные критерии. На наш взгляд, наиболее универсальной (и наиболее распространенной) представляется типология партиом, предложенная итальянским ученым Джованни Сартори, которая учитывает, как количество имеющихся партий, так и их удельных вес, определяющих влияние на властные структуры и гражданское общество. В своей работе «Партии и партийные системы», опубликованной еще в 1976 г., этот политолог предложил ставшую классической типологию партийных систем, применимую практически к любому государству. Основной вектор в этой типологии отражает продвижение от монополии на власть, характерной для тоталитарных и авторитарных режимов до политического плюрализма. При однопартийных системах фактически осуществляется полный контроль правящей партии, сросшейся с государственным аппаратом, над всеми сторонами жизни общества и личности. При гегемонистской партийной системе наряду с правящей формально

существуют партии-сателлиты, практически не влияющие на принятие политических решений. Доминантная (доминирующая) система возможна в ситуации, когда, несмотря на существующее множество партий, долгие годы у власти находится одна и та же партия, а ее оппоненты не могут победить на выборах. При двухпартийной системе при возможном наличии множества партий у власти чередуются две партии. (Сходная ситуация, на наш взгляд, наблюдается и при биномиальной системе, когда вместо партий чередуются у власти партийные коалиции, закрывающие доступ третьей политической силе). Далее следуют система умеренного плюрализма (3-5 партий), крайнего плюрализма (6-8 партий) где происходит поляризация политического спектра и создаются сложные коалиции, и атомизированная система, в которой политическое влияние и роли крайне рассредоточены: она становится не только неэффективной, но и недееспособной¹⁰³.

Среди современных политологов нет единого мнения относительно влияния партийной структуры на политическую стабильность. В целом можно согласиться, что большей стабильности способствуют I-IV модели, а V-VII вызывают дестабилизацию. В то же время важно подчеркнуть, что, как показывает латиноамериканский опыт, на практике нестабильной может оказаться и двухпартийная система, если системообразующие партии придерживаться диаметрально противоположных взглядов относительно модели развития, а их смена у власти приводит к смене экономической модели и политической турбулентности. (Очевидно, что политическая нестабильность может быть вызвана и другими факторами, не имеющими отношения к партиомере).

Данный тезис подтверждается политической историей Эквадора, который вплоть до настоящего времени представляет собой страну с многопартийной политической системой. Традиционные исторические партии – либеральная и

¹⁰³ Sartori G. Parties and Party Systems. Framework for Analysis. - New York, 1976. – Vol. 1. - P. 122- 179.

консервативная – никогда в чистом виде не доминировали на политической арене, и если и конкурировали между собой, то эта конкуренция была опосредована и сопровождалась необходимостью создания коалиций и поиском политических союзников. Неразвитая система представительной демократии, характеризовавшаяся слабостью партий, узостью электората и значительной ролью популистских движений, приводила к тому, что демократические правительства эпизодически свержались в результате государственных переворотов, а деятельность политических партий запрещалась или существенно ограничивалась.

Эквадор стоял у истоков так называемой «третьей волны демократизации» в Латинской Америке, однако ему не удалось воспользоваться этим преимуществом и существенно оптимизировать свою сложную многопартийную систему. Ряд авторов квалифицируют функционирующую в этот исторический период систему партий как незрелую и аморфную. Так, канадская исследовательница Катрин Конаган в статье «Политики против партий: разногласия и разъединения в эквадорских политических партиях» отмечает: «Эквадорская политическая система характеризуется «крайней мультипартийностью», где не менее двенадцати партий имеют парламентское представительство»¹⁰⁴. Политолог Фелипе Бурбано использует при характеристике партийной системы термин «поляризованный плюрализм». С его точки зрения, крайняя степень фрагментированности партийной системы страны стало результатом не столько большого количества партий, участвующих в политическом процессе, сколько большой идеологической дистанции между ними. Все это приводило к невозможности достижения консенсуса в законодательной ветви власти и фактически на протяжении многих десятилетий блокировало эффективное функционирование конгресса. «Логика фрагментации

¹⁰⁴ Conaghan C. *Políticos versus Partidos: discordia y desunión en el sistema de partidos ecuatoriano* / C.Conaghan// *La Construcción de instituciones democráticas. Sistema de partidos en América Latina*. – Santiago de Chile, 1995. – P. 219-259.

партий в Эквадоре не отражала логику социального разнообразия, имевшего место в эквадорском обществе; разделение партий и внутренняя борьба между ними были в большей степени связаны с игрой интересов так называемого «политического класса», нежели с процессами, происходившими в обществе. Поэтому нет оснований говорить о том, что каждая из партий в Конгрессе представляла отдельную социальную силу или тенденцию»¹⁰⁵.

На элитарность и оторванность политической системы Эквадора от социальной структуры даже после демократического транзита указывают многие исследователи. Так, российский историк А.А. Истомин, характеризующий эквадорскую партийно-политическую структуру в период демократического транзита, справедливо отмечает, что сохранявшееся обилие политических партий объяснялось также тем, большинство из них создавалось и контролировалось отдельными политиками, узкими группами лидеров или семейными кланами, за небольшим исключением, у партий отсутствовала устойчивая связь с определенными корпоративными группами гражданского общества, прежде всего, с профсоюзами. После прихода к власти при поддержке своей и союзных партий президент окружал себя независимыми советниками-технократами и уже мало зависел от собственной партии, формируя парламентское большинство путем закулисных сделок. В поведении партийной элиты личные мотивы преобладали над идеологической идентификацией. Немаловажную роль играл и сохраняющийся регионализм, нередко, особенно во втором туре, президентские выборы очень часто превращались в противостояние между прибрежной (Костой) и горной частью страны (Сьеррой)¹⁰⁶.

Партийным структурам были свойственны также внутренне слабая организация, доходившая до аморфности. Членам партии и электорату были

¹⁰⁵ *Burbano de Lara F., Rowland M. Pugna de Poderes: Presidencialismo y Partidos en el Ecuador: 1979-1997 / F. Burbano de Lara, M. Rowland. – Quito: CORDES, 1998. – 134 p.*

¹⁰⁶ *Истомин А.А. Республика Эквадор // Латинская Америка и Карибы: политические институты и процессы / Отв. ред. З.В. Ивановский. - М., 2000. - С. 347.*

присущи такие поведенческие практики, как слабая лояльность по отношению к своей партии, переход членов руководства, особенно депутатов, из одной партии в другую, волатильность электората, преобладание клиентелизма и т.д. Все эти факторы формировали крайне неопределенную ситуацию в партийной системе государства.

В условиях подобной многопартийности, показывает А.А. Истомин, в стране сложилась своеобразная квазидвухпартийная система, характеризовавшаяся чередованием у власти представителей реформистского и консервативного лагерей. Конкретный представитель каждый раз менялся, однако картину усложнял традиционный эквадорский популизм¹⁰⁷. В целом, партийно-политическую систему, сложившуюся после восстановления демократии в 1978 г. можно определить как крайне неустойчивую, фрагментированную и поляризованную.

Крайне важную роль в стабилизации партийно-политической структуры и предотвращении турбулентности может играть электоральное законодательство. Эта взаимосвязь открыта французским политологом и юристом Морисом Дюверже (1917 – 2014 гг.), одним из основателей современной теории партий. Закон Дюверже, сформулированный в 1951 г., четко выделяет три формулировки: 1. мажоритарная система голосования в один тур неизбежно порождает партийную систему, характеризующуюся соперничеством двух партий; 2. мажоритарная система голосования в два тура обуславливает появление партийной системы из нескольких партий, занимающих гибкие позиции и стремящихся к взаимным контактам и компромиссам; 3. пропорциональная система выборов способствует появлению партийной системы с многочисленными независимыми друг от друга партиями, обладающими достаточно жесткой внутренней структурой¹⁰⁸.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ См. подробнее: *Дюверже М. Политические партии.* - М., 2000.

В Латинской Америке действие закона Дюверже осложняется спецификой национального электорального законодательства, в частности, коалиционным президентством, формированием партийных альянсов не на идеологической, а на конъюнктурной основе по личному соглашению между лидерами политических партий, несоответствием партийных и парламентских фракций и рядом других факторов.

В Эквадоре после провозглашения «гражданской революции» (2006 г.) на основе Конституции Монтекристи 2008 г. и Закона о выборах и политических организациях 2009 г. президент и вице-президент избираются на четыре г. с правом однократного переизбрания абсолютным большинством признанных действительными голосов. Конституционная поправка 2014 г. позволяет главе государства выдвигаться неограниченное число раз. В случае необходимости проводится второй тур голосования. Если основной претендент набирает в первом туре не менее 40% голосов и разрыв со вторым кандидатом превышает 10%, выборы ограничиваются первым туром.

Однопалатная Национальная ассамблея, численность состава которой корректируется перед каждым выборами, избирается по крайне сложной системе: 15 депутатов – по единому общенациональному округу, по два депутата – от каждой провинции и по одному – от 200 тыс. граждан или остатка, превышающего 150 тыс. жителей, и шесть – от эквадорцев, проживающих за рубежом (два – от Европы, Азии и Океании, два – от Латинской Америки, Карибского бассейна и Африки и два – от Канады и США). В 2013 г. наиболее густонаселенные провинции были разделены на несколько отдельных округов, что позволило увеличить их представительство¹⁰⁹.

Сложная система представительства и некоторое ужесточение законодательства ставили целью стабилизацию партийной системы при определенном сокращении численности партий. В результате за десятилетие эта

¹⁰⁹ См. подробнее: *Ивановский З.В.* Электоральное законодательство и властные структуры. - М., 2014. - С. 79- 81.

цель была достигнута лишь частично, при этом сохраняется существенная специфика партиомы. Правящий альянс PAIS фактически превратился в доминирующую политическую силу, заняв в 2009 г. относительное большинство мест в парламенте (59 из 124), а в 2013 и 2017 - абсолютное (соответственно 100 и 74 из 137). (См. таблицу 1). В то же время очевидно снижение популярности правящего альянса: кандидат партии власти Ленин Морено набрал в первом туре президентских выборов 39,36% голосов, победив во втором туре с минимальным отрывом (51,16%) ¹¹⁰. Итоги парламентских выборов также показывают сокращение электората сторонников «гражданской революции»: 43% в 2009 г., 52,3% в 2013 г. и только 39,07% в 2017 г. ¹¹¹ В результате получить абсолютное большинство мест в парламенте партия власти смогла только благодаря сложной и запутанной избирательной системе, при пропорциональном представительстве на ее долю пришлось бы немногим более трети мест.

Оппозиция остается достаточно разнородной, а партийная система (по Сартори) представляется гибридной, сочетающей доминантность и крайний плюрализм при некотором снижении числа парламентских партий (в легислатуре 2009 – 2013 гг. было представлено 11 партий и движений, в 2013 – 2017 - 8 и в 2017 – 2021 – 7 партий (см. таблицу 1). (Причины политических сдвигов проанализированы в других главах диссертации).

Оппозиционные партии и движения достаточно разнородны. Правоцентристское движение «Создавая возможности» (CREO) зарегистрированное в 2012 г., относит себя к либерально-демократическому спектру, его парламентская фракция выросла к 2016 г. с 10 до 34 депутатов. Правоцентристская Социал-христианская партия (PSC) созданная в 1951 г., придерживается консервативных традиционных ценностей, выступает за социальную рыночную экономику, ее фракция увеличилась с 7 до 15

¹¹⁰ Пятаков А. Н. Победа Ленина Морено в Эквадоре //Латинская Америка. - 2017. - №6. - С. 17-27.

¹¹¹ См. также: www.cne.gob.ec; www.asambleanacional.gob.ec

парламентариев. Популистское «Патриотическое общество 21 января» (PSP) созданное военными в 2000 г. в поддержку государственного переворота Л. Гутьерреса, относит себя к левоцентристам, однако кооперируется с правыми партиями, его представительство сократилось с 5 до 2 депутатов. Левоцентристская партия «Вперед» (Partido Avanza) созданная в 2012 г. выходцами из различных левых и левоцентристских партий и относящая себя к социал-демократам, до 2013 г. поддерживала Р. Корреа, а затем перешла в оппозицию. В 2013 г. от нее избраны 5 депутатов, затем партия утратила парламентское представительство и представлена во властных структурах одним префектом и 36 мэрами. Интересы коренного населения выражает «Движение многонационального единства Пачакутик» (MUMP). Возникшее в 1995 г. движение выдвигает антикапиталистические лозунги, его парламентское представительство незначительно, однако относительно стабильно. Центристское «Объединенное общество и действие» (SUMA) создано в 2012 г., разделяет либеральные ценности, на выборах 2017 г. поддержало CREO. Восстановили свое влияние и Демократические левые. В 2014 г. лишилась регистрации некогда влиятельная популистская «Эквадорская рольдосистская партия» (PRE), считающая себя левоцентристской (см. Приложение №7).

Таким образом, оппозиционные партии относятся преимущественно к правому и центристскому секторам политического спектра и в случае необходимости соглашаются на коалицию. В результате партийная система остается достаточно поляризованной, поскольку партия власти и оппозиция придерживаются диаметрально противоположных взглядов на дальнейшее развитие страны, что не способствует политической стабильности.

Еще одним перманентным свойством политической системы многих государств стал феномен т.н. разделенной власти (*poder dividido*), при котором президент не может опираться на парламентское большинство, а его избрание на высший государственный пост далеко не всегда сопровождается безоговорочной

поддержкой законодателей. В российской политологии это явление было исследовано З.В. Ивановским¹¹². В эквадорских исследованиях указанный конфликт между ветвями власти, получивший распространение после демократического транзита, описывается термином «столкновение властей» (*pugna de poderes*). Так, Хорхе Нуньес считает одной из главных черт традиционных демократий в Латинской Америке политическую нестабильность, проявлением которой является «столкновение властей», то есть частое и подчас катастрофичное противостояние между исполнительной и законодательной властью¹¹³.

Пожалуй, наиболее глубоким и фундаментальным исследованием этого политического феномена является монография эквадорского политолога Рикардо Рестрепо Эчавариа¹¹⁴, в которой автор подробно рассматривает ретроспективу конфликта исполнительной и законодательной власти после демократического транзита и на большом фактологическом материале доказывает, что этот феномен служит одним из «маркеров» эквадорской большой политики во второй половине XX и в начале XXI вв. По его мнению, основополагающий принцип демократических режимов – разделение властей – превратился в один из главных факторов политической нестабильности в стране и стал препятствием на пути воплощения в жизнь конструктивной политической стратегии для большинства правительств. Основной парадокс политической системы Эквадора заключается в том, что в стране на протяжении многих десятилетий функционирует президентская республика, параллельно с которой имеет место очень дисперсная и аморфная партийная система. Нередко президент и парламент вступают в непримиримый конфликт, что фактически блокирует оптимальное функционирование обеих ветвей власти. В результате получается

¹¹² Iwanowski Z.W. Poder dividido como causa de la turbulencia política // Iberoamérica. - 2017. - №2.

¹¹³ Núñez J. Teoría y práctica de la pugna de poderes // Nueva sociedad. - 1985. - №77. - P. 78.

¹¹⁴ Restrepo Echavarría R. Pugna de poderes, crisis orgánica e independencia judicial / R. Restrepo Echavarría. – Quito: Editorial IAEN, 2014. – 155 p.

парадоксальная ситуация: вместо того, чтобы дополнять друг друга и сотрудничать, они создают непреодолимые препятствия для исполнения своих обязанностей. В период демократического транзита в большинстве случаев пропрезидентские партии имели крайне низкую степень парламентского представительства, а главы государств постоянно вступали в конфликт с законодателями в ходе своих полномочий. Исключение составили только три президента: Х. Рольдос, Р. Борха и Р. Корреа. Сложные отношения между Х. Рольдосом, инициировавшим демократический транзит, и его политической партией будут рассмотрены ниже. В данной главе лишь отметим, что, несмотря на формальное парламентское большинство президентской партии, Х. Рольдосу по не зависящим от него причинам так и не удалось достичь взаимопонимания с законодателями, что в конце концов привело к эскалации внутривластного конфликта. Это негативное явление удалось преодолеть лишь Р. Корреа, который в течение трех мандатов смог установить и поддерживать конструктивный диалог с парламентариями. Уникальность его президентства состоит и в том, что благодаря взвешенной и прагматичной политике даже в условиях меньшинства президентской партии в парламенте глава государства смог избежать открытого противостояния с законодательной властью.

Таким образом, анализ основных теоретических аспектов эквадорской политики позволяет выделить главные проблемы, с которыми пришлось столкнуться: это кризис государственной управляемости, слабость и недостаточная репрезентативность политических партий, поляризованная фрагментированная партийная система, сильное влияние различных течений популизма в его самом негативном проявлении. В других главах диссертации мы проиллюстрируем обозначенные теоретические проблемы конкретными историческими примерами. Безусловно, очерченный в данной главе круг проблем далеко не в полной мере исчерпывает всю проблематику современных политических процессов. В ходе дальнейшего изложения будут

проанализированы различные аспекты демократического транзита, конституционных процессов, а также идеологии и политики «гражданской революции».

Рассмотрение основных теоретических проблем эквадорской политики позволяет сделать вывод, что главные проблемы, с которыми пришлось столкнуться этому государству, – это кризис государственной управляемости, дефицит общественной репрезентативности политических партий, мощные тенденции правого и неолиберального популизма в его самом негативном проявлении. Ниже мы перейдем к фактическому наполнению этих тезисов и проиллюстрируем на конкретных исторических примерах обозначенные выше теоретические проблемы. Поднятый в данной главе круг проблем далеко не исчерпывает всю проблематику современного политического процесса. В дальнейшем мы будем возвращаться к тем или иным теоретическим вопросам, возникающим в процессе фактического описания политической событийности Эквадора. Так, мы осветим проблематику военных режимов, основные подходы к их анализу и отдельно проанализируем эквадорский вариант «военных диктатур», описываемых термином «диктабланда». В третьей главе будут подняты теоретические проблемы, связанные с идеологией «гражданской революции» Р. Корреа и особенностями конституционного реформирования, предпринятого в 2008 году.

ГЛАВА II. Основные тенденции политического развития в XX – начале XXI века

§1. Этапы политического развития

За свою многовековую историю политический ландшафт Эквадора претерпел массу трансформаций и видоизменений. Нынешние процессы обновления и модернизации являются своеобразным итогом сложной социально-политической истории. Для того, чтобы адекватно оценить глубину и прогрессивность современных изменений, необходим взгляд в прошлое, исследование в ретроспективе социальных, политических и экономических аспектов развития Эквадора. Оценка пользы или ущерба тех или иных шагов предыдущих правительств позволит создать исследовательский контекст, на фоне которого актуальные политические процессы могут быть в полной мере оценены как значительный прогрессивный сдвиг.

Эквадор на протяжении своей истории неоднократно становился ареной столкновений подчас противоположных интересов, не раз стране старались навязать модели экономического и политического развития, чуждые его менталитету и историческому духу. Неоспоримым и вместе с тем требующим системного объяснения является тот факт, что на протяжении многих лет немало мер в конечном счете были приняты в ущерб большинству эквадорского народа и отражали интересы небольших элитных групп, могущественных как политически, так и экономически. Большинство национальных правительств действовало не столько в интересах собственно национальных, сколько под прямым или косвенным давлением извне. Так, начиная с периода, называемого в историографии «Конкистой», вплоть до «республиканского» этапа развития Эквадора, во внутренней и внешней политике доминировали интересы иностранных государств, именно они задавали тон социально-политической жизни страны.

История Эквадора, как и других государств латиноамериканского региона, на протяжении многих десятилетий отмечена сильным влиянием Соединенных Штатов Америки. Формы этого, в значительной мере пагубного, влияния были довольно разнообразны: это и масштабная экономическая экспансия, и навязывание иллюзорных рецептов и стратегий экономического развития страны, и прямое или косвенное участие в организации заговоров и государственных переворотов, в результате чего в разные исторические моменты ниспровергались легитимно избранные правительства. Разрушительное участие третьих сторон в истории Эквадора, накладываясь на кризисные процессы внутри страны, привело на практике к тому, что неотъемлемыми атрибутами и константами социально-экономической жизни стали структурная отсталость, неоплатные долги перед иностранными кредиторами, массовая бедность, социальная дезинтеграция и поляризация и т.д. На политической арене доминировало несколько политических течений наряду с военными, всегда проявлявшими большую активность, а в кризисные моменты бравшими в свои руки власть, претендуя на более националистический и государственно ориентированный курс.

Настоящая глава посвящена рассмотрению основных стадий политического развития Эквадора в XX веке и поиску ответа на вопрос: в какой степени ему удавалось приблизиться к статусу свободной и суверенной нации, какие препятствия стояли на этом пути и какие меры предпринимались властными элитами по обеспечению независимого развития.

По критериям политической стабильности и степени институционализации государственной власти в эквадорском политическом процессе XX-XXI вв. можно выделить девять основных этапов:

1. Период Либеральной и Июльской революций (1895 – 1931) – цикл социально-политических преобразований, относительной внутривнутриполитической стабильности и упрочения республиканских институтов.

2. Период выхода на арену популистов (1931 – 1948) – цикл политической борьбы между олигархическими кругами и частая смена правительств как ее результат.

3. Период стабилизации популизма и реформизма (1948 – 1960) – последовательная смена трех правительств без эксцессов.

4. Период агонии популизма и выхода на арену военной диктатуры (1960 – 1972).

5. Период «нефтяных» военных диктатур (1972 – 1979) – политический цикл «нефтяного бума» и формирование юридическо-правовых оснований демократического транзита, упор в экономике на сильное государство.

6. Демократический транзит (1979 – 1981) – правление левоцентриста Х. Рольдоса как первого гражданского президента после десятилетия власти военных, формирование предпосылок прогрессивного реформизма.

7. «Правый поворот» внутри демократического транзита (1981 – 1996) – внутривнутриполитическая стабильность и последовательная смена правительств правой и правоцентристской ориентации с неолиберальным уклоном в экономике.

8. Новый взлет эквадорского популизма (1996 – 2006) – выступление на арену массовых социальных движений, максимальная правительственная нестабильность и неопределенность экономического курса.

9. Период «гражданской революции» (2007 – 2017) – правление левого правительства Рафаэля Корреа, проводящего курс на политическую и экономическую модернизацию страны.

Следует подробнее рассмотреть данные этапы и выделить их отличительные черты и особенности.

1. Период Либеральной и Июльской революций.

В XX век, как и в XXI, Эквадор «вошел» на волне острых политико-экономических процессов, названных в политологической традиции «революционными». В XIX веке политический процесс был слабо институционально оформлен и подчинен узкоэлитарным группам: преобладал каудильизм, основанный на авторитарно-персоналистских принципах лидерства, вокруг которого концентрировалась вся государственная власть. Впоследствии такой политический стиль получит новое содержание и новые формы, «эхо» каудильизма пронесется сквозь весь XX век. На весь ход политического процесса наложил отпечаток, унаследованный от XIX века регионализм – деление страны на прибрежную Косту и континентальную Сьерру. В первом регионе, политически ориентированном на либерализм, доминировали элитные торгово-финансовые круги, связанные с аграрным экспортом и продажей «золотого» и «коричневого золота» Эквадора – бананов и какао; во втором, оплоте консерватизма, преобладала земельная аристократия, латифундисты и католическая церковь. Содержание внутренней политики определялось противоречиями между этими социально-политическими блоками.

В 1895 г. исходом длительного вооруженного противостояния между либералами и консерваторами стала победа Либеральной революции во главе с генералом Элоем Альфаро, давшей начало фундаментальным структурным изменениям и обозначившим новый этап республиканской истории Эквадора¹¹⁵. Обозначилась определенность в партийной системе: возникла Либерально-радикальная партия (ЛРП), находившаяся у власти на протяжении тридцати лет. Из рядов этой партии вышло большинство государственных деятелей Эквадора в XX веке. Была проведена секуляризация государства: церковь и землевладельческая аристократия потеряли управленческие позиции в

¹¹⁵ Гончаров В. М. Элой Альфаро и борьба Кубы за независимость / В.М.Гончаров // Латинская Америка. – 1976. – №1. – С. 134-150.

государстве. В повестку дня был поставлен вопрос об экономической интеграции Эквадора, что выразилось в строительстве железной дороги между центрами Косты и Сьерры – Гуаякилем и Кито. В 1906 г. в результате работы Национальной Ассамблеи вступает в силу прогрессивная по тем временам двенадцатая Конституция, названная Основным Либеральным законом, с главным политическим посылом – отделить церковь от государства. Та же Ассамблея избрала Альфаро на второй президентский срок, в ходе которого удалось ввести повсеместное государственное светское образование, внедрить принципы свободы вероисповедания и провести национализацию большей части латифундий, принадлежавших церкви. В социальном плане в стране начались процессы урбанизации и модернизации общественного сознания¹¹⁶.

В 1912 г. началась борьба между радикальными и умеренными фракциями внутри партии. Э. Альфаро был схвачен и растерзан толпой фанатиков-клерикалов, вооруженное сопротивление его непосредственных продолжателей («война Кончи» 1912-16) подавлено. После его ухода с политической арены ЛРП постепенно теряет былое влияние, поддержку в массах и становится выразителем узких интересов банковских и торговых элит. В эквадорской историографии последующий этап назван периодом «плутократии»¹¹⁷. Политически этот этап характеризовался расколом радикального либерализма, в котором главную роль играла фигура Элоя Альфаро, и приходом к власти умеренных либералов. После смерти Альфаро сменилось три конституционных президента: Леонидас Пласа (1912-1916), Альфредо Морено (1916-1920) и Хосе Тамайо (1920-1924), принадлежавших к умеренному крылу ЛРП.

¹¹⁶ Подробнее см.: *Галибина Е.С.* Источниковедческий анализ либерального революционного движения в Эквадоре в конце XIX – начале XX веков. // Восток-Запад: приоритеты эпох. – М. – 2010. – С. 74-86.; *Галибина Е.С.* Либеральная революция в Эквадоре в конце XIX – начале XX веков. Автореф. дисс. канд. истор. наук, РУДН, - М. 2009. – 27 с.

¹¹⁷ *Ayala Mora E.* Resumen de historia del Ecuador /E. Mora Acosta. – Quito: Corporación Editora Nacional, 2012. – P. 97.

На фоне политической стабильности многие завоевания первого этапа Либеральной революции были утрачены, умеренные президенты пошли на переговоры с клерикалами, часть латифундий была возвращена церкви. Президенты функционировали де-факто в качестве ставленников влиятельных банковских групп, в частности особенно мощного гуаякильского Аграрно-торгового банка. Последний президент постальфаровского периода, Гонсало Кордоба, продержался у власти менее г.: с сентября 1924 до июля 1925 г., когда он был свергнут Лигой молодых военных. Началась «июльская революция», ставшая симптомом кризиса традиционной, клиентелистской по сути, модели олигархическо-каудильистского тандема.

За «июльский» политический цикл сменились две временные хунты и одно конституционное правительство Исидро Айора (1928-1931 гг.). Правление Айора знаменовало собой значительный крен влево по сравнению с предыдущими правительствами. Потеряв поддержку всех политических партий, Айора фактически опирался только на армию, его правление стало первым в XX веке эпизодом власти военных. Курс его правительства был ориентирован на усиление роли государства в экономике и централизацию правовой и финансовой систем, что значительно ослабило политическое влияние финансовых элит. В частности, ключевым моментом его правления стало создание Центрального банка Эквадора. Для усиления государственной власти его правительством была создана Генеральная прокуратура. Были проведены прогрессивные налоговые реформы, усилен бюрократический аппарат государства. Конституционная ассамблея, созванная в 1928 г., помимо того, что назначила временного президента Айору главой государства, приняла прогрессивные законы, в частности в плане расширения электоральной базы. Так, право голоса впервые в политической истории Эквадора получили женщины. Другие поправки к Конституции были ориентированы на расширение полномочий Конгресса.

На волне «июльской революции» левые общественные силы, ранее разрозненные и аморфные, использовали возможность консолидации. Именно в этот период на политической арене Эквадора появились две левые партии: Эквадорская социалистическая партия, ЭСП (образована в 1926 г.) и Коммунистическая партия Эквадора, КПЭ (образована в 1931 г.), стали появляться зачатки профсоюзного движения.

С наступлением 1930 г. в Эквадоре в полной мере стали ощущаться последствия глобального экономического кризиса. Это вызвало рост социального недовольства и массовых протестов. В середине 1931 г. Айора, предполагая переход социально-экономического кризиса в политическую фазу, назначает полковника Луиса Ларреа де Альба военным министром и наделяет его практически неограниченными полномочиями. Ларреа был вынужден применить силу в ходе подавления социальных протестов. Фактически отстранив Айора от власти, полковник передает управление Председателю Сената, экс-президенту Альфредо Морено. Эквадор вступает в длительный этап внутривластной нестабильности.

2. Период выхода на арену популистов (1931-1948)

Новый, почти двадцатилетний, период крайней нестабильности, во время которого сменилось семнадцать правительств, начался с трагического эпизода в августе 1932 г., вошедшего в историю как «Четырехдневная война» – гражданское вооруженное столкновение, унесшее жизни двух тысяч эквадорцев. Поводом к нему стали всеобщие выборы 1931 г., на которых победил сторонник либералов Нептали Бонифас, однако конгресс в одностороннем порядке лишил его президентских полномочий, что и вызвало гражданскую мини-войну. Начало 30-х гг. было отмечено крайней нестабильностью: за три г. было проведено три тура всеобщих выборов. В результате этой ротации побеждает кандидат

консерваторов Хосе Мария Веласко Ибарра, вступивший в должность президента 1 сентября 1934 г. и свергнутый военными 20 августа 1935 г. С появлением на политической арене Веласко Ибарра пробуждается и набирает силу такое явление, как популизм.

Начиная с 30-х гг. вплоть до конца 50-х гг. популизм становится своеобразным «маркером» политического процесса в Эквадоре. Ведущие властные позиции в этот период занимают силы, характеризующиеся идеологической рыхлостью, опорой на яркого харизматичного лидера и персонализм, использованием в сугубо электоральных целях риторики реформизма, социального прогресса и национализма на фоне политической беспринципности. Самым мощным проявлением эквадорского популизма стал так называемый веласкизм. В рассматриваемый период Веласко Ибарра, мастерски использовавший антиолигархическую и оппозиционную риторику, становился главой государства три раза: в период жесточайшего экономического кризиса (1934-1935), в посткризисный период (1944-1947) и в начале так называемого «бананового» бума, когда единственный раз ему удалось продержаться у власти полный президентский срок (1952-1956). Однако на этом его политическая карьера не закончилась, и ему впоследствии еще дважды удалось стать президентом: на волне левых настроений эквадорцев как резонанса победы Кубинской революции (1960-1961) и в преддверии «нефтяного» бума (1968-1972). В итоге из «политического столетия» ему принадлежало тринадцать лет, а его карьера длилась более сорока лет, что позволяет позиционировать его как одного из ярчайших и одновременно самых одиозных эквадорских политиков XX века. Политическому стилю Веласко были присущи высокое ораторское искусство и крайняя экзальтированность, сочетаемые с доведенным до максимума волюнтаризмом и беспринципностью (он шел на любые альянсы как с правыми, так и с левыми силами, чтобы добиться внутривнутриполитического равновесия и удержаться у власти).

Умело используя приемы демагогии, он завоевывал симпатии бедных и маргинальных слоев, что не раз обеспечивало ему победу на выборах. Основной политической опорой его президентской карьеры были ренегаты как либеральной, так и консервативной партий, которые стремились путем примыкания к Веласко достичь своих целей. Популизм «веласкизма» стал своеобразным «выходом» из ситуации двухпартийного доминирования Либеральной и Консервативной партий. Традиционалистская инерция этих партий-тяжеловесов была прервана многолетним эпизодическим присутствием на политической арене Веласко. Сгруппированные вокруг него силы не представляли собой политической партии, но было, скорее, стихийным движением, сформировавшимся в ходе многочисленных избирательных кампаний в поддержку лидера-популиста. Веласко были присущи и диктаторские черты: так, в первый раз став президентом в 1934 г., он стремился установить режим личной диктатуры, но был свернут и вынужден покинуть страну.

Те же политические достижения, которые были достигнуты в этот период политической истории Эквадора, стали реальностью не благодаря, но вопреки политике В. Ибарры. Возьмем, например, прогрессивную Конституцию 1945 г. На волне подъема левых сил и «майской революции» 1944 г., свергнувшей диктатуру Арройо-дель-Рио, Учредительное собрание 1945 г. приняло новый Основной закон и избрало главой государства Веласко. Но уже через год по его инициативе было созвано новое Учредительное собрание, подчиненное его интересам и объявившее прогрессивную Конституцию 1945 г. несостоятельной. Оно же утвердило новую конституцию, менее прогрессивную, чем предыдущая. В 1947 г. Веласко был отстранен от власти в результате государственного переворота, совершенного министром обороны его правительства, полковником Карлосом Манчено.

Основным исходом почти всех правлений Веласко была прямая или косвенная передача власти правым силам – цель, которая, по его собственному

признанию времен первого президентства, была основной во всей его политической деятельности¹¹⁸. Так было в первый период правления Веласко, когда на смену ему пришла гражданская диктатура Федерико Паеса (1935-1937), так случилось и в 1947 г., и в дальнейшем (см. ниже). Таким образом, «веласкизм» как эквадорский вариант латиноамериканского популизма был вызван к жизни ростом правых тенденций и фактически выступал в роли проводника интересов правых, умело нивелируя протестные настроения в обществе.

3. Период стабилизации популизма и реформизма (1948 – 1960) – последовательная смена трех правительств без эксцессов.

Данный период весьма нетипичен для Эквадора, поскольку отмечен правлением трех президентов, которым удалось пробыть у власти весь президентский срок: Гало Пласа Лассо (1948-1952 гг.), Веласко Ибарра (1952-1956) и Камило Понсе Энрикеса (1956-1960). Правительство Г. Пласа предприняло попытку заложить новую экономическую парадигму так называемого «десаррольизма», основанную на принципе догоняющего развития. В качестве главного источника роста рассматривалось сельское хозяйство как альтернатива индустриализации. С началом правления Пласа на побережье Эквадора началось производство бананов в качестве главного экспортного продукта страны. Пласа поставил своей главной целью вывести страну с 27-го места в мире по производству «желтого» золота на первое. Были запущены программы инфраструктурной модернизации, в частности, программа дорожного строительства в целях расширения и освоения внутреннего рынка. Но кризис поставщиков и падение спроса на бананы не позволили достичь поставленных

¹¹⁸ *Burbano de Lara F.* El fantasma de populismo. Aproximación a un tema (siempre) actual /F. Burbano de Lara. – Caracas: Nueva Sociedad, 2004. – P. 56.

целей. Тем не менее внутривнутриполитическая жизнь протекала без эксцессов, а сам Пласа вошел в историю как политик национального примирения.

В 1952 г. президентом вновь стал Веласко, набрав самое высокое количество голосов за все время существования республики. Третье правление «веласкизма» консолидировало консервативные силы: в Сенате доминировали правые партии, а сам Веласко, хоть и заручился поддержкой широких масс, стал выразителем интересов финансово-коммерческих кругов и олигархии Косты. Правительство, чувствуя давление снизу, осуществляло образовательные и инфраструктурные программы, например, строительство новых школ, лицеев и дорог; армия была оснащена современным снаряжением. В плане государственной модернизации заработал Совет по планированию и экономической координации (Junta de Planificación y Coordinación económica). Во внешней политике Эквадор решился заявить протест против государственного переворота в Гватемале, совершенного при прямом вмешательстве США под предлогом борьбы с коммунизмом. Несмотря на некоторые прогрессивные меры, к концу правления Веласко потерял массовую поддержку, поскольку не решался на коренное решение насущных социальных проблем, например, проведение аграрной реформы.

В 1956 г. в Эквадоре к власти пришло правительство во главе с Камило Понсе, консервативным по политическим взглядам, основателем социал-христианского движения внутри Консервативной партии. Кандидату традиционных правых сил удалось заручиться поддержкой 178 тысяч эквадорцев. Впервые после паузы в несколько десятилетий Консервативная партия получила доступ к власти. В экономическом плане Понсе был вынужден противодействовать падению экспорта бананов, а во внутривнутриполитическом столкнулся с народным восстанием в Гуаякиле в июне 1959 г., жестоко подавленным армией и правительством (погибло порядка пятисот человек). Главной движущей силой событий стало студенческое движение, возмущенное

репрессиями в отношении их лидеров. Вместе с тем продолжилась экономическая модернизация страны: было начато строительство аэропорта им. Симона Боливара, построено новое здание Конгресса, отремонтированы многие мосты общенационального значения. В образовательном плане велась ретроградская политика: были сокращены денежные средства на государственное (светское) обучение и, напротив, возросло финансирование частных католических школ. Никаких коренных изменений эквадорскому обществу правление Понсе не принесло.

4. Период спада популизма и выхода на арену военной диктатуры (1960 – 1972).

В период в 1960 по 1968 гг. политический процесс носил крайне нестабильный характер: три государственных переворота, военная хунта и три временных правительства. Восемь лет страна жила без выборов, фактически за рамками конституционного процесса. В сентябре 1960 г. на волне падения экспорта бананов и кофе, вследствие чего значительно ухудшилось положение народа, к власти в четвертый раз пришел популист В. Ибарра. Он победил в одиннадцати провинциях, набрав 48,7% голосов, более чем вдвое опередив бывшего президента Понсе. Причиной очередного триумфа популиста стала усталость народа от кризиса и репрессий государства. Антикризисная риторика привлекла городские низы, в особенности побережья. Кроме того, произошел крупный раскол Социалистической партии на две фракции, что раздробило левый электорат. В ходе предвыборной кампании Ибарра также активно использовал антиимпериалистические лозунги, актуализированные победой Кубинской революции. Веласко были предприняты робкие попытки аграрных преобразований, но практического воплощения предлагаемые реформы так и не нашли. Ожидания народа на фоне кубинской революционной волны были чрезвычайно высоки. Вопреки этому правительство пошло на непопулярные меры, в частности под давлением экспортеров девальвировало национальную

валюту. В итоге сложилась крайне напряженная и конфликтная общественная ситуация, вылившаяся во всеобщую забастовку октября 1961 г., организованную Конфедерацией трудящихся Эквадора. Вслед за ней по стране прокатилась волна протестов и забастовок. Президент инициировал массовые репрессии, что привело к окончательной потере легитимности.

Продержаться у власти Веласко удалось чуть более г. В ноябре 1961 г. он был свергнут военными, которые в одностороннем порядке передали власть вице-президенту Карлосу Хулио Аросемене Монрою (1961-1963), уже находившемуся у власти с 1947 по 1948 гг. В ходе его правления было принято решение о социальной реструктуризации Эквадора. В этот период был принят ряд важных законов (введен в действие Налоговый кодекс, закон о налоге на ренту и на наследство), разрабатывался план аграрной реформы, в Гуаякиле были созданы два крупных университета (Католический и Светский), впервые за многие годы проведена перепись населения. Во внешней политике президент вел себя очень неопределенно: вначале он высказывался в поддержку революционной Кубы, но затем под давлением военных разорвал дипломатические отношения с Гаваной. Аросемена столкнулся с противостоянием внутри Конгресса, который в июле 1963 г. большинством проголосовал за его отставку. Внутривластическим кризисом воспользовался генералитет вооруженных сил, и 10 июля того же г. в Эквадоре произошел бескровный государственный переворот. К. Аросемена, которого привели к власти те же военные, был выдворен за пределы страны в Панаму. Так был завершен тринадцатилетний цикл правления гражданских президентов.

Вмешательство вооруженных сил произошло при поддержке США, что привело к установлению антикоммунистической военной хунты, просуществовавшей с 1963 по 1966 гг. и возглавленной контр-адмиралом Рамоном Кастро Хихоном. Военные не прикрывались гражданским правительством, как это было в других странах Латинской Америки, но

действовали открыто. Сами генералы, вошедшие в руководство хунты, стремились создать агрессивный и воинственный имидж, называя себя «всадниками Апокалипсиса».

Правление военных, взявших контроль над государством, было очень неоднозначным и противоречивым. С одной стороны, новая власть осуществила определенные позитивные сдвиги. Так, в июле 1964 г. был издан первый закон об Аграрной реформе в Эквадоре. Вначале закон применялся честно, и за короткий срок около 23 тысяч крестьянских семей получили от него пользу¹¹⁹. Согласно аграрному закону была запрещена прежняя система кабальной аренды: крестьяне, в том числе индейцы, получали формальное право на земельные участки, которые они обрабатывали. В налоговом плане хунта предприняла безуспешные попытки централизации фискальной системы, но наткнулась на сильное противодействие со стороны автономных районов.

С другой стороны, в период правления военной хунты резко усилились репрессии против прогрессивных и левых сил: была запрещена деятельность Коммунистической партии, многие ее лидеры и активисты были посажены в тюрьму, закрыты ведущие профсоюзы. Создать Национальную патриотическую хунту как альтернативу режиму в условиях раздробленности и малочисленности левых сил не удалось. Генералы, считавшие свою власть незыблемой, непрестанно обещали скорейшее проведение всеобщих выборов. Так, хунтой было предложено четыре плана перехода к гражданскому правлению, но все они были категорически отвергнуты ведущими партиями, так как гарантировали большой политический иммунитет военным. В 1965 г. было объявлено, что ближайшие выборы пройдут только в сентябре 1967 г.¹²⁰. Это вызвало бурное социальное недовольство. В стремлении смягчить общественную реакцию хунта созвала Конституционную ассамблею, которая избрала на пост временного

¹¹⁹ Pareja Diezcanseco A. Breve Historia del Ecuador / A.Pareja Diezcanseco. – Quito: Escuela nueva, S.A. – Т. 2. – 110 р.

¹²⁰ Новое время, 30.06.1965.

президента Иерови Индабурру – гуаякильского банкира, экономиста и бизнесмена. Но он пробыл на этом посту всего семь месяцев и в ноябре 1966 г. его сменил Отто Аромесена Гомес. Переходное гражданское правительство отменило принятый хунтой бюджет и ликвидировало фонды, предназначенные для проведения аграрной реформы.

В 1968 г. новые власти провели очередные всеобщие выборы, на которых в последний, пятый, раз победил популист Веласко Ибарра, вернувшийся из буэнос-айресской эмиграции. На выборах он получил 280 тысяч голосов, на 18 тысяч опередив Андреса Кордову, кандидата левых демократических сил. Ибарра повел себя очень жестко и в середине 1970 г. под давлением военных кругов фактически ввел режим личной диктатуры, легитимизировав такое положение дел особым декретом, где в частности говорилось: «Национальные вооруженные силы единодушно обратились к Президенту Республики с просьбой принять на себя всю полноту власти, чтобы приступить к настоятельно необходимой реконструкции в стране»¹²¹. Провозгласив себя диктатором, де-факто Ибарра совершил очередной государственный переворот. На пост министра обороны он назначил своего племянника Хорхе Акосту Веласко, который функционировал в режиме «серого кардинала». Фактически страна находилась под контролем верховного командования вооруженных сил, а на многие гражданские административные должности были назначены военные. В самом военном командовании постоянно проводились перестановки, новые назначения следовали одно за другим. Такая нестабильность вызвала раскол внутри армии и настроила против Ибарры многих генералов. Все это сопровождалось обращением за экономической помощью к Международному Валютному фонду и кредиторам из США, по рекомендациям которых были введены новые налоги, проведена девальвация сукре и введен в действие план строгой экономии. Приняв на себя всю полноту власти, Ибарра распустил

¹²¹ El Universo, 17.12.1970.

Конгресс, приостановил действие конституции, установил правительственный контроль над всеми банками, закрыл государственные университеты, реорганизовал Верховный суд, который выступал в качестве главного оппонента новоявленного диктатора и пытался противодействовать ему. Страна входила в очередной виток нестабильности.

5. Период «нефтяных» военных диктатур (1972-1979)

Между 1972 и 1979 гг. в Эквадоре последовало две военные диктатуры. В 1972 г. к власти путем государственного переворота пришли офицеры-националисты, придерживавшиеся прогрессивных взглядов. Их недовольство и рост активности были вызваны расколом внутри армии, произошедшим в результате введения диктаторского режима Веласко. Первую диктатуру возглавил генерал Гильермо Родригес Лара (1972-1976 гг.), который возглавил «Националистическое и революционное правительство вооруженных сил» и положил в основу правления стратегический документ «Философия и план действий правительства»¹²². Формально была введена в действие конституция 1945 г., принятая левым коалиционным правительством после восстания в мае 1944 г. и являвшаяся самой прогрессивной в истории страны (недаром Веласко избегал и отменял ее). Лара инициировал нефтяную политику, основанную на концепции стратегических ресурсов, суверенитета, национализма и приоритета военной власти, и ориентировался во многом на перуанский революционный процесс во главе с Веласко Альварадо (1968-1975). В 1976 г. Лару сменил «триумвират», давший начало демократическому транзиту.

¹²² Подробнее об этом см.: *Акимущкина И.И.* Внешняя политика правительства Г. Р. Лары в Эквадоре 1972-1975 гг. / *И.И.Акимущкина* // Проблемы всеобщей истории. – М., 1986. – С. 67-86.; *Акимущкина И.И.* Нефть и внешняя политика Эквадора / *И.И.Акимущкина* // Латинская Америка. – 1987. №3. - С. 30-38.

Появление на политической сцене новых «прогрессивных» диктатур было вызвано существенной перестройкой экономического фундамента Эквадора. Если до 1972 г. основу его экономики составлял агроэкспорт (в первую очередь бананы и какао), то после Эквадор превращается в нефтяную державу. Ранее иностранные корпорации (в первую очередь «Юнайтед Фрут») рассматривали андскую страну исключительно как «банановую республику», теперь же Эквадор становится объектом интереса нефтяных корпораций («Тексако галф») и начинает восприниматься как «Ойлдорадо» – неологизм, часто использовавшийся в американских СМИ. Нефтяные диктатуры начала 70-х гг. стали своеобразной политической реакцией на «нефтяной бум» в Эквадоре, стремясь поставить природные богатства под государственный контроль. Диктатуры объективно стали политическим инструментом, призванным ввести режим управляемости в принципиально новых экономических обстоятельствах.

Разведка нефти на территории Эквадора началась еще в 1964 г. и велась транснациональной корпорацией «Тексако-Галф». В 1967 г. наличие нефти было подтверждено, но освоение ресурсов не началось, месторождения были законсервированы ¹²³. В августе 1972 г. «Тексако-Галф» был введен в эксплуатацию трансандский нефтепровод протяженностью более пятисот километров, соединивший месторождения нефти с тихоокеанским побережьем, а промыслы были расконсервированы. Сразу после ввода в эксплуатацию нефтепровод был взят под государственный контроль, в результате чего Эквадор вышел на второе место в Латинской Америке по экспорту нефти. Государственный переворот, сместивший Ибарру, произошел за шесть месяцев до запуска нефтепровода и носил превентивный характер.

¹²³ Месторождения были обнаружены на пограничной территории между Эквадором и Перу, между Андами и лесами Амазонии. Именно это гипотетическое богатство, по всей видимости, стало причиной конфликта между странами в 1941-1942 гг. и при последующих территориальных спорах в XX веке (о конфликте в начале 1981 г. см. ниже).

Первой мерой правительства Лары было взяtie под контроль государства нефтяного порта Балао (конечная точка нефтепровода, начинающегося с месторождений нефти на северо-востоке Эквадора). Затем был введен в действие закон о нефтяных и газовых месторождениях¹²⁴ (согласно ему суммы, которые иностранные компании были обязаны отдавать в казну за эксплуатацию нефтяных месторождений, возрастали в четыре раза), а также аннулированы контракты, заключенные предыдущими правительствами с иностранными корпорациями¹²⁵. В целях концентрации нефтедобычи в руках государства в июне 1972 г. была создана Эквадорская государственная нефтяная корпорация (в будущем ставшая компанией PetroEcuador), а также начато строительство нефтеналивного флота (закон регламентировал перевозку нефти только под национальным флагом Эквадора). Уже через два г. новая государственная корпорация почувствовала себя настолько уверенно, что приобрела 25% акций корпорации «Тексако-Галф», а в 1974 г. Эквадор вступил в ОПЕК¹²⁶. Кроме того, началась долгожданная индустриализация страны: были введены в строй несколько электростанций, построен ряд предприятий пищевой и легкой промышленности, начато строительство металлургического комбината и автосборочных заводов, сооружен нефтеочистительный завод. Для реализации всех этих крупномасштабных проектов был создан Национальный фонд развития (ФОНАДЕ). В итоге повысился торговый потенциал Эквадора: некоторые промышленные товары пошли даже на экспорт (холодильники, газовые плиты и др.)¹²⁷.

Богатство недр, однако, не принесло решения общенациональных проблем, поскольку нефтяная рента шла не столько на государственные, сколько на военные нужды (армия становилась в своем роде государством внутри

¹²⁴ Закон был разработан еще при В. Ибарре, но до его реализации дело тогда так и не дошло.

¹²⁵ El Telegrafo, 14.06. 1973.

¹²⁶ *Китайгородская Д. С.* Эквадор: источник экономического роста / Д.С.Китайгородская. // Латинская Америка. —М., 1976. — №5. — С. 135.

¹²⁷ El Pueblo, 15.08.1974.

государства). Положительным моментом такого положения была модернизация армии. Экспорт нефти улучшил макроэкономические показатели, но не принес благополучия простым эквадорцам: так, за короткий промежуток времени ВВП страны увеличился втрое (с 1,7 млрд долл. в 1970 г. до 5,9 в 1975 г.), но роста минимальной заработной платы не произошло¹²⁸. Вся экономическая власть была сконцентрирована в руках военных, что вызвало недовольство олигархических кругов, вылившееся в попытку государственного переворота 1 сентября 1975 г. Путч не имел успеха в результате широкой поддержки правительства народом (на стороне Лара оказались профсоюзы и ряд левых организаций, в том числе компартия). В целом реформистский процесс положительно сказался на внутривластной обстановке: четыре г. страна жила в относительном спокойствии, без репрессий и крупных социальных протестов, что было нечастым явлением в истории Эквадора.

В 1976 г. начался второй этап правления военных. Генерал Родригес Лара был заменен более консервативным военным «триумvirатом» во главе с вице-адмиралом, командующим ВМС Альфредо Поведой Бурбано (наряду с ним лидирующие позиции заняли командующий сухопутными войсками генерал Гильермо Дуран и командующий ВВС генерал Л. Леоро Франко). Передача власти произошла бескровно путем добровольной отставки Лары с целью сохранить видимость единства вооруженных сил. Высший правящий совет (центральный орган власти новой хунты) сделал несколько шагов назад: начал политический диалог с олигархическими кругами, отказался от стратегического плана Р. Лары, провел амнистию заключенных, а в экономическом плане сделал значительные уступки иностранному капиталу. Политика «триумvirата» носила репрессивный характер, очень агрессивно подавлялись забастовки¹²⁹.

¹²⁸ Hurtado O. Los costos del populismo /O.Hurtado. – Quito, 2006. – P. 83.

¹²⁹ Кудрявский С. Эквадор на пути преобразований / С.Кудрявский. // Международная жизнь. – 1976. – №1. – С. 119.

Несмотря на все эти негативные моменты, в центре внимания новой хунты остался главный вопрос, своего рода «политический нерв» правления военных, а именно – вопрос возвращения к гражданскому правлению. Отметим, что вопреки царившему тогда скептицизму, военным удалось провести ряд крупных политических реформ и в короткий срок передать власть гражданскому правительству, обеспечив при этом стабильность и спокойствие в стране. В целом же подвести итог правления военных в 70-х гг. можно следующей цитатой: «Как показал период “нефтяного бума”, увеличение валютных поступлений и рост валового национального продукта страны еще не означают достижения сбалансированного экономического развития, повышения материального и культурного уровня населения. В стране усугубляется социальное неравенство, развивается процесс концентрации богатства на одном полюсе и обнищания – на другом»¹³⁰.

Данный этап характеризовался доминированием на политической арене вооруженных сил, имевших полную экономическую власть во время «нефтяного бума». Также следует принять во внимание, что во время нахождения у власти диктаторских правительств макроэкономические показатели страны резко улучшились, но, несмотря на это, в итоге все окончилось быстрым ростом внешнего долга. Такое противоречие объясняется недобросовестным управлением полученными запасами и ресурсами.

6. Демократический транзит (1979-1981) – правление Х. Рольдоса.

В результате последовательного и поступательного юридическо-правового реформирования государства, предпринятого военным правительством, а также под влиянием новых политических тенденций

¹³⁰ Марков А. Е. Экономические проблемы и политика военного правительства // Латинская Америка. - 1979. - №1. – С. 117.

глобального и регионального масштаба, в 1979 г. к власти пришло первое за долгие годы гражданское правительство во главе с Хайме Рольдосом Агилерой. Особенности его политического стиля, предпринятые шаги и непреодолимые сложности, с которыми ему пришлось столкнуться, будут подробно проанализированы ниже. Здесь же мы остановимся лишь на общих характеристиках его внутривнутриполитического курса. Фигура Х. Рольдоса требует особого и более подробного рассмотрения, поскольку он комплексно сочетал три черты, которые прежним правительствам были свойственны по отдельности: реформизм, прагматизм и нацеленность на реализацию принципов социальной справедливости. Такое сочетание в лице Рольдоса получило воплощение впервые за всю историю Эквадора. К сожалению, ему не удалось довести начатое до конца, срок его правления был крайне мал. Формально период его нахождения у власти можно отнести к нестабильным этапам, поскольку ему, как и Элою Альфаро, из-за трагической смерти не удалось завершить свои президентские полномочия. Но содержательно политика Рольдоса носила принципиально новый характер. Ему удалось не столько решить проблемы, сколько обозначить подходы к их решению. Если смотреть на его правление поверхностно, то может показаться, что его риторике были присущи укоренившиеся в политической культуре Эквадора популистские и демагогические черты. При более же глубоком и детальном рассмотрении обнаруживается, что за, казалось бы, привычной веласкистской риторикой стояло реальное намерение взять курс на системную и прогрессивную модернизацию страны. В связи с этим, кратковременное появление Рольдоса в большой политике, скорее, нужно рассматривать как попытку выхода на новый реформаторский уровень, а не сам выход как таковой. Последний удалось осуществить только спустя более двух десятилетий правительству «гражданской революции» Р. Корреа.

7. «Правый поворот» внутри демократического транзита (1981 – 1996).

Последующие этапы и динамика политических процессов будут рассмотрены в работе подробнее, поэтому здесь мы ограничимся лишь их общим анализом в режиме введения и обозначения основных характеристик последующих правлений. Вслед за левоцентристским правительством Эквадор формально вступил в пятнадцатилетие политической стабильности. Последовательно без эксцессов и с соблюдением демократических процедур сменились четыре правительства. Погибшего президента в режиме преемственности власти и плавной конституционной передачи президентских полномочий сменил бывший вице-президент Освальдо Уртадо (1981-1984), за его кабинетом последовали правительства консерватора-правоцентриста Леона Фебреса Кордеро (1984-1988), лидера Демократической левой партии (социал-демократической ориентации) Родриго Борхи (1988-1992) и, наконец, правоцентриста неолиберального толка Сиксто Дурана Бальена (1992-1996). В этот период в экономической политике произошел отход от принципа приоритета национального суверенитета. Правительства стали чаще идти на контакт с международными финансовыми институтами, в которых доминировало влияние США, и следовать их рецептам. В результате стала обостряться проблема внешнего долга. Страна неуклонно вставала на рельсы неолиберального курса развития. Единственное направление, в котором отчасти сохранился рольдосистский подход, – это социальная политика. Многие социальные программы были продолжены при незначительной модификации. Народ не мог позволить правительствам уничтожить социальные завоевания, и резкий отказ от них привел бы к социальному взрыву. На политическую арену стали выходить новые социальные силы, в частности индейские, которые начали приобретать все больший политический вес. Но в целом, если брать отправной точкой левоцентристскую позицию Рольдоса, во внутриполитическом плане произошел

плавный «правый поворот». Вероятно, не последнюю роль в этом сыграли внешнеполитические факторы, в первую очередь 12-летнее правление неолибералов Р. Рейгана и Дж. Буша в США, всегда имевших сильное влияние на политическую ситуацию внутри Эквадора.

Существенной чертой этого внешне стабильного периода был явный или скрытый конфликт между исполнительной и законодательной властью. Иногда это играло положительную роль. Например, Ф. Фебрес Кордеро, инициировавший неолиберальные реформы, столкнулся в конгрессе с оппозицией так называемого «прогрессивного блока», блокировавшей его в целом разрушительные реформы. С той же проблемой оппозиционного большинства в парламенте столкнулся и Р. Борха, правление которого характеризуется сильным «министерским кризисом», когда на протяжении длительного периода ни одна кандидатура на ключевые министерские посты не удовлетворяла Конгресс. По этой причине длительное время в стране деятельность исполнительной власти была парализована. Характерно, однако, что даже такая ситуация в Эквадоре (в отличие от целого ряда стран, в том числе соседних) не привела ни одну из «ветвей власти» к открытым антиконституционным действиям. Даже противоправные репрессивные действия кабинета С. Дурана, ставшие ныне предметом расследования, не привели политическую систему к необратимым последствиям.

Этот этап относительной политической стабильности проходил на фоне неблагоприятной конъюнктуры на мировом рынке углеводородов. Так, если в 1980 г. баррель нефти стоил 34 доллара, то к 1988 г. его стоимость упала более чем вдвое – до 15 долларов. Несомненно, падение цен на нефть как базовый продукт эквадорской экономики стало одной из главных причин мер жесткой экономии и крена в сторону неолиберализма. В этот период все правительства в большей или меньшей степени проводили политику экономической либерализации. Это привело к обострению социальных проблем: росту

инфляции, увеличению бедности и социальной поляризации, ухудшению условий жизни большинства эквадорцев. В итоге «нефтяной бум» не стал мощным стимулом для развития экономики, а, наоборот, привел ее к спаду. Результатом роста социального недовольства стала новая волна популизма.

8. Новый взлет эквадорского популизма (1996-2006)

В указанный период Эквадор вступил в максимальный в новейшей политической истории период нестабильности. За одиннадцать лет в стране сменилось семь правительств и восемь президентов, из которых только трое: Абдала Букарам (1996-1997), Хамиль Мауад (1998-2000) и Лусио Гутьеррес (2003-2005) – были избраны на всеобщих выборах, но ни одному не удалось продержаться у власти до конца мандата. Все трое избранных президентов были смещены путем весьма сомнительным с конституционной точки зрения (есть основания говорить об их фактическом свержении в ходе массовых протестов). Институты власти эволюционировали до фазы максимальной неуправляемости и неэффективности. Для Эквадора, как и ряда других стран латиноамериканского региона, это десятилетие оказалось потерянными в политическом и экономическом плане. Политическую жизнь характеризовали крайняя нестабильность властных институтов, апелляция на выборах к обездоленным и малоимущим слоям и новый всплеск популистской риторики и пустых обещаний, не подкрепляемой впоследствии реальными действиями, а также новая волна политической активности военных. Имелись также тенденции к авторитаризму (например, при правлении Мауада в 2000 г.). Еще одной важной чертой этого этапа стала активная роль мощного и организационно окрепшего индейского движения, представленного в первую очередь Конфедерацией индейских национальностей Эквадора (CONAIE). Нередко индейский фактор становился

главным при частой смене правительств: так было и с уходом с поста президента Х. Мауада в 2000 г., и с отставкой Л. Гутьерреса в 2005 г.

В экономическом плане в этот период делалась ставка на ослабление роли государства и проведение неолиберальных реформ. Продолжал обостряться кризис внешней задолженности; за новыми займами правительства обращались к МВФ. Приведем яркую цитату российского политолога М. Л. Чумаковой, прекрасно иллюстрирующую данный этап: «...неопределенность оставалась характерной чертой политического процесса, а перспективы укрепления демократии становились все более смутными в условиях разлома общества и раскола элит, слабости партийной системы, проникновения наркобизнеса в ткань общественных отношений и коррумпированности ветвей власти»¹³¹.

Таким образом, к началу XXI века Эквадор переживал самый нестабильный этап своей новейшей истории. Конструктивным выходом из тупика стала победа на президентских выборах 2006 г. Рафаэля Корреа и начало цикла глубокой качественной трансформации общества, получившей название «гражданской революции».

9. Период «гражданской революции» (2007 – 2017).

С 2007 г. Эквадор живет в принципиально иной системе координат как в политическом, так и экономическом плане. Практически по всем параметрам Эквадор периода Корреа отличается от предыдущих этапов не только XXI, но и XX века. Новые власти сумели придать развитию страны прогрессивный вектор и свести к минимуму недостатки предыдущих правительств. Удалось провести крупномасштабную политическую реформу государства, в результате чего была принята новая Конституция, ориентированная на обеспечение не просто

¹³¹ Чумакова М.Л. Политический кризис в Эквадоре / М.Л.Чумакова. // Латинская Америка. – 2003. – №6. – С. 5.

благополучия, но гармоничного и органичного сочетания всех параметров достойной жизни, мировоззренчески воплощенного в парадигме «Достойной жизни» или, точнее «Доброжития» (концепции, восходящей к индейским корням). В политическом плане новый этап характеризуется внутренней стабильностью властных институтов, то есть в отличие от предыдущих правлений на протяжении многих лет сохраняется взаимодополняемость исполнительной и законодательной власти. Президенту Р. Корреа удалось дважды переизбраться на президентский пост, заручившись поддержкой абсолютного большинства электората (в 2009 и в 2013 гг.). В экономическом плане проводится политика защиты национального суверенитета и минимизации роли иностранных корпораций. В первые годы правления правительство инициировало программу прогрессивных системных реформ, направленных на усиление роли государства в регулировании экономических процессов. Также были запущены и продолжают действовать многочисленные социальные программы, призванные улучшить условия жизни широких слоев населения. Более подробно и развернуто эти и другие моменты будут раскрыты во второй главе диссертации. Здесь же лишь отметим, что «гражданская революция» стала принципиально новым прогрессивным этапом в развитии Эквадора, опыт которого требует тщательного и системного изучения.

Подводя итог, можно выделить следующие закономерности эволюции политического процесса Эквадора в XX – начале XXI веков. Во-первых, как видно из проведенного анализа, его новейшая история четко делится на этапы стабильности и нестабильности, последовательно сменяющие друг друга на протяжении всего рассматриваемого периода. Во-вторых, существенную роль – как прогрессивную, так и деструктивную – играли армия и военные, а главным залогом стабильности было достижение компромисса в рядах вооруженных сил. В-третьих, политическим механизмом нестабильности в большинстве случаев выступал конфликт между исполнительной и законодательной ветвями власти.

В-четвертых, всему ходу политического процесса были свойственны аморфность партийной системы и неразвитость политического самосознания гражданского общества, что неоднократно становилось причиной прихода к власти временщиков и представителей популистских сил. Наконец, в-пятых, временем надежд стал «демократический транзит» начала 80-х гг. и приход к власти правительства Рольдоса, но дальнейший спад и деградация демократического процесса привели к угасанию этого импульса. Вновь вернуться «к истокам» и поставить в повестку дня императив прогрессивного развития удалось только в начале XXI века. Последний пункт представляется наиболее важным и требующим системного раскрытия, поэтому в следующем параграфе мы остановимся на анализе этого, потенциально кульминационного, момента эквадорской политической истории XX столетия.

§2. Период институциональной демократизации

В конце 70-х гг. эквадорский политический процесс был отмечен подготовкой к «демократическому транзиту», то есть к передаче власти от военных к гражданским правительствам, избираемым на всеобщих выборах. Таким образом, демократия понимается здесь в предельно широком смысле; точнее было бы говорить о *конституционно-представительном* правопорядке в противоположность «режимам де-факто» (распространенный в латиноамериканской политологии термин), оставляя вопрос о реальном функционировании собственно демократических механизмов для отдельного рассмотрения.

Данный этап, на наш взгляд, является ключевым и переломным в политической эволюции Эквадора в XX веке, поэтому целесообразно остановиться на нем подробнее. Демократический транзит в Эквадоре стал «отправной точкой», так называемой, «третьей волны демократизации» в латиноамериканском регионе. Есть основания полагать, что выборы 1978-1979 гг., по итогам которых к власти пришло правительство Хайме Рольдоса Агилеры, и имевшие широкий резонанс во всем регионе, в значительной мере помогли инициировать процессы политической модернизации в Латинской Америке (см. Приложение).

А) Политико-правовые предпосылки «демократического транзита»: новая конституция, референдум и Закон о политических партиях.

Целесообразно начать рассмотрение «демократического транзита» с его предпосылок. Ему предшествовало девять лет гражданских и военных диктатур, за период которой сменилось три «режима де-факто». За это неполное десятилетие в обществе назрело ожидание демократической электоральной процедуры, ведь последние президентские выборы были проведены в 1968 г.

Существуют различные точки зрения на период власти военных в 70-е гг. В советской науке военные режимы ряда андских стран того времени (Перу, Боливии, Эквадора) квалифицировались как «прогрессивные». Среди латиноамериканских авторов нередко можно встретить определение их как «нефтяных военных диктатур»¹³². Уже тот факт, что «внутри» этих военных режимов вызрели предпосылки для перехода к демократической форме правления, и самими военными были предприняты конкретные шаги по обеспечению перехода власти, дает основания придерживаться скорее первой точки зрения.

На наш взгляд, военные режимы в Эквадоре, предшествовавшие «демократическому транзиту», терминологически наиболее корректно квалифицировать как «мягкую диктатуру» или «диктабланду» (*dictablanda* – испанский неологизм, производный от испанского слова «*dictadura*», в котором часть слова «*dura*» буквально переводится как «жесткая», а «*blanda*» – как «мягкая»). В пользу квалификации военного режима 1972-1979 гг. как «диктабланды» говорит прежде всего то обстоятельство, что в этот период не было массовых репрессий в отношении людей с левыми взглядами, в частности, Коммунистическая партия не была запрещена и работала в легальных условиях. Страна не была втянута и в «сеть террора», созданную правоавторитарными военными режимами в соответствии с «планом «Кондор»». Дополнительным основанием для такого утверждения является тот факт, что усилиями самих военных, то есть изнутри и силами авторитарного режима, были созданы предпосылки и законные основания передачи власти гражданскому правительству. При этом нельзя не отметить, что данный процесс в немалой степени инициировался международными факторами: общеевропейским хельсинкским процессом (1975 г.), португальской «революцией гвоздик» и

¹³² См. напр.: Paz J., Cepeda M. Un nuevo ciclo histórico en Ecuador /J.Paz, M. Cepeda // Quito: La Insignia, 2007. – P. 23-33.

постфранкистским транзитом в Испании, официальным выдвижением демократических и правозащитных лозунгов администрацией Дж. Картера в США, американо-панамским соглашением (1978 г.) и революцией в Никарагуа (1978-1979 гг.).

В декабре 1976 г. по инициативе «триумvirата», возглавляемого контр-адмиралом Альфредом Поведой Бурбано, был принят «План юридических реформ государства», предполагавший проведение мер по постепенному переходу к режиму «представительной демократии». Надо сказать, что еще раньше, в январе 1976 г., сместивший с поста главы государства Г. Лару «триумvirат» изначально определил дату своего мандата, не более двух лет. Сразу же была обозначена и дата завершения его полномочий – 11 января 1978 г. И хотя фактически из-за острой политической борьбы вокруг референдума и выборов реальное завершение режима «триумvirата» было отсрочено (вместо планируемого двухгодичного срока переход к гражданскому правительству занял три г. и восемь месяцев)¹³³, сам факт такой постановки вопроса уже симптоматичен. В свете этих обстоятельств также было бы ошибочно трактовать военный режим «триумvirата» как диктаторский. Это если и была, как принято большинством политологов, военная хунта, то изначально переходного характера.

Основной внутривнутриполитической причиной такого необычного решения стало нарастание социально-политических противоречий. К этому времени, несмотря на попытки реформ, сохранялась архаичная социальная структура эквадорского общества, основанная на крупном землевладении. Вместе с тем бурный экономический рост после «нефтяного бума» не смог не сказаться на формировании нового политического сознания широких масс. Активно действовали профсоюзы, регулярно проводились массовые забастовки, страну

¹³³ Mills N. Crisis, conflicto y consenso. Ecuador: 1979-1984 / N. Mills. – Quito: CORDES, 1984. – P. 24.

постоянно будоражили политические протесты в том числе с требованием проведения аграрной реформы. Достичь успехов по аграрному вопросу так и не удалось, однако страна жила ожиданиями нововведений. Стремясь снизить градус социально-политической напряженности, военные увидели выход в реформировании и модернизации политической системы. Именно это и обусловило дальнейшие меры по осуществлению «демократического транзита», оформленные в Плане юридических реформ государства.

План, предложенный властями, включал три основных момента: 1) разработку проекта новой Конституции; 2) проведение референдума, на котором эквадорцы должны были решить судьбу нового Основного закона; 3) Проведение свободных всеобщих выборов с целью избрания нового главы государства и нового состава Палаты представителей. Обращает на себя внимание, что выработка Плана сопровождалась консультациями с лидерами основных политических партий, предпринимательскими кругами, профсоюзных и общественных организаций, университетской профессурой и т.д. С целью решить поставленные задачи было создано три специальных комиссии. В компетенцию первой (ею руководил социалист Карлос Куэва Тамарис) входила разработка проекта нового текста Основного закона. Вторая занималась вопросами реформирования Конституции 1945 г. (возглавлена консерватором Рамиро Борха). Третья (она работала под председательством лидера христианских демократов О. Уртадо, вскоре ставшим вице-президентом в паре с президентом Х. Рольдосом) готовила механизм проведения референдума и занималась выработкой новой редакции законов о референдуме, о выборах и политических партиях. Наделение специальных комиссий законотворческими полномочиями было новшеством в эквадорской политике, поскольку ранее традиционно эта компетенция принадлежала только Палате представителей, чьи лидеры выступили с жесткой критикой подобной практики и увидели в деятельности комиссий попытку урезать полномочия Палаты.

Инициатива проведения референдума по такому важному вопросу, как конституционный, оказалась новаторской и в чем-то даже революционной, поскольку большинство из семнадцати предыдущих основных законов Эквадора создавались исключительно путем созыва конституционных ассамблей¹³⁴. Уже сам факт отказа от этого традиционного законотворческого механизма свидетельствовал о серьезности транзита. Многие эквадорские политологи указывали на то, что институт прежних ассамблей отражает сугубо элитарные, узкие интересы. Широкие массы никогда не принимали окончательного решения по такому важному государственному вопросу, как новая Конституция. Приведем мнение профессора политических наук и кандидата на пост президента Родриго Борхи: «Исторический опыт – достаточный аргумент для того, чтобы отказаться от ее созыва в этом случае. Конституционная ассамблея – это французский рецепт, который не дал хороших результатов у нас, поскольку остается под вопросом ее репрезентативность в наших общественных условиях; поскольку внутри нее самой неизбежно возникает тенденция к противопоставлению интересов избирателей и депутатов»¹³⁵. Схожей оценки придерживается и группа эквадорских авторов, издавших глубокую и содержательную статью о демократическом переходе в Эквадоре, которые отмечают, что «созыв Ассамблеи привел бы к возврату традиционной практики эквадорской политики (корпоративизму, популизму, клиентелизму и персонализму)»¹³⁶.

Идея референдума вызвала неоднозначную реакцию в эквадорском обществе. Крупные традиционалистские партии (Либеральная и

¹³⁴ Первый раз механизм конституционного референдума был задействован в 1869 г. при президенте Гарсиа Морено, но впоследствии решили от него отказаться от голосования в пользу созыва Конституционных ассамблей.

¹³⁵ Borja R. El Ecuador y el proceso de constitución / R. Borja. // Nueva Sociedad. – 1978. – №38. – P. 98.

¹³⁶ Escobar I., Ramírez O., Torres I., Villafuerte G., Vilogné G. La transición a la democracia en el Ecuador: una mirada histórico-política a un proceso de revalorización democrática / I. Escobar, O. Ramírez, I. Torres, G. Villafuerte, G. Vilogné // Revista AFESE. – 2010. – № 53. – P. 282.

Консервативная) категорически отвергли эту инициативу «триумvirата» и возглавили кампанию по ее дискредитации. К ним присоединилось большинство из тридцати существовавших на тот момент политических партий. Против референдума были настроены предпринимательские круги Гуаякиля и Кито. Эти политические силы отстаивали другой сценарий перехода, а именно создание временного военно-гражданского правительства. Они предлагали вообще не трогать Конституцию 1945 г. и сразу перейти к намеченным всеобщим выборам. Это было вызвано вполне оправданным опасением, что новая конституция подорвет их политическую гегемонию и выведет на авансцену левоцентристов во главе с Асадом Букарамом, давно питавшим президентские амбиции. Всячески препятствуя политическому обновлению Эквадора, консервативные силы делали ставку на часть военных, заинтересованную в сохранении статус-кво.

Только три партии (Объединение народных сил, христианские демократы и Коммунистическая партия Эквадора) поддержали референдум, увидев в нем подлинно демократическую процедуру. Вместе с этим имела место массовая поддержка инициированных властью реформ. За референдум выступили основные профсоюзы, возглавленные Конфедерацией трудящихся Эквадора, и индейские движения.

Согласно хронограмме Плана юридических реформ, референдум было намечено провести в августе 1977 г., но по причине возникших сложностей, связанных с регистрацией 2,3 миллионов избирателей, его перенесли на 15 января 1978 г. Эта дата оказалась более реалистичной в сложившейся сложной политической обстановке.

Любопытны некоторые особенности данного референдума с точки зрения состава электората: военнослужащие к участию в нем допущены не были. Они лишь следили за порядком на четырех тысячах избирательных участков, открытых для проведения референдума. Правом голоса наделялось только

гражданское население (эквадорцы старше 18 лет). При этом впервые в избирательной процедуре принимали участие неграмотные. Раньше этот слой населения оставался «за бортом» электоральных процедур. В ходе предшествующей регистрации право голоса предоставили 965 тысячам эквадорцев, не умевших читать и писать¹³⁷. Вероятно, первым решением власти старались отвести от себя упреки со стороны противников и создать условия максимальной репрезентативности референдума в отношении именно гражданского общества (а также, возможно, избежать политизации солдат и младших офицеров), вторым – максимально расширить электоральную базу новой Конституции, в которой среди прочих устанавливался допуск неграмотных к выборам. Видимо, голоса неграмотных (а это, разумеется, беднейшее население сельских районов, а также городские слои безработных и других «социально исключенных») и стали решающим фактором победы новой Конституции. Такого в политической истории Эквадора еще не было.

С этого момента фактор электорального поведения неграмотной бедноты стал одним из ключевых моментов избирательных кампаний. Это парадоксальное проявление растущей вовлеченности народа в политическую жизнь имело, в свою очередь, два противоположных последствия: с одной стороны, побуждало власть обращать больше внимания на эти ранее «невидимые» слои населения и инициировать программы ликвидации неграмотности в том числе с целью придания голосованию бедняков большей политической ответственности и содержания; с другой – бедные и неграмотные, с момента придания им значительного электорального веса, превращаются в объект манипулирования со стороны как правого, так и левого популизма (в основном, конечно, первого). Дальнейшая политическая история Эквадора еще не раз преподнесет примеры того, как к власти приходили политики, разыгрывающие карту бедного населения, но на деле чуждые и даже враждебные

¹³⁷ El Tiempo. Bogotá, 17.01.1978.

ему. Третья особенность заключалась в том, что у избирателей было формальное право отвергнуть оба варианта Конституции, сделав на бюллетене две пометки вместо одной. То есть у военных не было намерения навязать какой-либо вариант и конечное решение оставалось за избирателями, что свидетельствует об открытости и сравнительной демократичности референдума.

На суд масс было вынесено два проекта: новый текст Конституции и модифицированный вариант Конституции 1945 г. Опасаясь срыва переходного процесса, власти подстраховались достаточно разумным решением: незадолго до голосования было обнародовано постановление о том, что всеобщие выборы будут проведены в любом случае, даже если будут отвергнуты оба варианта, а в силу вступит тот вариант Основного закона, который наберет наибольшее количество голосов.

Референдум привлек пристальное внимание за рубежом. Оценивая его историческое значение, корреспондент североамериканского агентства Associated Press писал: «Референдум, быть может, пробьет брешь в почти несокрушимой стене южноамериканских военных диктатур»¹³⁸. Столь образное выражение отражает суть произошедших событий. Ведущая газета «Эль Комерсио» квалифицировала референдум как «пробуждение гражданственности» в эквадорском обществе¹³⁹. За ним внимательно следили семь других военных правительств Латинской Америки, не исключавшие возможность аналогичного возврата к гражданской власти. В этом смысле Эквадор выступал «лабораторией» своеобразного эксперимента, результаты которого стали опорой и примером процессов демократизации в соседних странах региона.

Голосование было отмечено историческим рекордом явки избирателей, которая составила 90% зарегистрированного электората. Новая конституция

¹³⁸ Associated Press, 17.01.1978.

¹³⁹ El Comercio, 18.01.1978.

победила со значительным перевесом. Из более полутора миллионов пришедших к урнам 633 тысячи (45%) высказались в ее поддержку, 504 тысячи (32%) – за реформированную Конституцию 1945 г. Воздержался от обоих проектов каждый пятый: так называемые «нулевые голоса» составили 346 тысяч (23%).¹⁴⁰ Согласно Плану юридических реформ государства, новая Конституция должна была войти в силу с момента инаугурации гражданского президента в 1979 г.

Победивший на референдуме вариант Конституции предусматривал ряд кардинальных мер, в совокупности означающих глубокую реформу государства. В связи с этим целесообразно подробнее остановиться на ней как на главном юридическом инструменте демократического транзита и сравнить с предыдущей конституцией, а также с ее реформированным вариантом. Такой подход позволит оценить степень прогрессивности новой конституции и понять, от какого конституционного сценария эквадорцы решили отказаться по итогам референдума.

Что касается государственной структуры, то новая Конституция (как и прежняя) устанавливала классическое разделение властей на исполнительную, законодательную и судебную. Эта часть не подверглась никаким изменениям.

Наибольший «пакет» новшеств касался вопросов, связанных с избранием и полномочиями президента как главы исполнительной власти. Срок президентских полномочий увеличивался до пяти лет (ранее он составлял четыре г.). Помимо этого, вводился запрет на переизбрание, а также на избрание бывших президентов (альтернативный вариант Конституции 1945 г. запрещал избираться два срока подряд, но разрешал выдвигать кандидатуру экс-президента через срок). Последняя мера была направлена на то, чтобы изжить практику каудильизма в эквадорской политике и, в частности, чтобы избежать повторения эффекта «веласкизма» – политического феномена Веласко Ибарры, который избирался на высший государственный пост пять раз. Также вводился императив

¹⁴⁰ Secretaria Nacional de Información del Ecuador. – Quito, 1978.

принадлежности кандидата в президенты к какой-либо политической партии, то есть главой государства мог стать не «случайный человек», но только консолидированная фигура со значительной социально-политической поддержкой.

Новой конституцией сокращался минимальный возраст кандидата в президенты: если раньше гражданин Эквадора мог выдвигать свою кандидатуру по достижении сорока лет, то теперь – уже с 35-летнего возраста. Несколько забегаая вперед, надо отметить следующий важный момент: складывается впечатление, что снижение нижнего возрастного порога было сделано специально «под» будущего президента Х. Рольдоса. Безусловно, трудно представить, что Рольдос был кандидатом власти, к моменту референдума он только восходил на политический «Олимп» Эквадора и не был особо заметным политиком. Снижение возраста стала еще одним случайным фактором в его пользу, но подробнее на этих «случайностях» закономерной победы мы остановимся ниже.

Трансформации подвергся электоральный критерий определения победителя на президентских выборах. Если раньше для того, чтобы победить, было достаточно набрать простое большинство голосов (такой же критерий сохранялся и в отредактированном варианте Конституции 1945 г.), то теперь вводилась электоральная система, согласно которой победивший кандидат должен набрать в ходе голосования 50%+1 голос. В случае, если ни один кандидат не набирал этого количества, назначался второй тур голосования. Такая система вводилась впервые в истории страны. Данный избирательный принцип, обычно действующий в пользу широких предвыборных блоков, в настоящее время широко распространен как в Латинской Америке, так и во всем мире. В Эквадоре такая система выборов действует по сей день. Поэтому можно констатировать, что Конституция 1978 г. стала воплощением политической модернизации Эквадора в целом и его электоральной системы в частности.

Принцип «50%+1 голос» отвечал духу реформ, поскольку делал широкую поддержку со стороны масс необходимым и достаточным условием для того, чтобы быть избранным. Достаточно сказать, что за предыдущие тридцать лет ни один кандидат в президенты не набирал 50%. Новый принцип совершенно менял логику проведения предвыборных кампаний. Избрание того или иного кандидата становилось результатом не случайного стечения обстоятельств и личных качеств претендента, но итогом межпартийной политической консолидации. Теперь для того, чтобы заручиться массовой поддержкой, становилось необходимо создавать блоки и коалиции. Императив «50%+1 голос» стимулировал более интенсивное сотрудничество между партиями, поскольку перед ними стояла необходимость привлечь на свою сторону как можно больше избирателей. Этот эффект проявился уже на выборах 1978 г., когда начали активно создаваться предвыборные партийные блоки (см. ниже). В свою очередь это сделало политическую архитектуру государства в целом более стабильной и интегрированной.

Следующий важный пункт – введение выборов вице-президента. Эта, казалось бы, формальная мера на деле была ориентирована на обеспечение политической стабильности и преемственности. Раньше выдвижение кандидата в президенты было единоличным, и это делало его должность достаточно уязвимой. В случае отставки, или, что чаще происходило в Эквадоре, государственного переворота либо кончины главы государства не оставалось легитимных оснований для апелляции к преемственности. После отставки назначались новые выборы, а в случае переворота не было политической должности с правом отстаивать права свергнутого президента. Теперь ситуация в корне менялась. В случае преждевременного прекращения полномочий президента освободившееся место автоматически занимал вице-президент, шедший в паре с ним на выборах. Такая политическая конструкция была более стабильной и надежной, поскольку обеспечивала преемственность

президентской власти. Уже в первый президентский мандат после введения этой меры Эквадору пришлось испытать ее в самом трагическом варианте, когда погибшего в авиакатастрофе Х. Рольдоса сменил О. Уртадо.

Кроме того, в условиях многопартийности императив парного выдвижения президента и вице-президента, как и электоральный принцип «50%+1 голос», стимулировал создание межпартийных союзов и поиск компромиссов, поскольку должность вице-президента мог занять представитель другой партии. Такая ситуация и сложилась на последовавших за референдумом президентских выборах, на которых победила пара Рольдос-Уртадо с разной партийной принадлежностью. Другой важный аспект механизма биномиальности кандидатур президента и вице-президента заключается в том, что в конкретных условиях Эквадора он мог работать на сглаживание региональных политических противоречий между Костой и Сьеррой. Традиционный конфликт между этими регионами мог быть нивелирован в том случае, если популярный в одном регионе президент дополнялся вице-президентом, популярным в другом регионе. Этот чрезвычайно важный момент работал на политическую консолидацию регионально разобщенной страны.

В плане реформирования законодательной ветви власти новая Конституция устанавливала выборы однопалатного, а не двухпалатного, как раньше, парламента. Это решение также было направлено против политической монополии традиционных партий, опорой которой всегда составляла верхняя палата, хотя впоследствии не раз пытались вернуться к прежней конструкции законодательного органа (первая попытка была предпринята уже Х. Рольдосом, первым президентом после демократического транзита). В целях искоренения практики лоббизма и клиентелизма новая Конституция запрещала избрание в законодательный орган представителей финансовых и промышленных групп, что с негг.анием было встречено предпринимательской элитой экономического центра страны – Гуаякиля и их партийными представителями.

Новая Конституция частично сокращала компетенцию Палаты представителей. Это выражалось во-первых, в том, что, по некоторым наиболее важным законам, носящим стратегический общенациональный характер, в случае, если депутаты отказывались их принимать, могли проводиться плебисциты (в Конституции были заложены элементы прямой демократии, инструментами которой провозглашались референдумы и плебисциты). Во-вторых, президенту предоставлялось право вето на законодательные решения Палаты представителей. Эта мера заключала в себе риск конфликта между исполнительной и законодательной ветвями власти, ставя вторую под больший контроль первой. В этом плане новая Конституция закладывала основы суперпрезидентализма.

Наконец, реальным, хотя и противоречивым, демократическим достижением новой Конституции стало расширение политических прав бедных и неграмотных слоев населения. Им уже стабильно было предоставлено право участвовать в голосовании на общих основаниях (при этом участие в выборах не было для них обязательным). В результате этого шага численность электората возросла почти вдвое, так как к голосованию было допущено полтора миллиона на тот момент неграмотных граждан. Второй – проигравший – вариант Конституции не содержал этой важной поправки. Это стало значительным продвижением вперед в обеспечении универсального характера выборов.

Таким образом, можно констатировать, что в новом Основном законе был сделан акцент на усиление исполнительной президентской власти, дополненный расширением политических прав простого народа. Параллельно был сделан ряд шагов для уменьшения роли среднего звена политической конструкции государства – Палаты представителей и связанных с нею промышленно-финансовых кругов и так называемого среднего класса. В целом же новая Конституция, безусловно, знаменовала собой кардинальное

переформатирование государственной политической структуры и механизмов реализации политической власти.

Оценивая общественную реакцию на новую Конституцию, стоит отметить, что она была воспринята крайне неоднозначно. Консервативные силы увидели в ней попытку ограничения их бывшего влияния. Наоборот, новые и активно развивавшиеся партии и движения восприняли новый Основной закон как потенциальную возможность своего дальнейшего роста. Так, лидер Объединения народных сил А. Букарам, комментируя итоги референдума, заявил, что это «вызов, брошенный олигархии», а Конституцию квалифицировал как прогрессивную¹⁴¹.

Принятие новой Конституции было центральным пунктом законотворческой деятельности периода «триумvirата», но им она не ограничилась. Остановимся на некоторых дополнительных законодательных инициативах. Речь идет о Законе о статусе политических партий, принятом практически сразу после референдума, на волне его успеха. Этот закон был разработан третьей специальной комиссией, которая на момент проведения референдума трансформировалась в «Суд по референдуму» (Tribunal del Referendo), занимавшийся организационными вопросами его проведения. Позже этот орган послужил основой для создания первого в политической истории Эквадора Верховного избирательного суда, призванного следить за электоральными процедурами и обеспечивать их конституционный ход.

Чтобы понять прогрессивный характер Закона о статусе политических партий, нужно бросить общий взгляд на сложившуюся к тому времени ситуацию в партийном секторе эквадорской политики.

К моменту демократического транзита сложилась довольно размытая и дисперсная партийная структура на фоне крайней многочисленности партий. К 1978 г. в стране с населением в семь миллионов человек существовало более

¹⁴¹ El Comercio. - Quito, 27.01.1978.

тридцати политических организаций, насчитывавших в своих рядах пятьсот и более членов. При этом политическая культура, дисциплина и внутренняя организация были очень слабы. Лишь в редких партиях велся учет количественного состава, как правило не велось четкой статистики и фактически ни один лидер не мог ответить на вопрос о точной численности своей партии. При этом следует учитывать корпоративность партийных образований и их оторванность от масс. По оценкам, всего 200-300 тысяч граждан Эквадора официально являлись членами какой-либо партии¹⁴². Таким образом, получалось, что только 3-4% эквадорцев имели партийную принадлежность¹⁴³.

По роду деятельности большинство партий носило преимущественно электоральный характер, то есть их активность резко возрастала в предвыборный период, в промежутках же между выборами партийная деятельность сводилась к законотворческой. При этом ни одна партия вполне предсказуемо, ввиду узости электоральной базы, не могла самостоятельно добиться победы на выборах. Отсюда многочисленные попытки создать предвыборные блоки и коалиции. Это объяснялось как обилием политических организаций, так и политической пассивностью большинства эквадорцев. Народ преимущественно оказывался в стороне от большой политики, среди населения доминировало равнодушие и атмосфера недоверия к партиям. Мощная традиция популизма и корпоративизма обуславливала неверие населения в то, что политические деятели могут решить насущные социально-экономические проблемы.

Большинство партий носило сугубо персоналистский характер, то есть создавалось на основе симпатий и «харизмы» того или иного политического деятеля. В основном члены партии группировались вокруг «сильного» лидера с четкими президентскими амбициями. Во многих партиях, созданных по принципу симпатий к определенному лидеру, сосуществовали лица,

¹⁴² *Sánchez F.* ¿Democracia no lograda o democracia malograda? Un análisis del sistema político del Ecuador: 1979-2002 / F. Sánchez. – Quito, 2008. – P. 29.

¹⁴³ *Ibidem.*

разделяющие подчас противоположные взгляды. По своим идеологическим характеристикам большинство членского состава партий было неоднородно. Такая неоднородность и противоречивость имела место даже внутри руководства. Например, в Демократической партии, считавшейся левой по ориентации, национальный директор Х. Салас стоял на позициях, близких к марксизму, а лидер Р. Борха был убежденным антикоммунистом. Подобная картина была для партий скорее нормой, чем исключением. Такой идеологический дуализм имел целью привлечь голоса как можно большего числа избирателей и носил преимущественно конъюнктурный характер.

Следуя традиции популизма, многие деятели намеренно скрывали свои цели, прибегали к демагогическим лозунгам в зависимости от ситуации и настроений электората, стремясь тем самым аккумулировать максимальный политический капитал, но потом с легкостью расставались со своими предвыборными обещаниями и «убеждениями». Подобная порочная практика на деле приводила к тому, что одни и те же социальные слои были представлены разными политическими партиями. В целом ситуация была крайне запутанной и многослойной, что приводило к непредсказуемости и неопределенности внутренней политики.

Именно на минимизацию сложившейся неопределенности и хаотичности был направлен Закон о статусе политических партий, принятый вслед за референдумом. Он устанавливал более строгие и четкие правила партийной деятельности и в целом был ориентирован на активизацию политической жизни и укрепление партий.

Закон вводил ряд новшеств в действующее законодательство. Во-первых, был установлен возрастной лимит, согласно которому членами партии могли становиться все граждане страны, достигшие 18-летнего возраста. Во-вторых, резко урезались политические права военных и религиозных деятелей: военнослужащие действительной службы, а также служители культа не имели

права вступать в какую-либо партию. В-третьих, начинал функционировать новый контрольный надпартийный орган – Верховный избирательный трибунал (ВИТ). В его компетенцию входили регистрация партий, постоянный учет их состава, оценка их соответствия критериям партийной деятельности, организация выборов и осуществления контроля над ними. В-четвертых, вводились четкие критерии партии. Так, для официальной регистрации партия должна была предоставить на рассмотрение ВИТ акт о ее создании; декларацию идеологических принципов; программу, содержащую основные мероприятия, которую партия должна была исполнять (надзор также проводился ВИТ); партийный устав; эмблему и символику партии; список руководства, а также членский список (ВИТ вменялось в обязанность держать его в полном секрете и не допускать публичного доступа к нему); наконец, данные, свидетельствующие о деятельности партии в национальном масштабе (критерием было наличие у партии филиалов не менее чем в десяти из двадцати провинций Эквадора)¹⁴⁴.

Кроме того, был установлен нижний порог численности партии. Закон устанавливал, что в списке членов, предоставленном на рассмотрение ВИТ для регистрации, должно было быть представлено не менее 0,5% от числа участников последней избирательной кампании. Последней на тот момент кампанией был референдум, и он продемонстрировал рекордную явку в объеме 1,6 млн человек. Исходя из этого, численность партии должна была быть не менее 8 тысяч человек, то есть партии-«лилипуты» сразу же исключались из политической деятельности и оказывались вне закона (ранее по нормам 1970 г. состав официально зарегистрированной партии должен был составлять не менее пяти тысяч). Также устанавливался порог прохождения партии в парламент, одновременно выступавший дополнительным критерием регистрации партии: на выборах партия должна была набрать не менее пяти процентов голосов избирателей. Основанием для лишения партии статуса официальной была слабая

¹⁴⁴ См. подробнее: *Mills N. Op. cit.* – P. 143.

электоральная поддержка (она исключалась из списка, если на парламентских выборах дважды подряд набирала менее пяти процентов голосов).

Помимо этого, устанавливался регламент полномочий высшего партийного состава. По новым правилам руководитель партии мог занимать свой пост не более двух сроков по два г. После этого он должен был оставить свой пост и мог быть переизбран через два г. еще раз на четырехлетний срок¹⁴⁵. Для участия в выборах партия должна была пройти процедуру регистрации не менее, чем за полг. до даты выборов (ранее было достаточно месячного срока).

Новый закон также ставил целью ослабить финансовую зависимость партий от олигархического капитала и связанных с ним промышленно-предпринимательских групп. Фактически устанавливался механизм государственного субсидирования партий. Так, с момента вступления в силу Закона партии могли рассчитывать на государственную помощь в размере 0,3 % от каждых 1000 сукре государственных доходов¹⁴⁶. Исходя из объема тогдашнего бюджета, партиям предоставлялась сумма в размере шести миллионов сукре в год, что считалось существенным финансовым основанием для их экономической и, как следствие, политической независимости от частного бизнеса. Более того, в предвыборный период устанавливались особые нормы государственного финансирования: субсидии увеличивались до 0,5% от той же базы (соответственно, сумма, передаваемая в распоряжение партий, увеличивалась до десяти миллионов сукре). При этом 70% общего субсидирования распределялось поровну между всеми партиями, а оставшая часть распределялась в зависимости от численного параметра партийного состава¹⁴⁷. Данные положения изначально должны были вступить в силу и стать нормой эквадорской политики начиная с 1 января 1979 г., но затем в целях

¹⁴⁵ Ibidem.

¹⁴⁶ Mejía A. Gobernabilidad Democrática: Sistema Electoral, Partidos Políticos y Pugna de poderes en Ecuador (1978-1998) / A. Mejía. – Quito: Konrad Adenauer, 2002. – 69 p.

¹⁴⁷ Ibidem.

обеспечения открытости и демократичности грядущей «исторической» предвыборной кампании было принято решение ввести их в действие досрочно. Практика усиления роли государства в регулировании национальной партийной деятельности впервые вводилась в Эквадоре и обеспечивала транспарентность финансовой деятельности партий, что явилось, по сравнению с прежним положением, реальным достижением демократического транзита, но потенциально содержало в себе и возможность бюрократических злоупотреблений и в целом ограничения самостоятельности гражданского общества.

После вступления Закона в силу началась регистрация партий (в предыдущий раз эта процедура проходила почти десять лет назад – в 1970 г.). Однако, как зачастую случается с прогрессивными в целом документами, были приняты некоторые ограничения, частично умалявшие демократическое содержание нового закона. Он был распространен только на новосозданные партии, а те, которые были зарегистрированы в статусе официальных ранее, могли не проходить перерегистрацию. В результате тринадцать ведущих крупных партий были автоматически перерегистрированы без предъявления новых требований. Несправедливость заключалась еще и в том, что на момент регистрации эти партии, составляющие костяк партийной системы Эквадора, насчитывали не более пяти тысяч членов каждая.

В список «избранных» попали Эквадорская консервативная партия (Partido Conservador Ecuatoriano, PCE), Либерально-радикальная партия (Partido Liberal Radical Ecuatoriano, PLRE), Объединение народных сил (Concentración de Fuerzas Populares, CFP), Национальная федерация веласкистов (Federación Nacional Velasquista (FNV), Национальный веласкистский альянс, Революционная националистическая партия, Националистическая революционная партия (Partido Nacionalista Revolucionario, PNR), Демократическая конституционная коалиция, Радикальный фронт альфаристов

(Frente Radical Alfarista, FRA), Христианско-демократическая партия (Partido Social Cristiano, PSC), Демократическая левая (Izquierda Democrática), Объединенная социалистическая партия (Frente Amplio de Izquierda, FADI) и др. Критики нового Закона о партиях упрекали его инициаторов в том, что в стране имеет место переход не к демократии, но к партократии¹⁴⁸. С нашей точки зрения, в конкретных условиях Эквадора усиление роли государства в регулировании партийной жизни и контроле над нею было необходимым условием прогрессивного по своей сути процесса передачи власти от военных гражданскому правительству.

Таким образом, комплекс предпринятых политико-правовых мер позволил создать новые «правила игры» в большой политике Эквадора. В частности, в результате расширения политических прав граждан значительно выросла их электоральная активность. В десятилетия, последовавшие после принятия вышеуказанных мер, уровень участия в выборах преимущественно варьировался в районе 70%; фильтр «второго тура» позволял выбирать более предсказуемых президентов; идеологическая атмосфера страны стала более умеренной, поскольку Закон о партиях постепенно вытеснил с политической арены радикальные (как правые, так и левые) партии; военные были вытеснены за пределы политического поля и почти два десятилетия у власти находились гражданские президенты. Новые правила игры также способствовали формированию новой политической культуры. Перейти же к их реальному воплощению в жизнь удалось уже в ходе последовавших вслед за реформами всеобщих выборов.

Б) Демократический транзит: всеобщие выборы 1978-1979 гг. и избрание Х. Рольдоса на пост президента.

¹⁴⁸ Tribunal Contencioso Electoral. Evolución del régimen electoral en el Ecuador. - Coordinación de Asesoría e Investigación. P. 6.

Первоначально всеобщие выборы были назначены на январь 1978 г., но из-за сложности политического процесса к этому сроку удалось провести только референдум. После него Эквадор вышел на «финишную прямую» к центральному и одновременно финальному пункту Плана юридических реформ – президентским и парламентским выборам.

Практически сразу после подведения итогов референдума стартовала предвыборная гонка, курс большой политики был взят на всеобщие выборы. Начался процесс создания различных блоков и фронтов в поисках совместных кандидатов в президенты, поскольку ни одна партия не могла в одиночку достичь президентского «Олимпа». Исключение составляли лишь партии-аутсайдеры, у которых президентские амбиции были минимальны. В стороне от процесса блокообразования из всего партийного спектра остались только две партии: Демократическая левая и Народно-демократический союз.

Основная предвыборная борьба разворачивалась между тремя коалициями: 1) правым по политической ориентации Национальным конституционным фронтом (блок, пользовавшийся поддержкой военных); 2) Национальным демократическим союзом (коалиция центристов во главе с Либерально-радикальной партией); 3) левоцентристской коалицией, состоявшей из двух партий – Объединения народных сил (ОНС) и Христианско-демократической партии (ХДП). Первый блок объединил более десяти партий во главе с Консервативной. Их кандидатом в президенты стал пятидесятилетний мэр столицы, архитектор по образованию Сиксто Дуран Бальен. Он придерживался правоцентристской платформы и избрал предвыборным слоганом «Прогресс без социальных экспериментов».

Второй блок выдвинул кандидатом Кlemente Уэрту. От блока ОНС-ХДП первоначально был выдвинут Асаад Букарам, но потом его сменил Х.Рольдос, и основное соперничество разворачивалось главным образом между ним и кандидатом Национального демократического союза.

Выдвижение Х. Рольдоса и его последующая победа, с одной стороны, были вполне закономерным и логичным явлением, а с другой, явились результатом стечения многих случайных обстоятельств и «традиционных» факторов эквадорской политики (в частности, феномена семейственности), как зачастую бывает в «большой политике». Одним из случайных факторов стали моменты, связанные с процедурой выдвижения кандидата ОНС на президентский пост.

Закономерным выдвижение кандидатуры Рольдоса было ввиду того, что он, юрист по образованию, длительное время был основным теоретиком ОНС и пользовался большим авторитетом во внутрипартийных кругах. Его многие ценили как мастера маневра в сложных политических ситуациях, он считался гибким и дальновидным политиком. Большинство в партии его поддерживало, однако главным препятствием оказывался большой политический вес партийного лидера Ассада Букарама. Он представлял собой крупного и искушенного политика популистского толка. Немало славы принес ему богатый опыт политической борьбы (он семнадцать раз за политическую карьеру сидел в тюрьме, пять раз был в эмиграции, всю свою политическую жизнь руководил ОНС и пользовался там практически абсолютной властью). Ассад Букарам был неоспоримым лидером набиравшего политическую силу ОНС, «первым лицом» ведущего экономического центра – Гуаякиля. Свои президентские амбиции и планы баллотироваться от ОНС он неоднократно озвучивал публично. Однако в итоге был вынужден отказаться от них вследствие неожиданного решения военного правительства, ставшего для него непреодолимым ввиду его средиземноморского происхождения. Дело в том, что в феврале 1978 г. военными властями был принят очень спорный Декрет о выборах. Согласно ему президент, одновременно занимающий пост главнокомандующего вооруженными силами страны, должен быть «эквадорским гражданином, родившимся в стране, сыном

родителей эквадорского происхождения»¹⁴⁹. Фактически декрет оказался калькой с военного кодекса, действовавшего в стране. По нему глава вооруженных сил должен был родиться в Эквадоре, а поскольку президент страны одновременно являлся и главнокомандующим, то эта норма декретом была автоматически перенесена и на него. Под новые правила попадали и бывшие президенты – Хосе Веласко Ибарра и Карлос Хулио Аросемена, и главным образом Декрет был направлен на то, чтобы не допустить их к власти. Министр внутренних дел Боливар Харрин следующим образом аргументировал данный декрет: «Правительство стремится покончить с каудильизмом и укрепить эквадорский национальный дух»¹⁵⁰. Под санкцию Декрета попал и Ассад Букарам, чьи родители были ливанцами. В результате лидер одного из самых крупных политических движений выпал из предвыборной гонки. Он расценил этот шаг так, будто военные специально вывели его из «игры», сделав ставку на кандидата правоцентристов С. Дурана.

Однако Букарам не оставил планов хотя бы косвенного правления. Он усмотрел возможность достичь высшего политического положения через доверенное лицо. Тут «вступил в силу» фактор семейственности как атрибут эквадорского политикума тех времен. Рольдос был женат на племяннице Букарама, и последний видел в нем близкого по духу человека. Безусловно, Рольдос имел влияние внутри партии, однако на большой политической арене себя не проявлял. Фактически Рольдос принимал участие в первом туре как «дублер» Букарама. На улицах Кито тех лет можно было встретить много агитационных надписей их тандема. Так, одним из самых популярных рекламных уличных слоганов ОНС был «Рольдос – на президентском посту, Букарам – у власти».

¹⁴⁹ AFP. – Paris, 21.02.1978.

¹⁵⁰ El Comercio. – Quito, 25.02.1978.

Рольдос пришел в большую политику с небольшим политическим капиталом, за его спиной был незначительный опыт в этой сфере и массам он не был широко известен, хотя и пользовался уважением в партии. Самый крупный государственный пост, который он занимал, – директор отдела в Министерстве образования. Рольдос – 37-летний адвокат и университетский профессор, выходец из Гуаякиля, – начал политическую карьеру, возглавив Студенческую федерацию своего родного Гуаякильского университета, а затем и общенациональную Федерацию университетских студентов. Дважды (в 1967 и в 1970 гг.) он был избран депутатом в Палату представителей. Он не был скандальным политиком, ему были присущи спокойный тон и умеренность. Именно спокойные и взвешенные выступления позволили ему в короткий срок завоевать симпатии электората. Если большинство политиков того времени стремилось «засветиться» в крупных скандалах и погромче заявить о себе, то Рольдос избрал другой путь. В ходе предвыборной кампании он не раз подчеркивал, что придерживается антиолигархических и антидиктаторских позиций. Главной доминантой его предвыборного дискурса были прагматизм и реализм: «Мы не обещаем, что в стране произойдет чудо, но мы собираемся работать»¹⁵¹. Себя Рольдос характеризовал как «глубоко верующего христианина» и политика левоцентристских взглядов¹⁵². В контексте предыдущих прогрессивных латиноамериканских правительств он ориентировался на нечто среднее между политикой Веласко Альварадо в Перу и Сальвадора Альенде в Чили¹⁵³.

В ходе избирательной кампании Рольдос был довольно активен как внутри страны, так и за рубежом. Он объехал практически все провинции Эквадора с обещанием создать правительство в интересах большинства народа. Активно работал и на внешнеполитической арене: так, в повестку его кампании

¹⁵¹ El Telegrafo. – Quito, 25.04.1978.

¹⁵² Ibidem.

¹⁵³ Financial Times. – London, 2.06.1980.

входило зарубежное турне по семи странам Западного полушария, включая США. В Вашингтоне он декларировал поддержку демократических принципов и выступал за защиту прав человека, чем снискал немало симпатий в североамериканском истеблишменте.

Надо отметить, что у Рольдоса было немало критиков. Его упрекали в пустословии, в путаных идеологических взглядах, демагогических целях. Основной соперник С. Дуран даже обвинял его в том, что тот коммунист и его избрание приведет страну к мятежам и анархии. Эти высказывания могли создать неблагоприятный имидж, особенно учитывая антикоммунистическую истерию, охватившую мир в канун предвыборной кампании в США 1980 г. Стремясь умерить критику подобного рода, Рольдос выбрал в качестве вице-президента О. Уртадо, лидера ХДП, представлявшей сравнительно умеренные и просвещенные слои среднего класса Эквадора, но имевшей связи с демохристианами других стран, в то время довольно авторитетными в правых кругах Западной Европы, США и Латинской Америки. Уртадо без колебаний принял предложение, и его участие в предвыборном тандеме придало словам и действиям Рольдоса больше конкретики и определенности.

Ключевыми моментами предвыборной кампании, проводимой под лозунгом реформ (основным слоганом выбрали фразу «Сила перемен»), были следующие декларации. Во-первых, Рольдос выступал против господства традиционной экономической олигархии; во-вторых, он обещал установить и сохранять подлинно демократический режим в государстве, выступая за всеобщую и плюралистичную демократию; в-третьих, предлагал реформы с целью более справедливого перераспределения доходов от нефти в сочетании с уважением к частной собственности и в интересах развития экономики; в-четвертых, неоднократно заявлял, что руководствуется принципами социальной справедливости и выступает за глубокие социальные перемены. Впервые в истории Эквадора кандидат на высший государственный пост позиционировал

себя в качестве «президента бедняков». Такой предвыборный дискурс был крайне нетипичен для Эквадора, но ожидаем со стороны масс. «Президент Рольдос сумел уловить настроения широких слоев общества. Он заявлял о намерении создать систему «интегральной и плюралистичной демократии», которая развивалась бы в рамках взаимодействия исполнительной и законодательной власти, вооруженных сил и института партий. «Плюрализм» и «диалог» – вот принципиальная основа решения государственных проблем, поскольку экономическое развитие и социальная справедливость зависят прежде всего от развития демократии. Руководствуясь лозунгом «Сила перемен», Х. Рольдос подчеркивал, что следует обеспечить социальную базу для «продвижения по пути перемен», чему должна способствовать система «демократии участия» с «критической социальной оценкой» со стороны граждан страны»¹⁵⁴. Апелляция к мнению народа, ориентация на обеспечение и защиту внутривластной стабильности, приоритет общенационального диалога и консенсуса – все это сыграло решающую роль в исходе как первого, так и второго тура исторических для страны выборов.

16 июля 1978 г. состоялся первый тур президентских выборов, а также выборы в законодательные органы всех уровней – Палату представителей и муниципальные собрания. На президентских выборах ни один из шести кандидатов, представлявших все политические силы страны, не набрал требуемого по новой Конституции большинства (см. Приложение, табл. №2). В Парламенте ОНС получил 24 из 57 депутатских мест – широкое представительство, но не абсолютное большинство. За ней шла партия Демократическая левая (14 мест), затем Консервативная партия (9 мест), остальные места были распределены между небольшими левыми и популистскими партиями. Таким образом, расстановка сил в парламенте

¹⁵⁴ Эквадор: тенденции экономического и социально-политического развития / Отв. ред. Ю.А.Зубрицкий. – М.: Наука, 1989. – С. 91.

обозначила тенденцию сдвига в сторону реформистского левого центра, а реакционные и радикальные правые партии потеряли представительство. Это создало мощные основания для дальнейшего роста популярности Рольдоса. Председателем парламента стал Ассад Букарам, и в результате Рольдос получил дополнительную трибуну для трансляции своих взглядов. Это стало немаловажным фактором роста его популярности в ходе предвыборной кампании в преддверии второго тура.

После первой избирательной процедуры Эквадор вступил в самую затяжную и напряженную в своей истории предвыборную кампанию. Временной промежуток между первым и вторым туром в итоге составил десять месяцев, на протяжении которых страна находилась в атмосфере неопределенности, даже ходили слухи о возможном государственном перевороте. Не последнюю роль в затяжке сыграл мощный международный фактор – «перетягивание каната» в США между администрацией президента Дж. Картера и правореспубликанской оппозицией во главе с Р. Рейганом, широко использовавшей против президента латиноамериканскую проблематику (Панама, Никарагуа и т.д.).

Сроки проведения второго тура эквадорских выборов не были объявлены сразу, а потом не раз откладывались, в связи с чем возникали сомнения в том, что военные доведут начатый демократический транзит до логического конца. Не обошлось и без политических убийств, накаливших и без того напряженную обстановку до предела. Так, в ноябре 1978 г. был смертельно ранен один из шести кандидатов – Абдон Кальдерон Муньос, представлявший левое крыло либералов. Преступление так и не было расследовано до конца, а уличенный в причастности к убийству генерал Б. Харрин так и не предстал перед судом. Вероятно, именно это трагическое событие подтолкнуло власти принять окончательное решение относительно даты второго тура. Продержав общество в неопределенности на протяжении пяти месяцев, власти неожиданно объявили 23 ноября, что второй тур президентских выборов пройдет 29 апреля 1979 г.

Вероятно, победа левоцентристской коалиции в первом туре, да еще на фоне гражданской войны в Никарагуа и жесткой конфронтации в Боливии, изрядно встревожила военных. В военных кругах к Рольдосу относились крайне неоднозначно. Одни считали его смутьяном, способным ввергнуть страну в хаос, другие симпатизировали ему как представителю партии, самым активным образом сотрудничавшей в реализации Плана юридических реформ государства. В работе второй комиссии по реформированию Конституции 1945 г. Х. Рольдос принимал участие лично, что, казалось бы, служило залогом его лояльности властям. Опубликованная ОСН программа согласовывалась с новой Конституцией и всячески декларировала ее одобрение и поддержку. До первого тура казалось, что официальным кандидатом власти был С. Дуран, поскольку военные всячески помогали ему в проведении кампании, имела место и общность политических взглядов. Кроме того, военные были уверены, что в случае его избрания не будут возбуждены судебные разбирательства по многочисленным случаям коррупции среди высших офицеров. Вместе с тем военные понимали, что приход к власти кандидата правой коалиции означал бы дальнейшее проникновение в экономику страны (и прежде всего в нефтедобывающую промышленность) иностранного капитала, в первую очередь североамериканского происхождения. Нельзя было исключать и пересмотра принятой недавно Конституции в той ее части, где говорилось о необходимости расширения государственного сектора экономики и проведения политических и социально-экономических реформ. С. Дуран пользовался поддержкой со стороны влиятельных представителей деловых кругов Кито и Гуаякиля – промышленников, банкиров и крупных латифундистов, то есть тех олигархических слоев, интересы которых редко совпадали с интересами военных.

Электоральная база ОНС было довольно широкой. В нее входили государственные служащие, мелкие и средние торговцы тихоокеанского

побережья, часть работников промышленности и нефтяной отрасли. Эти слои могли получить в случае победы кандидата ОНС немало экономических бонусов, учитывая прогосударственный пафос предвыборной кампании (акцент на усилении госсобственности и в целом на укреплении роли государства в экономике).

Рольдос всячески пытался завоевать и симпатии военных. В ответ на многочисленные заявления правой прессы, где ему предсказывалось поражение, он не без иронии отвечал: «Это выборы, контролируемые военными, политический процесс, управляемый диктатурой, Высший избирательный трибунал, назначенный диктатурой, провинциальные суды, назначенные Высшим избирательным трибуналом диктатуры. То есть вы хотите сказать, что это – абсолютный контроль диктатуры над процессом поражения?»¹⁵⁵

Были даже предприняты опасные попытки аннулировать результаты первого тура. Так, в августе 1978 г. Центральная избирательная комиссия объявила недействительными результаты выборов в нескольких департаментах, а в сентябре председатель комиссии Рафаэль Арисага Вега ушел в отставку, так и не объявив официальные итоговые результаты первого тура. Политическая неопределенность продолжала нарастать. Все это было направлено на то, чтобы остановить растущую популярность ОСН и его кандидата. Обстановка накалилась до того, что радикальные левые партии прибегли к угрозе взяться за оружие. Решающим фактором стало внешнеполитическое воздействие со стороны США: Вашингтон дал понять, что если процесс выборов будет заторможен или прерван, то на экономическую помощь в дальнейшем можно не рассчитывать. После этого заявления процесс сдвинулся с «мертвой точки».

При подготовке к выборам военные решились потратить значительную сумму из казны с целью обеспечить процедуру голосования на максимально

¹⁵⁵ Ayala Mora E. Nueva Historia del Ecuador. /E. Mora Acosta. – Quito.: Corporación Editora Nacional, 1997. – P. 87.

высоком уровне. Так, еще в 1977 г. правительство закупило ЭВМ на сумму 2,5 млн долларов для выдачи новых удостоверений личности потенциальным избирателям. Аргументом в пользу столь масштабных трат было намерение обеспечить максимально честные и открытые выборы. Тем самым планировалось увеличить электорат и привлечь к выборам максимальное количество граждан. Кроме того, электронная регистрация должна была исключить повторное голосование и подтасовку результатов. С критикой этого новшества выступили представители правых партий, традиционно делавших ставку на фальсификацию результатов голосования и пользовавшихся недобросовестными методами ведения избирательных кампаний.

Удостоверения по итогам электронной регистрации получили более двух миллионов эквадорцев. Кроме того, компьютеры использовались для обработки списков избирателей в ходе выборов: электоральные списки были разделены на «зоны» по пятьсот человек, и в ходе голосования каждая «зона» обслуживалась тремя случайно выбранными наблюдателями. В Латинской Америке это был первый опыт использования новых компьютерных технологий при подготовке и в процессе голосования. В данном аспекте Эквадор выступил в роли первопроходца для остальных стран региона, с интересом наблюдавших за ходом голосования.

В намеченный срок и в относительно спокойной обстановке 29 апреля 1979 г. состоялся второй тур выборов. На нем вполне прогнозируемо победил Х. Рольдос Агилера. Он получил свыше миллиона голосов (68,5%), более чем вдвое опередив С. Дурана Бальена (см. Приложение, табл. №2). За всю предшествующую историю это был беспрецедентный уровень поддержки кандидата в президенты, причем не только в Косте, традиционной базе левого либерализма и популизма, но и в Сьерре, считавшейся оплотом правоцентристов. Фактически Рольдос впервые в истории Эквадора стал президентом общенационального консенсуса, результатом и символом единения страны,

президентом всего Эквадора не формально, но реально. До сих пор в общественной памяти эквадорцев Рольдос воспринимается как самый близкий народу глава государства.

С. Дуран Бальен встретил поражение достойно. Он обещал не возглавлять оппозицию против избранного президента и заявил об уходе из большой политики (как оказалось, поспешно)¹⁵⁶. Военные отреагировали на избрание Рольдоса сдержанно, поскольку были готовы к такому повороту событий. Они подтвердили, что передача власти произойдет в национальный праздник 10 августа.

Рассмотрим основные причины победы Рольдоса. Во-первых, было вполне ожидаемо, что голоса либералов и мелких левых партий, объединенных в коалицию Левый широкий фронт¹⁵⁷, перейдут не к кандидату правых консерваторов, а именно к Рольдосу; так в итоге и произошло. Во-вторых, в ходе предвыборной кампании ему удалось закрепить за собой и за своей партией имидж молодой коалиции, стремящейся к обновлению страны. Тем самым были мобилизованы голоса избирателей депрессивных и слаборазвитых провинций, ждавших изменений в лучшую сторону. Наконец, в-третьих, победа Рольдоса стала непосредственным результатом проведенной военными реформы государства. Так, если раньше выборы носили сугубо элитарный характер, существовал негласный ценз грамотности, то теперь впервые к голосованию были допущены самые широкие слои населения, в том числе и неграмотные. Умело проведя предвыборную кампанию под лозунгом перемен и прогрессивного обновления, Рольдос и его команда сумели завоевать голоса именно этих, ранее исключенных из политической жизни, слоев населения. Отсюда и массовое участие в выборах, и победа народного кандидата.

¹⁵⁶ Дуран Бальен С. Наша цель – новый Эквадор // Латинская Америка. – 1995. – №7. – С. 13.

¹⁵⁷ В него вошли Коммунистическая партия Эквадора, Революционно-социалистическая партия, Единое движение эквадорских левых сил, Движение за вторую независимость, Народный комитет и революционное движение левых христиан.

Приведем знаковое высказывание Рольдоса, в котором обозначен вектор его внутриполитических устремлений: «Укрепление реальной демократии подразумевает наличие сильных политических партий. Народные организации должны выражать свою точку зрения самостоятельно и покончить с посредниками, чуждыми их интересам»¹⁵⁸. Таким образом, Рольдос стремился привнести в политическую жизнь страны новую парадигму, основанную на широком представительстве масс в политических партиях и достижении консенсуса между ними. В условиях корпоративной партийной традиции, да еще при негативной эволюции международной обстановки, такие цели были во многом утопическими, но обновленческая риторика нашла отклик у большинства эквадорцев, которым дали понять, что власть может и должна к ним прислушиваться.

38-летний Рольдос стал самым молодым президентом не только в Эквадоре, но и в целом в латиноамериканском регионе. Одновременно он возглавил первое гражданское правительство после долгих лет военного правления. Однако впереди ждали большие трудности и препятствия, преодолеть которые Рольдосу, к сожалению, так и не удалось.

В) «Первые шаги» демократического транзита: Х. Рольдос у власти.

С приходом к власти Х. Рольдоса Эквадор, как казалось тогда многим обозревателям как внутри страны, так и за рубежом, обрел новые перспективы в политическом и экономическом плане. При оценке нового президента и его команды нередко можно было встретить в прессе такие характеристики, как «поворотный пункт в истории страны», «начало обновления Эквадора» и др. Слишком долго на политической арене доминировала атмосфера крайнего популизма, а основным инструментом манипулирования настроениями масс была демагогическая риторика «красивых, но пустых обещаний». Достаточно вспомнить феномен «веласкизма», бывший «красной нитью»

¹⁵⁸ Nación. – Buenos Aires, 16.07.1979.

внутриполитического процесса на протяжении сорока лет (с начала 30-х до начала 70-х гг.) и знаменитую фразу самого президента Хосе Веласко Ибарры: «Дайте мне балкон, и я буду править Эквадором». Появление на политической авансцене правительства Х. Рольдоса выступило в роли «демократического» тормоза этой набравшей «высокие темпы» в истории страны политической тенденции.

Новый курс проявился еще до инаугурации, когда Рольдос сделал два важнейших внешнеполитических шага, обозначив тем самым вектор своей международной ориентации. Во-первых, были восстановлены дипломатические отношения с Кубой, во-вторых, сделаны заявления о солидарности с патриотами Никарагуа. Для того времени это были очень смелые шаги. В ходе предвыборной кампании Рольдоса основными цветами его символики были желтый, красный и черный, что также указывало на косвенную связь с сандинистами и не могло не вызывать раздражения у сторонников правых взглядов.

10 августа 1979 г. в г.щину независимости состоялась инаугурация нового (тридцатого с момента основания Республики) президента, что ознаменовало новый этап в социально-политическом развитии страны.

Первое, что сделал Рольдос с целью разрядки внутриполитической напряженности, – это четко обозначил свою позицию в отношении военных. Получив назначение на пост Конституционного Президента Республики, в своем выступлении Хайме Рольдос Агилера определил условия, на которых его правительство будет строить отношения с ними: «Вооруженные силы являются частью нации и государственного устройства. Они призваны защищать национальный суверенитет и поддерживать демократию и законность. Государственные отношения с национальными вооруженными силами должны основываться на строгом соблюдении закона. Понимая, что сегодня, как никогда, вооруженные силы являются частью национальной жизни, возвращая им их специфические функции, хочу выразить мою признательность за проявленную

ими лояльность к договоренности о возвращении к правовому режиму, который сделал честь данному слову»¹⁵⁹. Таким образом, президент стоял на позициях компромисса, понимая, что именно благодаря политическим реформам, инициированным военными, он и стал президентом Эквадора.

В основу государственного управления Рольдос и его сторонники положили четкий и продуманный инструмент исполнительной власти – «Национальный план развития», рассчитанный на пятилетний конституционный срок полномочий. Текст плана был разработан группой специалистов во главе с вице-президентом Освальдо Уртадо. Разработка четкой схемы правления была анонсирована Рольдосом еще в предвыборной кампании и стала благоприятным имиджевым фактором для избирателей, однако ввести план в действие удалось только в марте 1980 г., спустя семь месяцев после прихода к власти.

Предшественники Рольдоса оставили ему в наследство ряд нерешенных проблем, главная из которых – неравномерное распределение национального богатства. Так, более 50% населения получало примерно 19% национального дохода, а меньшинство, составлявшее не более пяти процентов, – свыше 24%¹⁶⁰. В то же время в обществе имел место запрос на политическую стабильность, страна устала жить в атмосфере неопределенности. Четкие временные границы Плана и его заявленный стратегический характер, казалось бы, были залогом политической стабилизации. Достаточно вспомнить, что к моменту выборов 1979 г. последним президентом, которому удалось полностью завершить свой президентский мандат, был Камило Понсе (1956-1960 гг.). Двадцатилетнее ожидание стабильности было, пожалуй, лейтмотивом предвыборной гонки, самих выборов и общественных ожиданий, связанных с новым президентом. Институционально эти ожидания и были воплощены в форме Плана развития.

¹⁵⁹ Molina Flores A. Democracia y Militares. Crisis y arbitraje / A. Molina Flores. – Quito: El Canejo, 2005. – P. 27.

¹⁶⁰ El Pueblo, 8-14.05.1981.

Другой очень важный момент: принятию Плана предшествовала широкая общественная дискуссия. Первоначальный вариант дважды обсуждался в Совете министров, а затем стал предметом широкого общенационального обсуждения, в ходе которого на протяжении 45 дней изложили свое мнение представители политических, экономических, предпринимательских и профсоюзных кругов. Тем самым президент стремился показать, что не склонен навязывать сверху какие-то рецепты, но готов прислушиваться к мнению общественности и принимать согласованные решение на основе широкого консенсуса. Уже в преамбуле Плана был заявлен его демократический характер: «Поскольку план не является продуктом диктаторского режима, он не может быть навязан силой или авторитарным образом»¹⁶¹.

План, основанный на стратегии максимального использования природных ресурсов и повышения уровня жизни широких слоев населения, стал базовым инструментом государственного управления. Тем самым новый президент стремился показать, что внутренняя политика стабильна и находится под демократическим контролем. Рольдос стремился положить конец практике стихийного и спонтанного принятия политических решений, когда те или иные меры являлись проявлением экономической конъюнктуры, а не «вытекали» из логики общей стратегии государственного развития. Надо сказать, что стратегический план Рольдоса стал симптомом вызревания новой политической культуры и традиции (впоследствии «План развития» как политический инструмент стал неотъемлемым атрибутом деятельности исполнительной ветви власти: даже самые популистские и легковесные президенты отдавали дань этой новой норме и принимали свои стратегические документы, иногда имевшие только видимость таковых).

«Национальный план развития» Рольдоса был выдвинут в переломный момент политической трансформации Эквадора, и на нем целесообразно

¹⁶¹ Granma. – La Habana, 16.01.1978.

остановиться подробнее. В качестве стратегической цели было поставлено осуществление прагматических реформ, предполагавших реализацию сорока основных проектов в таких сферах, как промышленность (особенно нефтедобывающая), сельское хозяйство, социальная сфера, укрепление демократии, достижение сбалансированного развития и установление социальной справедливости. План содержал и стратегию наиболее оптимального использования природных ресурсов Эквадора (причем не только нефти). Конечным результатом проведения системных реформ провозглашалось повышение уровня жизни широких слоев населения. Примечательно, что ранее негласной нормой отношений власти с народом было рассмотрение ею неимущих масс как обременительного для экономики фактора. Акцент на благосостоянии именно широких слоев также демонстрировал демократический характер данного стратегического документа. В частности, в Плане был поставлен вопрос о целесообразном освоении нефтяных ресурсов и подчинении нефтяной ренты социальным приоритетам. Планировалось, что доходы от продажи нефти станут основным источником финансирования программ развития. Выступая на митинге в центре Кито, Рольдос заявил: «Политическая, административная, аграрная, просветительная и налоговая реформы – вот пять реформ, которые в условиях демократии и свободы должно провести правительство в течение пяти лет своего пребывания у власти»¹⁶². Таким образом, Рольдос планировал масштабную и системную реорганизацию всех ключевых аспектов социально-экономической жизни Эквадора.

В Плане были даны прогнозы доходности продажи нефти и спланировано распределение средств на социальные нужды. Больше всего средств направлялось на развитие инфраструктуры (в частности, сооружение дорог), что по замыслу правительства позволило бы стимулировать экономическое развитие отсталых сельских районов. Намерение экономически

¹⁶² El Comercio. – Quito, 11.04.1980.

объединить и интегрировать слабо развитые районы Сьерры с крупными промышленными центрами Косты проходило в документе «красной нитью». В связи с этим транспортная оптимизация и инфраструктурная модернизация рассматривались в Плане как приоритетные задачи национального развития. По замыслу авторов документа, это дало бы возможность сократить расходы по доставке сельскохозяйственной продукции в города и на экспортные рынки. В экономике стратегической целью Плана был устойчивый рост со среднегодовыми темпами в 6,5%, а также повышение доходов на душу населения к 1984 г. с 1,1 тысячи долларов в год до 1,3 тысяч¹⁶³. Предусматривалось создание 450 тысяч новых рабочих мест и повышение уровня производства в среднем на 2,6% в год¹⁶⁴. К концу пятилетия предполагалось увеличить долю фондов заработной платы в ВВП с 37% до 40%. Планировалось провести индустриализацию страны и модернизацию нефтяного сектора промышленности. Так, в планы правительства входило строительство нефтехимического комплекса стоимостью 663 млн долл., нефтеочистительного завода (445 млн), способного перерабатывать в сутки 75 тысяч баррелей нефти, а также завода по производству удобрений (329 млн)¹⁶⁵. Большинству из этих планов так и не удалось сбыться.

Рольдос, в начале президентской гонки выступавший в статусе официального преемника Букарама, впоследствии проявил самостоятельность и отмежевался от своего «покровителя», стремясь претворить в жизнь собственные планы. Практически сразу после второго тура он отказался следовать инструкциям Букарама. Это имело как положительный, так и отрицательный эффекты. С одной стороны, Рольдос сломал традиционалистскую логику внутриэлитного политического взаимодействия, отказался от принципа

¹⁶³ Pachano S. La trama de Penélope: Procesos políticos e instituciones en Ecuador / S.Pachano. – Quito: FLACSO, 2007. – P. 38.

¹⁶⁴ Ibidem.

¹⁶⁵ Acosta A. Breve historia económica del Ecuador. Corporación Editora Nacional / A.Acosta. – Quito, 2006. – P. 73.

«семейственности». Это в глазах его избирателей создало благоприятный имидж «нового политика», который выстраивает собственную стратегию без оглядки на «хозяев» и стремится к полной политической независимости. С другой стороны, разрыв с Букарамом стал, пожалуй, главным, а во многом и роковым, фактором всей ситуации конфликта исполнительной и законодательной ветвей власти в период правления Рольдоса. Вступив на путь независимости, Рольдос тем самым обрек себя на конфликт с парламентом, что в свою очередь стало препятствием на пути реализации его планов, многие из которых ввиду данного конфликта так и остались только пунктами его программы. Как отмечает эквадорский политолог Арагонес, «переход ОНС в оппозицию произошел потому, что Букарам рассчитывал быть у власти и распоряжаться Рольдосом как своей интронизированной пешкой. Эта идея была отвергнута Президентом, что породило борьбу за лидерство в партии и в стране. Как следствие, подавляющее большинство, завоеванное ОНС, превратило его в главную оппозиционную Президенту силу, в результате чего в первые годы возврата к демократии деятельность и исполнительной и законодательной властей оказалась чрезвычайно неэффективной»¹⁶⁶. Формальным основанием разрыва между ОНС и Рольдосом стало то, что после выборов его освободили от необходимости подчиняться партийной дисциплине и вывели из состава политического руководства, сохранив лишь простое членство в партии¹⁶⁷.

Институциональный конфликт правительства с Конгрессом, фактически контролировавшемся Букарамом, носил сильный отпечаток личного противостояния президента и спикера, их взаимного неприятия. Логика конфликта выражалась в форме взаимного отрицания: почти все президентские действия Рольдоса блокировались Конгрессом, а инициативы последнего в свою очередь наталкивались на президентское вето. Иногда вето накладывалось и на

¹⁶⁶ Aragonés N. El juego del poder. De Rodríguez Lara a Febres Cordero. – Quito: CEN, 1985. - P. 101-103.

¹⁶⁷ Истомин А.А. Особенности политической борьбы в Эквадоре в 1976-1984 гг. Автореф. дис., канд. истор. наук., М. : ИЛА АН СССР, 1988. – С. 18.

позитивные в целом предложения. Например, президентом был отклонен закон о выделении двух процентов государственных доходов на нужды муниципалитетов провинциальных центров. От законодателей нередко исходили законы, входившие в противоречия с конституционным порядком. Например, в сентябре 1979 г. ОСН одобрил закон о реорганизации центральных и местных органов власти без проведения выборов. Депутаты хотели ввести норму, согласно которой легально избранный госслужащий должен был покинуть свой пост, если он исключается или добровольно выходит из рядов выдвинувшей его партии. Рольдос наложил вето, поскольку счел его посягающим на права человека и неконституционным. И это было вполне оправданно, поскольку главной мишенью этого закона был сам Рольдос. Логичным следствием закона, если бы он вошел в силу, была потеря им поста президента: Рольдос исключался из ОСН и автоматически должен был бы покинуть свой пост. Личная мотивация и неприязнь между двумя политиками действительно имели место, но оценивали они это по-разному. Так, Рольдос полагал, что конфликт стал результатом различий их политических стилей и культур, разных подходов к поведению в большой политике. В ответ Букарам в публичных выступлениях постоянно обвинял Рольдоса в изменничестве и предательстве. Рольдос же вел себя более корректно и сдержанно: он никогда не нападал на Букарама лично, не пытался его публично оскорбить или унижить, а предъявлял претензии парламенту в целом.

Несмотря на все усилия, Рольдос так и не смог получить свободу действий для осуществления намеченных планов. Парламент, возглавленный ОНС, пытался всячески минимизировать влияние президента; в частности, был разработан законопроект, ограничивающий его полномочия в области государственного планирования. Дело дошло до того, что Букарам резко осудил Национальный план развития, называя его неконституционным. Он предлагал аннулировать План и взамен создать Национальный совет развития, призванный

выработать национальную экономическую стратегию (согласно законопроекту, в него в подавляющем большинстве должны были войти, безусловно, представители ОНС).

На стороне парламента оказались и судебные органы. Большая часть рабочего времени парламентариев была посвящена сбору показаний и ведению «политических судов» над двенадцатью министрами правительства Рольдоса. Под особо пристальное внимание попал министр внутренних дел Карлос Феро, которому были вменены нарушения прав человека. Министр общественных работ Франциско Саа был обвинен в причастности к растрате крупной суммы денег. Тем самым парламентарии, используя трибуну законодательного органа, стремились дискредитировать правительство в глазах народа. Кроме того, как и опасались военные, долгое время рассматривалось требование парламентской комиссии по расследованиям заключить под стражу бывшего главу военного триумvirата адмирала А. Бурбано. Рольдос понимал, что в этом случае может быть потеряна поддержка военных, поддерживающая хрупкое равновесие, и прилагал все усилия, чтобы не допустить этого.

Рольдос не раз призывал представителей оппозиционных ветвей власти к консолидации для того, чтобы «действовать сообразно идеалам патриотизма и демократии; нельзя, чтобы честолюбивые устремления, жажда власти и антипатриотические акции уничтожили демократию»¹⁶⁸. Но позиция парламента была жесткой и непреклонной. Между Букарамом и Рольдосом велась постоянная «вербальная война». Так, Рольдос не раз называл блок большинства в палате «антиисторическим, антинародным, антидемократическим и стремящимся подчинить себе правительство»¹⁶⁹. Впрочем, дело дошло и до «горячих» форм противостояния. Так, в апреле 1980 г. у штаб-квартиры партии ОСН произошел вооруженный инцидент. Обе стороны обвинили друг друга в

¹⁶⁸ El Tiempo. – Bogotá. 22.03.1980.

¹⁶⁹ Financial Times, 16.07.1980.

провоцировании конфликта, а полиции был отдан приказ об аресте ряда депутатов из фракции партии Букарама. Правительство увидело в инциденте заговор ультраправых сил и заявило о причастности к нему самого Букарама.

В ответ на постоянную критику со стороны президента Букарам решил пойти на обострение ситуации и созвать национальный съезд ОНС, на котором была предпринята попытка выработать линию на «полную политическую независимость» от правительства¹⁷⁰. Кроме того, на нем был переизбран на руководящий пост сам Букарам.

Рольдос пытался найти выход из сложившейся ситуации. Пользуясь конституционным правом президента один раз за период нахождения у власти провести массовый опрос граждан по ключевым вопросам развития страны, президент предпринял попытку организовать плебисцит. На суд эквадорцев планировалось вынести следующие поправки в Конституцию: во-первых, (что было главным моментом), предоставить право президенту один раз за срок своего правления распускать парламент. Подавляющее большинство депутатов высказалось резко против этого, полагая, что тем самым обнаружилась опасная тенденция к узаконенной диктатуре (в прессе того времени пользовался популярностью новый термин «конституционная диктатура»). Законодатели опасались, что в этом случае президенту будут предоставлены исключительно широкие права и полномочия, поскольку в период между роспуском парламента и новыми выборами он был бы облечен чрезвычайными полномочиями для издания законов без согласования с депутатами.

Во-вторых, Рольдос предлагал реформу самого законодательного органа. В частности, вновь превратить однопалатный парламент в двухпалатный, а Палату представителей преобразовать в Национальный конгресс. Наряду с переименованием планировалось заложить новый принцип формирования

¹⁷⁰ Hurtado O. El poder político en el Ecuador /O.Hurtado. – Quito: Planeta, 2007. – P. 48.

Конгресса: предполагалось, что в нем будут иметь квоты не только представители провинций, но и различных профессий. Новая профессионально-территориальная структура парламента, по мнению Рольдоса, более адекватно отражала бы социально-экономический профиль эквадорского общества, а новая форма парламента облегчила бы президентскую деятельность и открыла бы путь к ограничению оппозиции. В-третьих, на плебисците президент собирался поднять вопрос о территориальном делении страны. Наконец, в-четвертых, предлагалось лишить парламентские комиссии права вести политические расследования (тем самым президент стремился направить деятельность парламентариев в более конструктивное и созидательное русло).

Парадокс ситуации состоял в том, что для проведения плебисцита нужно было получить согласие и одобрение Палаты представителей в отношении поправок, выносимых на опрос (прежде чем созывать плебисцит, вопросы должны быть рассмотрены законодателями, созывать же сам плебисцит они запретить не могли). На протяжении 1980 г. несколько раз проводились специальные заседания парламента, и всякий раз президентская инициатива отклонялась. Очевидно, что проведение плебисцита изначально было невозможным. Была даже создана так называемая посредническая комиссия из представителей одиннадцати партий, которая занимала «позицию над схваткой» и стремилась найти компромисс между президентом и парламентом, но и ее усилия не увенчались успехом. Плебисцит так и не был созван (от этой идеи отказались в мае 1980 г.), государственная реформа не состоялась, а институциональный кризис продолжался вплоть до трагической смерти Х. Рольдоса.

Осознав невозможность скорейшего преодоления кризиса через плебисцит, Рольдос пошел на раскол ОНС: сторонники президента отделились от движения и объединились в новую партию реформистского толка под названием «Народ, перемены и демократия». Создание пропрезидентской партии не

привело к смягчению внутривнутриполитической ситуации, а только еще более оппозиционно настроив сторонников Букарама. В результате представительство ОНС в парламенте сократилось на семнадцать депутатов, а президент добился перегруппировки сил в Палате представителей. Ни одна партия, однако, не имела большинства в парламенте, и его деятельность фактически оставалась парализованной до конца правления Рольдоса.

Другим следствием внутривнутриполитического противостояния стал роспуск правительства в ноябре 1980 г. Спустя месяц заработал новый кабинет, но все эти перестановки отнимали массу времени и сил, правление президента превращалось в период упущенных возможностей.

В начале 1981 г. ситуацию усугубил вооруженный конфликт с Перу. Правительство специальным декретом президента ввело в экстренном порядке пакет непопулярных экономических мер: досрочный сбор налогов, использование для защиты государства резервов страховых, пенсионных и медицинских фондов, меры жесткой экономии, перенесение местонахождения правительства, закрытие портов, введение цензуры печати, приостановление действия конституционных гарантий. В Эквадоре было объявлено чрезвычайное положение и проведена всеобщая мобилизация (причем введена всеобщая воинская обязанность для мужчин и женщин), в провинциях и кантонах созданы советы гражданской обороны ввиду опасности иностранной агрессии. Оппозиция обвинила президента в том, что тот использовал эквадорско-перуанский конфликт для решения текущих проблем. Президент париловал тем, что в сложившихся условиях государству нужны средства для обеспечения национальной обороны. Общественные и профсоюзные организации оказались на стороне оппозиции, по стране прокатилась волна социальных протестов и забастовок, самая крупная из которых прошла в начале мая 1981 г. Протестовали главным образом против повышения цен на топливо, увеличения транспортных тарифов и введения новых налогов (на торговлю сигаретами и номерные знаки

автомобилей), так как это, по убеждению организаторов протестов, сказывалось на стоимости жизни.

Подытожим основные макроэкономические, законодательные и инфраструктурные меры, которые правительству Рольдоса удалось воплотить в жизнь. В нефтяной сфере была сделана ставка на государственную собственность. Были введены законы о капиталовложениях, ограничивающие деятельность иностранных компаний в разведке и добыче нефти. Это, безусловно, имело технологические издержки, однако, в условиях высоких и стабильных цен на нефть приоритет государственной собственности в стратегической для эквадорской экономики отрасли был абсолютно оправдан. В плане инфраструктурной модернизации при Рольдосе велись строительство и ремонт ряда важных мостов и дорог в целях оптимизации транспортного сообщения между регионами и унификации их экономического развития. Для того, чтобы снизить градус социальной напряженности, правительство, во-первых, отменило часть мер по экономии бюджета и, во-вторых, приняло комплекс мер, разработанных еще в мирное время, с целью стимулирования национальной экономики (план носил название «Программа развития и социальной справедливости»). Были заморожены цены на продукты первой необходимости, введено субсидирование экспорта традиционных товаров (в первую очередь какао), повышены субсидии на транспортные расходы, введена единая рабочая неделя для государственных служащих, повышены транспортные и фрахтовые тарифы, а также налоги на импорт автомобилей. Главной мерой в этом пакете стало снижение государственных субсидий на топливо (по оценкам, в 1980 г. они составили около 200 млн долл.) Вырученные средства правительство обещало направить на решение социальных проблем, на нужды национальной обороны, на осуществление программ разведки и добычи нефти, на развитие пограничных провинций на Юге и Востоке. Станным образом, на протяжении всего 1980 г. в адрес правительства раздавалась критика, почему так

долго сохраняются субсидии на топливо (цена тогда составляла 18 сукре за галлон, что было очень низким показателем), ведь на фоне роста внутреннего потребления и с учетом роста экспорта нефти, якобы, может не хватать средств на развитие. Почему правительство субсидирует низкие цены на бензин? Когда же субсидии были сняты, то и эта мера вызвала критику.

Правительство отдавало отчет, что данные меры приняты с запозданием и носят скорее паллиативный характер, но и они откладывались из-за внутривнутриполитического конфликта. Против Рольдоса «играла» и мировая конъюнктура цен на нефть, экспорт которой давал 60% валютных поступлений в казну¹⁷¹. В январе 1980 г. произошло резкое падение цен на нефть (цена на эквадорский ее тип упала с 40 до 34 долларов). Вследствие этого правительство было вынуждено искать альтернативные источники финансирования.

Что касается социальной политики, то здесь удалось частично реформировать в прогрессивную сторону трудовое законодательство и предпринять некоторые меры по улучшению жизни народа. Были приняты два декрета относительно внесения изменений в Трудовой кодекс. Во-первых, в октябре 1979 г. продолжительность рабочей недели в государственном секторе экономики была установлена в сорок часов (на четыре часа меньше по сравнению с предыдущим кодексом). Для того времени по меркам капиталистического мира и особенно развивающихся стран, к числу которых принадлежал Эквадор, это было достаточно смелым и прогрессивным шагом. Во-вторых, был принят закон о предоставлении пенсий женщинам после двадцати пяти лет работы вне зависимости от возраста. Данная мера внимания к женщинам, ранее находившимся в дискриминируемом положении, соответствовала провозглашенным принципам социальной справедливости. В-третьих, была вдвое (с 2000 до 4000 сукре) повышена минимальная заработная плата, что в

¹⁷¹ Acosta A. Op. cit. – P. 78.

какой-то степени улучшило экономическое положение наемных работников¹⁷². В-четвертых, была запущена самая масштабная в истории Эквадора программа ликвидации неграмотности, рассчитанная на четыре г. Она имела четкий просветительно-политический контекст: в условиях демократизации и предоставления права голоса неграмотным обеспечить ответственность этой части граждан, повысить политический вес их голосов. Несколько забегаю вперед, отметим, что по ее итогам к 1984 г. удалось сократить количество неграмотных почти вдвое (с 1980 г. их число уменьшилось на 420 тыс. человек, всего же на момент начала программы их насчитывалось более 900 тысяч)¹⁷³. В-пятых, в школах была запущена государственная программа «Школьный завтрак» по обеспечению питанием детей из бедных семей. Эта программа получила в Эквадоре большое одобрение и привлекла на сторону правительства симпатии обделенных социальных слоев. В-шестых, были приняты меры по расширению свобод профсоюзов: отменены антирабочие декреты, ущемляющие права профсоюзов, проведена амнистия несправедливо осужденных руководителей массовых общественных организаций, восстановлен легальный статус организации Национальный союз учителей. Таким образом, социальная политика велась в русле пятилетнего Плана, но многие меры так и не удалось воплотить в жизнь из-за трагической гибели Х. Рольдоса в авиакатастрофе 24 мая 1981 г.

Президент, стремившийся проводить многовекторную и плюралистическую внешнюю политику, находился под пристальным вниманием США. Он не шел на резкую конфронтацию с Вашингтоном и стремился развивать прагматичные отношения, но там относились к эквадорскому президенту с крайним недоверием. Вместе с тем его внешняя политика

¹⁷² Vásconez A., Córdoba R., Muñoz P. La construcción de las políticas sociales en Ecuador durante los años ochenta y noventa: sentidos, contextos y resultados / A.Vásconez, R.Córdoba, P.Muñoz P. – Santiago de Chile: CEPAL, 2005. – P. 36.

¹⁷³ Evolución histórica, información actualizada y mapa nacional del analfabetismo. - Quito, 2009. – P.29.

отличалась принципиальностью. Рольдос предпринял ряд шагов, раздражавших Вашингтон. Так, он отказался принять приглашение на инаугурацию Р. Рейгана, сославшись на расхождения с администрацией США по вопросу прав человека; восстановил дипломатические отношения с Кубой; сотрудничал и вел диалог с сандинистским правительством Никарагуа. Рольдос активно критиковал военные правительства региона, и в результате нажил немало врагов как внутри Эквадора, так и за рубежом. Буквально за три дня до гибели – 21 мая 1981 г. – Рольдос принял решение о выдворении из страны «Летнего лингвистического института», считавшегося проводником культурно-политических интересов США, если не прямой «крышей» для их спецслужб. Большой резонанс вызвала предложенная Рольдосом на встрече латиноамериканских президентов в сентябре 1980 г. «Хартия поведения Риобамба» (*Carta de Conducta de Riobamba*), новая внешнеполитическая доктрина, получившая впоследствии неформальное название «Доктрина Рольдоса». В ней были провозглашены международные демократические принципы самоопределения народов, невмешательства во внутренние дела, идеологического плюрализма, приоритета национальной независимости и суверенитета. Документ был направлен на защиту новых потенциальных демократических правительств в регионе, стимулировал процессы демократизации и шел вразрез с интересами правящих кругов США. Продвижение новой доктрины было представлено двумя знаковыми событиями: созывом первого в истории Латинской Америки семинара по правам человека, а также созданием по инициативе Рольдоса Латиноамериканской ассоциации защиты прав человека¹⁷⁴.

Вашингтон видел в призывах Рольдоса к демократизации Латинской Америки скрытую угрозу. В связи с этим есть все основания полагать, что смерть эквадорского лидера стала звеном печально известного в то время «плана “Кондор”», направленного на истребление общественно-политических сил,

¹⁷⁴ Эквадор: тенденции экономического и социально-политического развития. – С. 142.

стремившихся к демократизации. Стратегия рейгановской администрации США, скоординированная с военными диктатурами Южного конуса Латинской Америки, включала вторжение вооруженных сил Перу в Эквадор в начале 1981 г. с целью дестабилизировать экономику и политическую ситуацию. По всей видимости, физическая ликвидация президента Рольдоса была спланирована и являлась частью более крупной военной операции.

Подводя итоги первого демократического правления в Эквадоре, нужно отметить следующие важные моменты. Период правления Рольдоса был крайне кратковременным: ему удалось продержаться у власти чуть более двадцати одного месяца (один год, девять месяцев и четырнадцать дней). Такая кратковременность как бы вписывалась в логику нестабильности предыдущих правительств, однако теперь на первый план были выдвинуты принципы, ранее не свойственные большой политике Эквадора: приоритет национального суверенитета, ориентация на справедливое распределение доходов и в целом на социальную справедливость, упор в экономике на государственную субъектность, императив внутривластного диалога и опора на массовую поддержку народа при проведении государственной политики. Последний принцип стал уникальным в политическом процессе Эквадора в XX веке, поскольку ни одному президенту не удавалось заручиться поддержкой столь широких слоев населения и обрести настолько широкую электоральную базу, как у Рольдоса. Он стал символом обновления политической и экономической жизни страны.

Рольдосу удалось заложить новый вектор развития государства, стать инициатором новой демократической парадигмы, но реализовать ее в полной мере в сложившихся внутривластных и внешних условиях было невозможно. В связи с этим, правление Рольдоса можно квалифицировать как попытку выхода на новый уровень развития, но не сам выход, как период неиспользованных возможностей, период надежд на обновление. Кроме того,

Рольдосу как политику был присущ новый принципиальный и честный политический стиль, что в то время многими воспринималось как нонсенс. Фактически Рольдос заложил новый тип политической культуры. Ни одному из последующих правительств вплоть до начала XXI века так и не удалось в полной мере последовательно следовать заложенным в период Рольдоса принципам. На следующем витке развития эквадорского внутриполитического процесса матрицу принципов, провозглашенных и отстаиваемых правительством Рольдоса, удалось реанимировать и сделать фундаментом государственного развития только правительству Рафаэля Корреа.

§3. Волны политической нестабильности в последней четверти XX – начале XXI века

Настоящий параграф посвящен рассмотрению политической динамики Эквадора в период между правлениями Х. Рольдоса и Р. Корреа. Как было сказано выше, начался этот период с относительного спокойствия и последовательной смены четырех президентов на фоне слабой и несамостоятельной экономической политики.

Освальдо Уртадо Ларреа, вступившему на пост главы государства после гибели Х. Рольдоса, удалось сохранить в стране стабильность и исполнить свои полномочия до конца мандата (напомним, что он принял президентство в конституционном порядке как избранный ранее вице-президент). Будучи сторонником консервативных взглядов, он все же не пошел на резкий разрыв с политикой Рольдоса, но некоторые административные шаги свидетельствовали об отходе от предыдущей линии. В частности, он назначил на ключевую в кабмине должность министра обороны адмирала Рауля Сорроса Эскаланте, главы объединенного командования Вооруженных Сил. Ранее Р. Соррос, противник демократического процесса, вел себя очень агрессивно и был уличен в организации заговоров против правительства Рольдоса, поэтому его назначение было явным признаком крена вправо. Чтобы как-то сбалансировать ситуацию, Уртадо, будучи гибким политиком, назначил на пост вице-президента брата погибшего президента Леона Рольдоса. Большой политической роли он не играл и служил скорее для создания видимости преемственности в политике. Ключевая же позиция в «триумvirате» принадлежала Сорросу, с которым Уртадо часто советовался.

При Уртадо имел место крупный спад экономики Эквадора, вызванный причинами экологического и иного объективного рода. Так, в 1982 г. страна пережила сильнейшую засуху, а в 1983 г. на нее обрушились проливные дожди, не прекращавшиеся в течение 11 месяцев. В попытке противостоять кризису

Уртадо пошел на крайне непопулярные меры: девальвацию sucre, повышение цен на бензин и транспортных тарифов. Такая экономическая политика на фоне общественной депрессии, вызванной экологическими нападками, привела к критическому падению популярности Уртадо. Выставив свою кандидатуру на президентских выборах 1984 г., он еще в первом туре потерпел сокрушительное поражение от правого популиста, миллионера Леона Фебреса Кордеро, кандидата от «Фронта национального возрождения», организовавшего свою предвыборную кампанию под лозунгом «Хлеб, жилье, работа». Во втором туре соперничество развернулось между Фебресом Кордеро и лидером партий «Демократическая левая» Родриго Борха. Фебрес длительное время возглавлял Промышленную палату Эквадора и являлся представителем финансовых и других бизнес-кругов, часто цитируя изречения своего политического кумира Р. Рейгана о вере в «магическую силу рынка»¹⁷⁵. Решающим фактором его победы стала поддержка маргинальных слоев общества (в первую очередь Гуаякиля), поверивших его обещаниям.

Придя к власти, Фебрес стал проводить неолиберальную политику с чертами абсолютного волюнтаризма. Так, он не раз нарушал принципы договоренности в ОПЕК и режим солидарности с остальными членами организации, тесно сотрудничал с Международным валютным фондом и вел экономическую политику в соответствии с рекомендациями МВФ. В арсенал его методов входили предоставление льготных кредитов частному сектору, денационализация государственных предприятий, введение либерального налогового режима транснациональным корпорациям и др. Кроме того, он предоставил банкирам и предпринимателям режим независимого экспорта, фактически отдав им всю полноту экономической власти.

Период правления Фебреса Кордеро отмечен рядом эксцессов, поэтому квалифицировать его как стабильный было бы неправильным. Против

¹⁷⁵ *Riding A.* New President of Ecuador //The New York Times, 13. 05.1984.

президента были настроены и военные, и ведущие политические партии. Национальный конгресс неоднократно обращался к нему с призывом покинуть пост президента и передать власть вице-президенту Бласко Пеньэррере.

Недовольство военных вылилось в две попытки государственного переворота, предпринятые в марте 1986 г. и в январе 1987 г. В ходе первого мятежа военных, возглавленного генералом Франком Варгасом Пассосом, президент был похищен на пять дней. Впоследствии генерал был осужден, но приобрел большую популярность. В январе 1987 г. Фебрес Кордеро был захвачен подразделением парашютистов на военно-воздушной базе «Туара», которые потребовали амнистии для Варгаса, но их требования не были выполнены, а большинство организаторов похищения были отправлены за решетку.

В июне 1986 г. Фебрес Кордеро провел плебисцит по поводу реформы избирательной системы, но оппозиция умело превратила его фактически в опрос о доверии главе государства. В ходе голосования 68,8% эквадорцев высказались против политики президента. Тогда же состоялись парламентские выборы, на которых левоцентристская оппозиция, объединившаяся в «Прогрессивный парламентский блок», получила 41 депутатских мест из 71¹⁷⁶. В этой коалиции ведущее место заняли партии «Демократическая левая», входившая в Социнтерн, а также Эквадорская социалистическая партия и Левый широкий фронт во главе с Коммунистической партией Эквадора. Блок предлагал прекратить политику неолиберализма, но призывы остались безответными. Кризис противостояния между ветвями власти продолжился.

Фебресу, как и Уртадо, явно не благоприятствовали природные и иные объективные факторы. Так, в марте 1987 г. произошло крупное землетрясение, унесшее жизни пяти тысяч эквадорцев и имевшее тяжелые экономические последствия. В частности, был разрушен ключевой трансандский нефтепровод,

¹⁷⁶ Жучкова Г.Е. К политической ситуации в Эквадоре / Г.Е.Жучкова // Латинская Америка. – 1987. – №6. – С. 138.

почти на шесть месяцев парализован экспорт нефти. Для Эквадора, получавшего 70% валютных поступлений от продажи нефти, это имело колоссальные негативные последствия. Большой резонанс в прессе получили многочисленные случаи коррупции в высших эшелонах власти: закупка самолетов по цене, превышающей на треть официальную; нелегальная торговля скаковыми лошадьми, в которой были замешаны родственники президента; перепродажа за символическую сумму крупным чиновникам автомобилей класса «люкс», угнанных из-за рубежа; ведение работ по строительству одной стратегической дороги силами военных США, а не национальными предприятиями, и многое другое. Кроме того, правление Фебреса было отмечено разгулом семейственности в высших эшелонах власти: ближайшими сподвижниками президента, обладавшими огромным влиянием, были его родные братья. Все эти скандалы и низкая экономическая эффективность курса (внешний долг вырос на 2 млрд долларов и составил к концу правления Фебреса уже 10 млрд долл., а средневзвешенная инфляция составила 66%)¹⁷⁷ подорвали и так низкий уровень доверия президенту.

На выборах 1988 г. победил Родриго Борха, адвокат по образованию, лидер эквадорского варианта социал-демократии – партии «Демократическая левая», созданной им в 1970 г. Он пришел к власти на волне критики предшественника и в ходе длительного противостояния с ним с трибуны Конгресса. Победа Борхи вначале принесла в страну спокойствие и небольшой экономический рост, в частности окрепла национальная валюта. За время своего президентства Борха делал акцент на демократической реконструкции страны, а также на освобождении от неолиберализма.

Но инерция глубокого экономического кризиса давала о себе знать. Борха в одном из выступлений четко подметил, что «Эквадор переживает

¹⁷⁷ *Galarza Zavala J.* La social democracia llega al poder en el Ecuador / J.Galarza Zavala. // *Monde Diplomatique en español*. – Paris, 19.10.1988.

небывалый экономический и социальный кризис» и привел параллель с восстановлением послевоенной Европы¹⁷⁸. На выборах его партии удалось завоевать тридцать из семидесяти одного депутатского места, что фактически исключило сценарий конфликта ветвей власти. Также он получил проправительственный Верховный суд и прокуратуру. Таким образом Борха получил большое преимущество по сравнению с предыдущими администрациями, управлявшими страной вопреки воле других ветвей власти. Наметился более прогрессивный внешнеполитический курс: были восстановлены дипломатические отношения с Никарагуа, Эквадор стал более активен в Движении неприсоединения. Борха отдал приоритет поиску мирного урегулирования территориального конфликта с Перу, вступив с соседями в долгие переговоры.

Самым ярким достижением в социальной сфере стала программа ликвидации неграмотности. При Фебресе она была частично приостановлена, но при Борхе получила новый импульс. Ей было дано имя знаменитого в Эквадоре «епископа бедных» Леонидаса Проаньо, а в основу учебных пособий положен каталог прав человека ООН. Налицо было стремление не только обучить грамоте, но повысить уровень политического самосознания эквадорцев. Это вызвало резкую критику со стороны сил правого толка, критиковавших Борху за пропаганду левых идей. В плане решения аграрного вопроса правительство в мае 1992 г. передало 1,7 млн га земли индейским общинам Амазонии, но данный шаг индейские организации сочли явно недостаточным.

Борха, ведший свою избирательную кампанию под лозунгами политического и социального примирения, стремился к внутривластной консолидации, но в полной мере добиться этого не удалось. Тормозом стали проблемы экономического порядка. Несмотря на предвыборную критику неолиберализма, правительство Борхи приняло пакет мер, соответствующих

¹⁷⁸ Financial Times, 12.05.1988.

принципам этой экономической парадигмы: например, сократились бюджетные ассигнования на социальные нужды. Единственное, чего удалось добиться правительству, это восстановление государственного контроля над валютным рынком и нормализация обменного курса сукре, то есть делиберализация затронула лишь финансовую сферу, но этого было явно недостаточно для решения экономических проблем. Попытки стабилизировать экономику и программа жесткой экономии как средство борьбы с инфляцией обернулись обратным эффектом – ростом цен на продукты и товары первой необходимости, увеличением тарифов на оплату жилья. Это привело к эскалации социальных протестов и серии массовых забастовок.

На выборах 1992 г. президентом был избран умеренный консерватор Сиксто Дуран Бальен, более отчетливо и открыто (в отличие от Борхи) продолживший неолиберальную линию Л. Фебреса Кордеро. Правые силы пришли к этим выборам с крупным расколом в своих рядах. Так, С. Дуран Бальен незадолго до выборов был исключен из Социал-христианской партии, но сумел в короткий срок организовать новую партию «Республиканское единство», которая и привела его к победе. Семидесятилетнему Бальену, архитектору по образованию, добавило популярности и то, что в нем текла индейская кровь и он немного владел языком кечуа. Это было главным аргументом близости к народу на фоне явного подъема индейского движения в стране. Де-факто же Бальен был продуктом креольской аристократии Сьерры, получил образование в США и имел тесные связи с американским истеблишментом, что диктовало ему политические и экономические взгляды. Новый президент оказался сторонником приватизации государственного сектора, что не только не погасило, но стимулировало конфликт между социальными группами. Поставив главным приоритетом борьбу с инфляцией (для этого даже была создана специальная президентская комиссия), Дуран, как и Борха (только более агрессивно и бескомпромиссно), использовал такие методы, как сокращение государственных

расходов, приватизация, сокращение внутреннего и внешнего долга путем привлечения иностранных инвестиций и создания благоприятных условий деятельности иностранным фирмам, существенное уменьшение госаппарата. В его правление имел место крупный коррупционный скандал, связанный с вице-президентом Альберто Дахигом, который был вынужден оставить свой пост и покинуть страну. Удалось стабилизировать инфляцию на уровне 20%. Однако в повседневной жизни народа пятнадцатилетие демократии не принесло ощутимых результатов: бедность сохранялась на уровне 50%, безработица составляла около 15% экономически активного населения¹⁷⁹. В угоду крупным земельным собственникам С. Дуран Бальен принял крайне непопулярный Закон о земельной реформе, ставший препятствием на пути перераспределения земель и общинных землевладений. В результате в 1994 г. вспыхнуло массовое протестное движение индейских организаций, которое сравнивают с восстанием. Партия Дурана составляла в Конгрессе меньшинство, и он решил реформировать Конституцию путем плебисцита, проведенного в мае 1994 г. В итоге он добился того, что в Основной закон была внесена поправка, согласно которой президент получал право роспуска Конгресса один раз за мандат (то, чего не удалось сделать Рольдосу).

Но воспользоваться этим правом Дуран не успел из-за причин внешнеполитического характера. В конце его правления разразился новый конфликт с Перу, в результате которого Эквадор потерял порядка 300 млн долл. (2% ВВП)¹⁸⁰. Все внутриполитические силы были брошены на ликвидацию последствий конфликта, и до роспуска парламента, к чему стремился президент, дело так и не дошло.

90-е годы XX в. в развитии Латинской Америки стали вторым «потерянным десятилетием» (как специалистами из CEPAL называются 80-е гг.),

¹⁷⁹ Financial Times, 12.05.1988.

¹⁸⁰ Financial Times, 14.09.1995.

поскольку продолжился прежний курс неолиберальных реформ, проводимых политически слабыми правительствами. Не стал исключением и Эквадор. С конца 90-х гг. страна вступает в кризисную фазу, когда правительства начинают меняться одно за другим, обнаруживая слабость и аморфность всей политической системы государства. Эта фаза характеризуется максимальной нестабильностью политической жизни страны. Очень точная характеристика этого этапа дана российскими политологами: «Доминирование коалиций, скрепляемых интересами экономических и политических кланов, разветвленная система клиентелистских отношений оказали воздействие на функционирование партийно-политической системы. Политики консервативного или реформистского толка, популисты всех мастей, приходившие к власти под лозунгами борьбы с коррупцией и защиты интересов обездоленных, быстро отходили от предвыборных обещаний и следовали традиционным курсом. Массовое недовольство результатами политики правительств, нараставшее в пору ухудшения экономической ситуации, трансформировалось в социальные волнения и масштабные протестные акции»¹⁸¹.

В 1996 г. на выборах победил популист Абдала Букарам, лидер «Рольдосистской партии», не имевшей ничего общего с прогрессивным наследием Рольдоса (родственники погибшего президента не раз протестовали по поводу использования имени Рольдоса в демагогических целях). Букарам получил слабый парламент, поскольку его партия получила только 19 из 82 мест. Он вел себя крайне эксцентрично и эпатажно, фактически не выстраивая никакой системной внутренней политики, действовал как типичный временщик. В государстве резко усилились коррупция и феномен семейственности. В итоге через шесть месяцев с момента инаугурации в феврале 1997 г. конгресс

¹⁸¹ Латинская Америка: испытание демократии. Векторы политической модернизации / Отв. ред. М.Л. Чумакова. – М.: ИЛА РАН, 2009. – С. 401.

большинством голосов вынес решение об отставке Букарама с поста президента на основании неспособности к исполнению обязанностей.

После падения правительства Букарама пост главы государства на несколько часов заняла его вице-президент Росалия Артеага. В итоге политических договоренностей Конгресс назначил спикера Фабиана Аларкона Риверу конституционным преемником и временно исполняющим обязанности президента до выборов 1998 г. С целью легитимизировать свой статус Ф. Аларкон провел референдум о доверии к нему, на котором заручился поддержкой большинства. На волне успеха Аларкон в 1998 г. созвал Конституционную ассамблею, которая разработала и приняла новую Конституцию, сменившую Основной закон 1978 г. Основным новшеством стало изменение процедуры избрания главы государства: теперь президент мог быть избран сорока процентами голосов электората. Таким образом, Аларкон как бы готовил себе дорогу в президентское кресло, но достичь этой цели ему не удалось.

На выборах 1998 г. президентом был избран Хамиль Мауад, продержавшийся в этой должности лишь до января 2000 г. Единственным прогрессивным достижением этого периода стало заключение мирного договора с Перу, подтвердившего границы, установленные в 1942 г. В остальном политика кабинета Маада, как внешняя, так и внутренняя, носила ярко выраженный неолиберальный и деструктивный характер. Следуя в фарватере интересов Вашингтона, он провел долларизацию экономики и вывел из оборота национальную валюту, а также предоставил в аренду США военную базу в городе Манта. Фактически это означало потерю экономического и политического суверенитета страны. В 2000 г. действия президента вылились в попытку военно-гражданского переворота, сопровождаемую массовыми выступлениями индейских организаций. Мауад в качестве ответа на действия военных предпринял попытку установления диктатуры, но к успеху это не привело. При содействии ОАГ выходом из политического кризиса стало назначение в январе

2000 г. новым временным главой государства вице-президента – миллионера Густаво Нобоа. Никаких принципиальных изменений это не принесло, и все меры кабинета Мауада, включая долларизацию, были продолжены и дополнены сокращением государственного бюджета по требованию МВФ.

В 2002 г. в Эквадоре вновь наблюдались краткосрочные признаки возможных перемен. Президентом был избран полковник Лусио Гутьеррес, возглавивший государственный переворот против Х. Мауада в 2000 г. С тех пор он имел большой политический капитал и пользовался популярностью среди бедных слоев населения, а также имел поддержку индейских организаций благодаря своему метисскому происхождению. Широкие массы увидели в фигуре бывшего военного возможность отстаивать свои интересы и вернуть страну в русло конструктивного развития. Но очень быстро надежды развеялись. Будучи назначенным на должность президента, он начал проводить финансовую политику ортодоксально-неолиберального толка. Его правление сопровождалось глубоким правительственным кризисом, выход из которого Гутьеррес нашел в усилении авторитаристских тенденций. 20 апреля 2005 г. за попытку проведения судебной реформы и реорганизации Верховного суда Гутьеррес был отстранен от власти Конгрессом, а фактически – новой волной протестных выступлений. Решение депутатов о досрочной отставке президента было поддержано народом. В итоге «парламентский переворот» привел к власти вице-президента Альфредо Паласио, который исполнял полномочия главы государства до января 2007 г. Паласио был временным техническим президентом, и главной его задачей было сохранить спокойствие в стране до выборов 2006 г. Никаких кардинальных изменений его президентство не принесло, да и не могло принести.

Таким образом, можно заключить, что всем ходом политического процесса были созданы внутривнутриполитические условия для выхода на арену принципиально новой политической силы, которой стала молодая партия «Альянс за достойную и суверенную родину» (Alianza-País, AP) во главе с

Рафаэлем Корреа. В условиях внутривнутриполитического тупика и кризиса традиционных партий многие политические организации пытались создать обновленческий имидж (так было, например, с партией Букарама), но подлинное решение удалось найти только АР. С приходом к власти Корреа страна вступила в новую фазу исторического развития, достигая стабильности на путях системной и последовательной модернизации.

ГЛАВА III. Политические институты и процессы в период «гражданской революции»

§1. Формирование политико-правовых институтов «гражданской революции» (2006 – 2009)

Ход политического процесса в Эквадоре при президенте Р. Корреа можно разделить на двух крупных этапа. Первый этап – это период выхода на арену политического движения Alianza-PAIS, которое пришло к власти в 2006 г., и последовавший за ним процесс формирования юридическо-правовой основы «гражданской революции» (в первую очередь выработка и принятие новой Конституции). Этот этап охватывает период с 2006 по 2009 гг. Когда предпосылки были созданы, начался процесс собственно социально-экономических преобразований, длящийся с 2009 г. по настоящее время. В этом параграфе мы остановимся на анализе как внутренних, так и внешних причин электоральной победы нового политического движения и осуществленные им конституционные преобразования.

А) Внутриполитические и внешнеполитические факторы начала «гражданской революции»

Начиная с 2007 г. Эквадор живет в принципиальной иной политической и социально-экономической реальности. С приходом к власти политического движения «Альянс за достойное и независимое отечество» (Patria Altiva y Soberana, Alianza-PAIS) страна вступила на путь масштабных и системных преобразований практически во всех сферах жизни: политической, социальной, экономической, культурной и др. Общее название, которое получил процесс глубинных трансформаций, - «гражданская революция», поскольку коренные реформы всей матрицы отношений изначально проводились во имя граждан, при широкой поддержке и активном участии гражданского общества Эквадора. Прежде чем рассматривать поступательный ход «гражданской революции»,

целесообразно остановиться на внешних и внутренних причинах, давших импульс этому процессу.

Главной внутривнутриполитической причиной начала преобразований и прихода к власти новой силы была накопившаяся за годы неолиберализма усталость как от социальных «издержек» самого этого курса, так и от постоянных политических потрясений и перманентной внутренней нестабильности. За десять лет (начиная с 1996 г.), как было показано в первой главе, у власти сменились восемь президентов, но ни один из них не смог продержаться на посту положенный срок и поставить в повестку дня действенную программу улучшения жизни. В самом деле, у Эквадора уже на протяжении нескольких десятилетий имелись серьезные экономические основания для подобного прорыва, но воспользоваться ими не сумело ни одно правительство. Кажется парадоксальным, но факт: открытие почти 40 лет назад месторождений нефти в Амазонии обогатило не страну, а лишь несколько иностранных корпораций, нанеших этим землям непоправимый ущерб и оставивших после себя разоренные селения. Нефтяной бум, как оказалось, не стал мощным стимулом для развития экономики, а, наоборот, способствовал ее спаду. Страна жила ожиданиями появления новых политических сил, способных использовать выпавший Эквадору шанс, но многие годы эта реальная перспектива не находила реального воплощения. Многие политические лидеры и партии заявляли о благих намерениях, но никому из них не удалось достичь поставленной цели. Известный испанский политолог Альфредо Серрано Мансилья в книге «Латинская Америка в диспуте» справедливо и образно отмечает: «На протяжении длинной и печальной ночи неолиберализма сменявшие друг друга правительства в Эквадоре существенно сократили реальные основания существования государства, а его интересы подчинили интересам элиты и концентрированным экономическим группам влияния, что имело разрушительные социальные и экономические последствия для общественного большинства. Фокус государства был смещен и

подчинен конъюнктурным интересам доминирующих центров власти, которыми на протяжении десятилетий принимались политические и экономические решения, нарушающие суверенитет страны. В результате функционировало иллюзорное государство, чья стратегия была сконцентрирована на распределении в пользу меньшинства, в то время как подавляющая часть эквадорского народа была лишена богатства страны»¹⁸². Таким образом, население Эквадора, уставшее от политической нестабильности на протяжении десятилетий, видело в существующих политических группировках лишь проявление самых печальных моментов политической истории Эквадора XX века. Перенасыщение речей и пустых обещаний привело к неоднозначным последствиям. С одной стороны, формировались широкие «аполитичные» группы, которые потеряли надежду на изменения и уклонялись от голосования на выборах (отсюда высокая степень абсентеизма в 90-е годы XX в.). С другой стороны, это способствовало радикализации беднейших слоев и главным образом индейских организаций, которые систематически выходили на улицы с социально-политическими протестами, чтобы выразить недовольство политическим руководством за последние пятнадцать лет. Особенно активно себя проявляла Конфедерация индейских общин (CONAIE) и ее боевое политическое крыло RACHAKUTIK, при ведущей роли которых были смещены многие правительства в период политического безвременья конца XX - начала XXI веков. И причин этому было достаточно. Обострение социальных и экономических противоречий приводило граждан либо к апатии, либо к эмоциональным взрывам в контексте недовольства неэффективностью политического управления и сложной ситуации, в которой оказалась страна.

В этом смысле ситуация во многом была схожей с той, которая сложилась в канун прихода к власти президента Х. Рольдоса. Он был избран президентом на

¹⁸² Mancilla Serrano A. *América Latina en disputa*. – Caracas: Fundación Editorial «El perro y la rana», 2015. – P. 179.

волне ожиданий справедливого распределения нефтяного богатства. Такая же атмосфера, только отсроченная почти на тридцать лет, имела место и в 2006 г. в преддверие победы на выборах Рафаэля Корреа.

Другой немаловажной причиной начала процессов кардинального обновления эквадорского общества стала региональная международная ситуация, сложившаяся в начале XXI века в Латинской Америке. Она характеризовалась общим сдвигом влево во всем регионе в результате прихода к власти в ряде стран левых и левоцентристских правительств: в 1999 г. в Венесуэле президентом стал У. Чавес, затем в 2002 г. в Бразилии главой государства избрали лидера Партии трудящихся Луиса Инасио Лулу да Силву, в 2003 г. левоперонистские силы, возглавленные Нестором Киршнером, пришли к власти в Аргентине, в 2005 г. в Уругвае главой государства стал кандидат Широкого фронта Табаре Васкес, в конце 2005 г. в Боливии на президентских выборах победило «Движение к социализму» во главе с Эво Моралесом. Начались процессы консолидации и объединения левых правительств. Так, в 2004 г. Венесуэлой, Кубой и Боливией был создан блок ALBA (Боливарианский альянс для Народов Нашей Америки)¹⁸³ и шли активные дискуссии вокруг создания Союза южноамериканских наций (UNASUR). Кроме того, нужно отметить, что одновременно с решающей для Эквадора избирательной кампанией 2006 г. в исторически важном для Центральной Америки государстве Никарагуа также шла предвыборная кампания. Победа Р. Корреа произошла практически одновременно с возвращением к власти правительства сандинистов во главе с Даниэлем Ортегой. Все это не могло не повлиять на рост обновленческих настроений и в самом Эквадоре. В результате начало «гражданской революции» явило собой фрагмент общего регионального процесса, названного впоследствии российскими политологами термином «левый поворот» или «левый дрейф», обозначающим последовательный приход

¹⁸³ Piatakov A. N. ALBA: evolución y desafíos / A.N.Piatakov // Iberoamérica. – 2011. – №1. – P. 44-55.

к власти левых сил, как радикальных, так и умеренных. В латиноамериканской политологии больше укрепился термин «прогрессивные правительства», а за самим процессом термины «левая волна» (*ola izquierdista*), а также аналогично «левый поворот» («*giro a la izquierda*»). В монументальном труде латиноамериканских авторов «Латиноамериканские левые: от оппозиции к власти» отмечается: «В течение последнего десятилетия путем выборов во многих странах Латинской Америки вышли на первый план партии или политические коалиции, разделяющие в различной степени одни и те же идеологические установки, что помещает их в один ряд левого политического спектра. Их называют и сами себя они идентифицируют в качестве левых, левоцентристских или прогрессивных сил; однако единственное, что их в действительности объединяет, это противопоставление неолиберальной ортодоксии, которой они собираются составить альтернативу»¹⁸⁴. Эквадорская «гражданская революция» органично вписалась в эту антинеолиберальную латиноамериканскую тенденцию начала XXI в., предложив собственные оригинальные решения и ответы на вызовы.

Наконец, третьей ключевой причиной подлинно обновленческих процессов в Эквадоре стали факторы субъективно-психологического плана, сконцентрированные в личности Р. Корреа, яркого харизматичного политика нового типа. Ему удалось очень точно и органично выразить доминирующие в обществе настроения, при этом воплотив чаяния максимально широких слоев населения. Как политик он обладал двумя отличительными характеристиками, не свойственными традиционным политикам. Во-первых, был антиолигархическим политиком, то есть не принадлежал ни к одному экономическому клану и элитной финансовой группировке, не был скомпрометирован участием в «подковерной» борьбе. Во-вторых, был антисистемным политиком, то есть не принадлежал ни к одной традиционной партии и более того, выступал с резкой

¹⁸⁴ Las izquierdas latinoamericanas. De la oposición al gobierno. – Buenos Aires: CLACSO, 2010. – P. 9.

критикой этих партий (так называемой «партократии»). Его политическая карьера не стала инерцией чужих заслуг, он не старался опереться на уже существующие структуры, практически вся структура нового движения Alianza-PAIS была выстроена «с нуля». Эти два качества позволили Корреа воплотить, а затем и возглавить обновленческое движение, выразившее настроения большинства эквадорцев. Обладая чертами универсального человека и по своим личностным характеристикам, и по политическому дискурсу, Корреа в короткие сроки смог стать заметным, а затем и ведущим политиком страны. Безусловно, личностный фактор имеет как положительные, так и отрицательные моменты. Так, критики «гражданской революции» не раз упрекали Корреа в излишнем персонализме и концентрации властных полномочий, а возможность завершения его властных полномочий во многом проблематизирует всю возглавленную им тенденцию.

Таким образом, победа Р. Корреа в 2006 г. стала равнодействующей внутривластных, международных и субъективных факторов, а сам ее факт открыл новую страницу в политической истории Эквадора.

Б) Выход на политическую арену Р. Корреа, формирование нового движения и выборы 2006 г.

После свержения с поста президента Гутьерреса в 2005 г. Эквадор переживал тяжелейший политический кризис, фактически государство находилось в ситуации тотальной неуправляемости. При этом, несмотря на недовольство национально ориентированной буржуазии, страна последовательно продвигалась к подписанию договора о свободной торговле с США. В такой сложной обстановке временный президент Альфредо Паласио назначает молодого и образованного экономиста Рафаэля Корреа Дельгадо министром экономики и финансов, поручая ему одну из самых непопулярных министерских должностей, которая в последние годы подвергалась серьезному осуждению народа, а министры сменялись на этом посту один за другим.

Вскоре после назначения Корреа четко обозначил свою позицию относительно экономики. Он сделал ставку на стимулирование развития производственного, а не спекулятивного сектора, обозначил приоритет выплаты внутреннего государственного долга вместо внешнего и выступил с резкой критикой готовившегося тогда соглашения о свободной торговле между США и Эквадором. Приватизация системы социального страхования, предлагавшаяся Паласио, также подвергалась критике нового министра. Но Корреа не имел тогда ни широкой политической поддержки, ни полномочий, необходимых для претворения в жизнь своих планов.

Вместе с тем стали появляться некоторые признаки роста популярности Корреа, предвестники его дальнейшего политического продвижения. Так, в одном из писем, направленных президенту Паласио 17 мая 2005г., десятки горожан из различных социальных организаций выразили поддержку новому министру экономики и недовольство давлением на него: «Министр Рафаэль Корреа стал единственным министром экономики, кто за двадцать шесть лет демократии поставил все на свои места, заявив, что человек значит больше, чем страновые риски». ¹⁸⁵ (Здесь имелось в виду предложение министра сосредоточиться на выплате внутреннего госдолга, а не внешнего). Также в коллективном письме отмечался прогрессивный характер ряда экономических мер, предложенных Корреа: реформы Стабилизационного фонда по инвестициям и уменьшения государственного долга (Feirep); предложения направить 40% ресурсов на стимулирование производства и создание новых рабочих мест, а 10% - на науку и технологии, здравоохранение и образование (то есть на повышение государственных инвестиций в человеческий капитал); уменьшения оплаты внешнего долга так, чтобы сумма составляла не более 15% от государственного бюджета; создания Трибунала по внешнему долгу, который определил бы все детали задолженности, а также выявил внутренних бенефициариев,

¹⁸⁵ *Kintto L. Rafael Correa, un extraño en Carondelet. – Quito: Planeta, 2007. – P. 40.*

наживавшихся на росте внешнего долга и за заинтересованных в его сохранении и росте. Во внешнеполитическом плане Корреа призывал к установлению стратегического альянса с Венесуэлой как ведущей на региональном рынке нефти страной¹⁸⁶. Все эти инициативы вселили в граждан надежду на перемены, а предложениями Корреа стала обозначаться глубоко гуманистическая стратегия национального развития.

Патриотический по своему содержанию дискурс Корреа подвергался систематическим нападкам со стороны властных групп, в особенности, связанных с финансовым капиталом и держателей долга. Все это способствовало резкой критике в финансово-олигархических кругах, заинтересованных в поддержании статус-кво. Критика была подхвачена частными СМИ и вскоре превратилась в информационную кампанию, направленную против министра в качестве рычага давления, чтобы он быстро оставил свой пост или отказался от своих проектов.

Реакция не заставила себя ждать. В августе 2005 г. Корреа подал в отставку, направив президенту соответствующее письмо, в котором подтвердил, что все его действия всегда были направлены на благополучие страны и защиту национального суверенитета. Таким образом, Корреа пробыл на этом посту только четыре месяца.

Покинув пост министра экономики, Корреа не ушел из большой политики, но, заработав большой политический «капитал» и имидж прогрессивного деятеля, сконцентрировался на создании собственного движения. Он умело использовал организационный опыт других эквадорских социально-политических движений, созданных не «сверху», а «снизу», таких, как «Гражданская инициатива» (Iniciativa Ciudadana) и провенесуэльское

¹⁸⁶ Пятаков А. Н. Социальные миссии Венесуэлы: международный и внутривластный аспекты /А.Н.Пятаков //Латинская Америка. – 2015. – № 4. – С. 86-102.

гражданское движение “Альфаристский боливарианский альянс” (Alianza Bolivariana Alfarista). Новая организация создавалась не на пустом месте.

Ее история восходит к движению за списание внешнего долга «Юбилей-2000» (Jubileo 2000), созданного в 1999 г. Рикардо Патиньо, А. Акостой, Патрисией Давилой и другими будущими соратниками Корреа. «Юбилей-2000» был сугубо академическим и исследовательским движением, объединением оппозиционных ученых-экономистов, искавших альтернативу неолиберальной модели. В дальнейшем к нему примкнул и Р. Корреа, публикуя в совместных монографиях и книгах свои научные изыскания и статьи.

Уже в феврале 2006 г. было сформировано движение Alianza-PAIS в качестве предвыборной платформы для выдвижения Корреа на пост президента, а в апреле того же г. оно было официально зарегистрировано Национальным избирательным трибуналом. Изначально движение носило сугубо электоральный характер. В него входило около тридцати общественно-политических организаций, наиболее значимыми из которых были Социалистическая партия-Широкий фронт (Partido Socialista-Frente Amplio, PS-FA), Новая страна (Nuevo País), Национально-демократическое действие (Acción Democrática Nacional), Гражданская инициатива (Iniciativa Ciudadana), Гражданское движение за новую демократию (Movimiento Ciudadano por la Nueva Democracia), движение Амаута Хатари (Amauta Jatari), Боливарианский Альфаристский альянс, Гражданская власть (Poder Ciudadano), Демократическая альтернатива (Alternativa democrática), Разрыв-25 (Ruptura 25) и другие. Многие из этих организаций были новыми на политической арене Эквадора. Например, Гражданская инициатива возникла в ходе протестов против политики Л. Гутьерреса. Другой особенностью этих организаций было то, что многие из них имели региональный масштаб и были представлены только в отдельных провинциях: та же Гражданская инициатива – в Риобамбе, Национально-демократическое действие – в Оро.

Альянс стал своего рода попыткой объединения этих фрагментированных политических сил на общенациональном уровне и консолидации в единое целое.

Вот как характеризует начальный этап формирования Alianza-PAIS эквадорский политолог Вирхилио Эрнандес: «Все началось с небольшой группы преподавателей и интеллектуалов, которые осознавали необходимость создания политического движения с «собственным лицом»; в то же время были приложены большие усилия для консолидации левых сил и создания широкого левого альянса, способного противостоять кандидатам от правых сил, которые на тот момент имели большие шансы на успех. В организационном плане создавалось базовое национальное ядро развития методом «территориального проникновения», были организованы первые ячейки в провинциях, которые стали продвигать своих кандидатов на уровне кантона и провинции»¹⁸⁷. Движение, вдохновленное прогрессивными инициативами Корреа, предложенными в период его управления министерством экономики, очень быстро росло и находило новых сторонников.

В ходе избирательной кампании движение Alianza-PAIS опубликовало правительственный план, включавший пять программных стратегических направлений: во-первых, созыв конституционной ассамблеи в целях реформирования основного закона страны, во-вторых, приоритет борьбы с коррупцией с привлечение для контроля организаций гражданского общества, в-третьих, прогрессивные экономические преобразования и применение принципов социальной справедливости в распределении доходов от экспорта нефти, в-четвертых, расширение зоны социальной ответственности государства путем увеличения государственных расходов в процентном отношении к ВВП на образование и здравоохранение, наконец, в-пятых, восстановление достоинства и суверенитета Эквадора в отношении международных кредитных организаций,

¹⁸⁷ *Hernández V., Buendía F.* Ecuador: avances y desafíos de Alianza PAIS / V. Hernández, F. Buendía // Nueva Sociedad. – 2011. – №234. – P. 132.

в первую очередь МВФ, осуществлявшего в стране режим долговой зависимости. Каждое направление обозначалось термином «революция» и таким образом предполагалось осуществить пять коренных преобразований: политическую, этическую, экономическую, социальную и внешнеполитическую «революции». По замыслу идеологов Alianza-PAIS, понятие «гражданская революция» было интегральным обобщающим понятием этих пяти частных революций. Эти пункты предвыборной кампании Корреа вызвали широкий резонанс в обществе и сыграли решающую роль к его победе на выборах, став идеологическим фактором роста его популярности.

Политический образ Корреа и его Alianza-PAIS выходили за рамки традиционных политических сил, предложив альтернативный курс развития, соответствующий основным интересам широких слоев населения. Несмотря на то, что политический проект Корреа имел глубокие корни в левой политической традиции социалистического характера, идеологически он в большей степени опирался на христианство, чем на марксизм. С его точки зрения, христианство выходит далеко за рамки сугубо религиозной сферы и способствует поощрению социального равенства – одного из главных ориентиров концепции «социализма XXI века», сторонником которого стал Корреа.

В то время на подъеме находилось антиглобалистское движение, основным лозунгом которого был тезис «Другой мир возможен». Корреа умело подхватил эту протестную волну и использовал антиглобалистскую риторику в предвыборных речах и выступлениях. Ключевым лозунгом его кампании стал слоган «Другой Эквадор возможен». Кроме того, еще до выборов Корреа опубликовал программную статью под названием «Другая экономика возможна», подвергнув резкой критике неолиберальную политику и глобализацию, жертвой которой, по его мнению, становились небольшие страны, схожие по типу развития с Эквадором. В этой статье Корреа дает точный диагноз современного положения в стране и проводит скрупулезный анализ

экономической ситуации: «В течение длительного времени в Эквадоре применялась экономическая политика, основанная на функционировании капитала, прежде всего финансового. Чтобы узаконить данную политику, подвергались деформации такие фундаментальные понятия, как экономическая стабилизация, которая была сведена к простому контролю инфляции, хотя на самом деле это понятие относится к достижению максимального уровня производства и устойчивой занятости в течение долгого времени; сфера экономической политики была ограничена простым налогообложением, осуществляемым с целью увеличения выплаты государственного долга. Эти изменения были направлены на подмену этических принципов, таких, как верховенство человеческого труда над капиталом.

Результаты данной политики были пагубны для страны. Осуществлявшийся на протяжении пятнадцати лет «неолиберальный эксперимент», сопровождавшийся коррупцией в высших эшелонах власти, привел к катастрофическим последствиям. За последние три десятилетия в Эквадоре практически не наблюдалось экономического роста, усилилось неравенство, а также удвоилась безработица по сравнению с экономическими данными начала девяностых, несмотря на массовую миграцию соотечественников за последние годы. Политики держались у власти при помощи обмана и антидемократических действий со стороны их выгодополучателей, при помощи полной поддержки многосторонних международных институтов, ставших кредиторами и проводниками внешней политики многих стран; все это помимо экономического краха также подорвало суверенитет и репрезентативность демократической системы»¹⁸⁸.

Чтобы вывести страну из кризиса в соответствии с национальными интересами и с изменениями, происходившими в регионе, новому главе

¹⁸⁸ Correa R. Otra economía es posible /R. Correa //Acedios a lo imposible. Propuestas económicas en construcción. – Quito: FLACSO, 2005. – P. 69.

государства предстояло принять меры для восстановления практически развалившейся экономики и преодоления критической ситуации в социальной сфере (достаточно сказать, что в 2006 г. 67% эквадорцев жило на грани бедности, а 35% – в нищете)¹⁸⁹. Идеология и программа команды Корреа состояли в максимальном отмежевании от неолиберальной парадигмы, которая привела к тому, что в период с 1980 по 2000 гг. – время "золотой" эпохи латиноамериканского неолиберализма – Эквадор, как и его соседи, претерпел «отрицательный экономический рост» в объеме 14% ВВП¹⁹⁰.

Основными пунктами предвыборной программы Корреа были следующие: отказ от подписания неолиберального по духу соглашения о свободной торговле с США, проведение конституционной реформы и созыв Конституционной ассамблеи (Национального учредительного собрания), создание институтов власти, способных преодолеть политические и социальные проблемы страны. В качестве главного экономического приоритета рассматривалась стабилизация национальной экономики, и для достижения этой цели Корреа обещал принять жесткие меры в плане регулирования банковской деятельности, доходов иностранного капитала, но прежде всего рефинансирования внешнего долга и регулирования цен на продукты первой необходимости¹⁹¹. В качестве антитезы «неолиберальной экономике» Корреа отстаивал новую теоретическую и практическую концепцию, ориентированную на модель так называемой «солидарной экономики», предполагавшую общий экономический консенсус между государством, бизнесом и гражданским обществом.

29 июля 2006 г. Alianza-PAIS официально выдвинул в качестве своих кандидатов Р. Корреа на пост президента и Ленина Морено Гарсеса на пост вице-

¹⁸⁹ *Sánchez J.* ¿A dónde va Ecuador? / J.Sánchez // Revista Patria. – 2013. – №1. – P. 13.

¹⁹⁰ *Korrea P.* Мировая экономика и гражданская революция / Р. Корреа // Латинская Америка. – М., 2009. – №12. – С. 8.

¹⁹¹ El Telégrafo. – Quito, 16.08.2006.

президента. Морено был очень символичной фигурой – человек с сильным характером и волей, являл собой воплощение борьбы против ударов судьбы. Будучи инвалидом, человеком с ограниченными физическими возможностями, он вел активную гражданскую и политическую деятельность: возглавлял администрацию Центрального университета Эквадора, активно участвовал к борьбе за права инвалидов. Морено, выходец из одной из самых бедных провинций Эквадора – Напо, – символизировал близость власти к простому народу.

В ходе предвыборной гонки программа Корреа выглядела самой прогрессивной и радикальной. Его основным соперником стал миллионер, «банановый» олигарх А. Нобoa, баллотировавшийся от партии PRIAN. Он не предлагал фактически никаких изменений и собирался продолжить неолиберальный курс. В этом плане Нобoa представлял собой традиционного политика правого популистского толка. Первый тур выборов, в котором участвовали одиннадцать кандидатов, состоялся 15 октября 2006 г. На нем определились два лидера: Корреа заручился поддержкой 22,5% электората, а Нобoa, опередивший его на четыре пункта, – 26,6%. Ситуация носила крайне поляризованный характер, поскольку во второй тур вышли кандидаты, придерживавшиеся диаметрально противоположных взглядов на будущее развитие страны. Корреа не стал подстраиваться под электорат и продолжил свою линию на кардинальное обновление Эквадора. Это принесло ему победу во втором туре, проведенном через месяц – 26 ноября 2006 г. Эквадорское общество продемонстрировало четкую ориентацию на перемены: за Корреа проголосовало 64,8% электората, а за Нобoa – 35,1% избирателей. В лице Корреа эквадорцы увидели нетипичного и независимого политика, а также человека с высоким уровнем образования.

По вполне резонному замечанию группы эквадорских исследователей, издавших в 2014 г. монументальный труд под названием «Критический взгляд на

правительство Корреа», «первый электоральный триумф Корреа стал продуктом соединения недовольства и социального сопротивления неолиберализму, кроме того – социальных последствий финансового кризиса 1999 г., неспособности управлять экономикой, продемонстрированной предыдущими правительствами, и институциональной дезорганизации государства в целом. Сопротивление народных движений и присутствие левых на политической арене сформировали антиолигархическое массовое сознание у широких слоев населения, что обострило кризис репрезентативности традиционных партий. Поэтому вокруг харизматичного лидера сгруппировались многочисленные социальные слои, бывшие протагонистами борьбы и поднявшие фигуру Корреа в качестве национального лидера...»¹⁹².

Став полноправным и законным хозяином президентского дворца Каронделет, Корреа приступил к последовательному и систематическому исполнению предвыборных обещаний. Задача запланированной трансформации эквадорского общества была чрезвычайно сложной, особенно учитывая инерцию многолетней политической нестабильности и внутреннюю борьбу, фактически парализовавшую государственную власть в предыдущий период. Для того, чтобы преодолеть эти пережитки прошлого, Корреа решил заложить в основу управления новые принципы и начал с создания правительственной команды и административного аппарата, отвечавших прогрессивному характеру намеченных реформ. Корреа не стал идти на компромиссы с правыми партиями и предоставлять им квоты в новом кабинете министров. Это заметно отличало его от традиционно принятой практики непотизма, когда новый кандидат «договаривался» со своими соперниками, предоставляя им рычаги управления. По словам российского политолога М. Л. Чумаковой, «...большую часть министерских постов заняли известные левой ориентацией выходцы из средних городских слоев. Не приемля непотизм, коррупцию и клиентелизм, присущие

¹⁹² Balance crítico del Gobierno de Rafael Correa. – Quito: Universidad Central de Ecuador, 2014.- P. 183.

истеблишменту и госаппарату, Р. Корреа руководствовался идеей меритократии при подборе управленческих кадров»¹⁹³.

Однако следует добавить, что помимо принципа меритократии, Корреа руководствовался антидискриминационным принципом, стремясь предоставить власть представителям тех слоев, которые ранее были исключены из большой политики: приоритет отдавался академической интеллигенции и женщинам-политикам. Так, на ключевые посты министра обороны и министра внешней политики были назначены соответственно Гуаделупе Ларрива и Мария Фернанда Эспиноса. Всего же в правительстве посты министров заняли пять женщин, что указывало на приоритет гендерного равенства в структурах власти. Фернанда Эспиноса ранее занималась экологическими исследованиями, работала в крупных неправительственных организациях экологического профиля, возглавляла различные комиссии при ООН по охране окружающей среды. Г. Ларрива, входившая в руководство Социалистической партии, имела большой педагогический стаж и обладала научной степенью в сфере образования (но на министерском посту она пробыла недолго: всего через несколько месяцев после назначения она погибла в авиакатастрофе, унесшей жизни нескольких членов ее семьи. На ее место была назначена Лорена Эскудеро, получившая степень магистра политических наук в Национальном университете Мехико). В плане обеспечения национально-расового равенства на пост главы министерства культуры был назначен поэт африканского происхождения А. Бедойа. Другой отличительной чертой новой управленческой команды стал интернационализм: многие из ближайшего окружения Корреа были выходцами из соседних стран Латинской Америки, в первую очередь Мексики и Колумбии (как, например, Альберто Акоста).

¹⁹³ Чумакова М.Л. Гражданская революция в Эквадоре / М.Л. Чумакова// Латинская Америка. – 2008. – №3. – С. 34.

Одним из первых решений нового президента стало учреждение нового ведомства: вместо Министерства социального обеспечения было создано Министерство экономического и социального включения (термин «социальное включение» очень популярен в Латинской Америке и составляет антитезу термину «социальное исключение», под которым понимается искусственное выведение за рамки нормальной благоустроенной жизни широких масс населения, лишение их социальных и гражданских прав на достойное существование). Создание нового министерства было очень символичным и благоприятным имиджевым шагом, поскольку демонстрировало эквадорцам решение социальных проблем как приоритет нового курса. Кроме того, органичное сочетание в названии новосозданного министерства «социального» и «экономического» давало понять, что экономические показатели важны для правительства не сами по себе, но только в сочетании с решением назревших социальных проблем: бедности, безработицы, низкого уровня социального и медицинского страхования, упадка образования и др.

В) Созыв Конституционной ассамблеи и проведение политической реформы.

Но главным пунктом повестки реформ и предвыборной кампании Корреа было проведение полномасштабной институциональной политической реорганизации государства. Надо сказать, что здесь новый президент последовал примеру двух других близких по духу и идеологии государств – Венесуэлы и Боливии. Там аналогично глубокая политическая реформа была первой крупной мерой, предпринятой Уго Чавесом и Эво Моралесом. Только после принятия новой Конституции оба лидера шли на проведение реформ в других сферах. В этом смысле у Корреа было на кого ориентироваться: успех и эффективность венесуэльского и боливийского опыта в определенном смысле были залогом и гарантией выбранного Эквадором пути. Буквально в день инаугурации - 15 января 2007 г. – Корреа издал декрет о референдуме по поводу созыва

Конституционной ассамблеи. Тогда же возник временный конфликт между новым президентом и Конгрессом. Законодатели были не согласны с проведением политической реформы и созыва референдума, стремясь всячески воспрепятствовать реализации этих планов в жизнь. Предложение о созыве референдума, требующее одобрения конгресса, всякий раз отклонялось им. Сложилась тупиковая ситуация, и только радикальное вмешательство Национального избирательного трибунала разрешило ситуацию: были отправлены в отставку пятьдесят семь депутатов парламента, в результате чего в конгрессе образовалось большинство, поддерживающее планы политической реформы¹⁹⁴. Вскоре было получено одобрение конгресса, и процесс был запущен.

Примечательно, что идея созыва ассамблеи как альтернативного законотворческого органа не принадлежала самому Корреа, он лишь подхватил и реализовал ее. Но впервые ее высказал А. Паласио на исходе своего временного правления. В созыве Ассамблеи он видел путь выхода из сложившегося институционального тупика. В этом состоит определенная преемственность «гражданской революции» и доказательство того, что она возникла не на пустом месте, но явила собой процесс выхода из сложных противоречий предшествующего периода.

Важно отметить, что представители Alianza-PAIS не выдвигались в конгресс на всеобщих выборах 2006 г. Получение большинства в конгрессе не было главной задачей на тот момент, поскольку на первый план выходило проведение политической реформы, принятие новой Конституции и как следствие проведение новых всеобщих выборов, включая и избрание нового состава законодательной власти. На тот момент Конгресс рассматривался как временный орган, роспуск которого был вопросом времени.

Уже через три месяца с момента первого электорального триумфа Корреа был проведен референдум по вопросу о созыве Конституционной ассамблеи,

¹⁹⁴ El Universo. – Quito, 08.03. 2007.

призванной заложить новые законодательные основы государства. Инициатива властей нашла безоговорочную массовую поддержку: за созыв ассамблеи высказалось подавляющее большинство – 84% избирателей. При этом важно отметить высокую сознательность выбора эквадорцев, поскольку из всех бюллетеней испорченными (нулевыми голосами) были только 6%, что для Эквадора было существенным прорывом вперед (в среднем в предыдущие периоды количество протестных бюллетеней составляло в среднем 20-30 процентов)¹⁹⁵.

Идея созыва ассамблеи нашла поддержку и ведущей индейской организации CONAIE, которая призывала к этому шагу уже более десяти лет. Таким образом, индейское сообщество превращалось в мощный консолидирующий фактор и было залогом внутривнутриполитического спокойствия и планомерного хода предполагаемых реформ. Если подытожить общую картину социальной базы Корреа, то в нее входили следующие социальные слои: большая часть индейского населения, крестьянские общественные организации, широкие слои творческой, в первую очередь, академической интеллигенции, ведущие профсоюзы, студенческие движения и организации, часть представителей традиционных левых организаций (в первую очередь Коммунистической и Социалистической партий), городские слои с низким и средним достатком. В оппозиции, подчас непримиримой, к процессу «гражданской революции» оказывались влиятельные финансово-олигархические группы, владеющие ведущими средствами массовой информации; крупная буржуазия, ориентированная на экспорт; часть населения со средним и высоким достатком, представители бизнеса и частного сектора. Следовательно, с началом «гражданской революции» Эквадор вступил в фазу острой политической поляризации, обозначились два полюса, один из которых притягивал бедное большинство и людей, сочувствующих ему (прогрессивную интеллигенцию), а с

¹⁹⁵ Jaramillo-Jassir M. La revolución democrática de Rafael Correa. Bogotá: Universidad de Rosario, 2008. – P. 20.

другой – класс традиционных крупных собственников, которые всегда имели своих представителей во власти и не собирались просто так отдавать власть в руки нового большинства, плюс привилегированную верхушку средних слоев.

В сентябре 2007 г. состоялись выборы во временный законодательный орган. По итогам этой третьей за год электоральной процедуры сторонники Alianza-PAIS получили 80 из 130 мест, а количество проголосовавших за них составило 70% электората. Из общего числа депутатов 24 избирались на общенациональном уровне, 100 – от провинций и шесть от эквадорцев, живущих за пределами страны (по два депутата от представителей эмиграции в США, Латинской Америке и Европе). При этом выборы были отмечены максимальным в истории Эквадора количеством кандидатов. Их общее число составляло 496 (26 – национальных, 428 – провинциальных и 44 – от эмиграции)¹⁹⁶. Таким образом, удалось добиться максимального представительства эквадорского электората. Особо важно отметить, что к голосованию были привлечены кандидаты от эмигрантов. Этим власти стремились подчеркнуть, что Эквадор не является разделенной нацией, и все этнические эквадорцы, даже находящиеся за границей, причастны к этому важному моменту в истории государства. Объективно это – серьезный шаг по пути продвижения к реальной демократизации избирательной системы.

Из результатов голосования видно, что сторонники «гражданской революции» сохраняли уверенное превосходство над своими соперниками на протяжении всех трех случаев голосования. Через два месяца, в декабре 2007 г., Национальная конституционная ассамблея приступила к работе, а старый конгресс был распущен. Примечательно и символично, что местом работы ассамблеи выбрали не столицу Кито, а небольшой городок Монтекристи в провинции Манаби – место рождения лидера Либеральной революции и национального героя Эквадора Элоя Альфаро. Тем самым народу давалось

¹⁹⁶ El Universo. – Quito, 04.09.2007.

понять, что центр принятия решений смещается из традиционных «политических столиц» - Кито и Гуаякиля, и «слово предоставляется» провинциальным жителям, обычно исключенным из процесса принятия важных государственных решений. Это очень демократичный шаг доброй воли, призванный показать близость новой власти к простому народу, а не к элите и финансовой олигархии.

Параллельно с роспуском Конгресса и началом работы Ассамблеи были предприняты другие важные шаги уже в рамках экономической и административной политики. Во-первых, была отменена автономия Центрального банка и он был подчинен напрямую правительству. Президент же получал право назначать нового главу Центробанка. Эта мера была направлена на то, чтобы поставить ведущий финансово-экономический орган под государственный контроль и не допустить волюнтаризма в принятии стратегических решений. Это означало также явный отход от одного из базовых принципов «вашингтонского консенсуса» – «независимости» центральных банков латиноамериканских стран от своих правительств.

Во-вторых, была проведена территориально-административная реформа, направленная на уменьшение автономии провинций и усиление федеральной власти. В рамках данной реформы произошло территориальное переформатирование Эквадора: было учреждено семь автономных регионов (округов) и три округа федерального значения - Кито, Гуаякиль и Галапагосы (последний наделялся специальным экологическим статусом и находился под особым контролем власти, что также имело наряду с природоохранным аспектом и международный: давние притязания США на архипелаг не составляли секрета). Все эти шаги имели целью укрепить исполнительную власть и создать основу для ее стабильного функционирования в увязке с созданием институциональных предпосылок укрепления суверенитета страны.

Главой ассамблеи стал Альберто Акоста Эспиноса, эквадорский политик и экономист левых взглядов. Он принимал активное участие в разработке

правительственной программы и считался одним из ведущих идеологов «гражданской революции». Акоста, будучи основателем в 1995 г. индейского движения RASNAKUTIK, пользовался большим влиянием и авторитетом среди индейских организаций, поэтому его назначение выглядело вполне логичным и оправданным. Это было знаком того, что новые власти открыты диалогу и готовы прислушаться к мнению индейских общин, в отношении которых ранее проводилась дискриминационная политика, не позволявшая им влиять на принятие стратегических решений. Но продержаться на высоком посту Акоста смог только до окончания процесса выработки окончательного варианта Конституции. Затем из-за возникших разногласий с властью он ушел в отставку. В частности, он был не согласен с продолжением работы Учредительной ассамблеи в качестве полноценного законодательного органа после конституционного процесса. Также он был против решения о предоставлении амнистии экс-президенту Густаво Нобоа. Помимо этого, он не нашел согласия со своими оппонентами по поводу максимального расширения прав индейцев, в частности в том, чтобы общины могли выступать инициаторами лишения лицензий тех добывающих кампаний и фирм, которые нарушают экологические условия жизни этих общин. Покинув ассамблею, Акоста перешел в «мягкую» оппозицию власти, организовав политическое движение «Монтекристи живо» (Montecristi Vive – название явно перекликается с именем-девизом повстанческого движения 80-х гг. Alfaro Vive – «Альфаро жив»). Бывший лидер ассамблеи занялся академической и исследовательской деятельностью и стал критиковать власти с позиций левого радикализма и аутентичного индихенизма. Его преемником во главе ассамблеи в июне 2008 г. стал Фернандо Кордеро Куэва, ранее мэр города Куэнка, архитектор по образованию. Именно он довел дискуссию по поводу окончательного варианта текста Конституции до логического завершения. Впоследствии за Кордеро закрепится законодательное лидерство: абсолютным большинством его изберут президентом Национальной

Ассамблеи на 2011-2013 гг. А в период в 2014 по март 2016 г. он займет ответственную должность министра обороны.

Конституционная ассамблея стала инновационным законотворческим органом в политической структуре Эквадора. Раньше никогда ни один состав конгресса, носившего по своей природе сугубо элитарный и корпоративный характер, не характеризовался столь широким представительством социальных индейских и крестьянских движений. В этом смысле ассамблея воплощала одну из ключевых идей и идеалов «гражданской революции» о партисипативной демократии, демократии участия – таком политическом режиме, когда властные структуры бы формировались при активном участии снизу, со стороны гражданского общества, а не представляли интересы элитных финансовых групп.

Конституционная ассамблея приступила к своим обязанностям 29 ноября 2007 г., и первыми решениями были установлены регламент, процедуры и полномочия нового органа. Важно отметить, что, помимо своих прямых функций по выработке текста конституции, ассамблея выполняла полноценные текущие законотворческие функции. Для этого был создан специальный инструмент принятия решений – так называемый «конституционный приказ» (*mandato constituyente*)¹⁹⁷. При этом по степени обязательности к исполнению приказы ассамблеи приравнивались к декретам президента, что означало выстраивание паритетных отношений между новой законодательной и исполнительной властью.

Ассамблея имела следующую структуру: главным рабочим инструментом был пленум, его работу организовывала управленческая комиссия (*comisión directiva*), пленум принимал законы и утверждал варианты текста конституции. Главными структурными элементами Ассамблеи, занимавшимися выработкой текста конституции, были «конституционные столы» (*mesas*

¹⁹⁷ *Salgado Pesantes H.* El proceso constituyente en Ecuador. Algunas reflexiones. México: UNAM, 2012. Available at: <http://biblio.juridicas.unam.mx/libros/6/2728/11.pdf> (accessed 10.04.2016)

constituyentes), в каждый из которых входило по тринадцать депутатов. Было определено три основных источника, которые могли представлять тот или иной закон на рассмотрение ассамблеи. Во-первых, такими полномочиями обладал президент республики; во-вторых, проект закона мог быть инициирован группой депутатов ассамблеи, составлявшей не менее 5% от общего состава; в-третьих, проект мог быть представлен группой граждан, количественный состав которых должен был быть не менее 0.1% от электората, принявшего участие в избрании ассамблеи. Таким образом, процедурные механизмы законотворчества были максимально ориентированы на стимулирование участия гражданского общества и широких масс в разработке новых законов. Третий механизм позволял практически любой общественной организации представить свой проект закона на общее рассмотрение ассамблеи.

В период деятельности ассамблеи параллельно с разработкой текста конституции было принято около двух десятков основополагающих законов стратегического характера, среди которых закон о водных ресурсах и использовании воды, ограничивающий политику приватизации водных источников (*Ley de Recursos Hídricos, Usos y Aprovechamiento del Agua*); Законы о высшем образовании, культуре и спорте, направленные на расширение доступа к образовательным и спортивным услугам (*Leyes de Educación, Educación Superior, de Cultura y el Deporte*); Закон о регулировании государственной службы (*Ley de Servicio Público*); Закон о средствах массовой информации, придающий стратегический статус государственным СМИ и обозначающий ответственность частных информационных ресурсов (*Ley de Comunicación*); Закон о государственной прокуратуре (*Ley de Defensoría Pública*), вводящий более строгий контроль над процедурами прокурорского расследования (*Ley de Defensoría Pública*); Закон о территориальной децентрализации и системе компетенций различных уровней правительства (*Ley de Descentralización Territorial de los distintos niveles de gobierno y sistema de competencias*); Закон об

уголовной ответственности военных и полиции (Ley Penal y de Procedimiento Penal en materia Militar y Policial), вводящий более строгий регламент правонарушений, совершенных представителями армии и полицейскими (Ley Penal y de Procedimiento Penal en materia Militar y Policial); Закон о регулировании общественной и государственной безопасности (Ley que Regule la Seguridad Pública y del Estado)¹⁹⁸. Из этого списка принятых законов видно, что законотворческая деятельность ассамблеи была направлена на усиление роли государства в регулировании правового поля эквадорского общества, на повышение ответственности силовых структур и обеспечение оптимального и более универсального доступа к базовым ресурсам и услугам (образованию, воде, культуре и др.). Целью столь высокой активности ассамблеи было обеспечить правовую основу преобразований еще до вступления в силу нового основного закона. Таким образом, власть действовала с опережением, и процесс общественного переустройства был начат еще до того, как новая конституция вступила в силу. Данные законы как бы обозначали контуры предстоящих сдвигов, которые более фундаментально и глубоко будут проработаны в новом Основном законе.

Что касается процесса разработки текста Конституции, то этими вопросами занимались десять «конституционных столов», разделенных по следующим темам: 1) фундаментальные права и конституционные гарантии; 2) социальные организации, гражданское участие и системы репрезентации; 3) структуры и институты государства; 4) территориальная организация и распределение компетенций; 5) природные ресурсы и биоразнообразие; 6) труд, производство и социальное включение; 7) стратегия развития; 8) справедливость и противодействие коррупции; 9) независимость и международные отношения; 10) законодательство и налогообложение. Каждый из «столов» должен был разработать проект соответствующего раздела будущего основного закона.

¹⁹⁸ Available at: <http://constituyente.asambleanacional.gov.ec> (accessed 23.08.2017).

Изначально планировалось, что ассамблея будет работать в течение 180 дней, однако ввиду острых дискуссий и дебатов срок работы был продлен еще на шестьдесят дней. Окончательный текст Конституции был готов к 24 июля 2008 г., а на следующий день он был представлен общественности и передан в Высший избирательный трибунал для определения даты референдума. Но прежде чем отдать Конституцию на суд эквадорцев, было проведено внутреннее голосование депутатов. За текст основного закона проголосовало 94 депутата, то есть его поддержала даже оппозиция, что указывало на максимально демократичный характер нового закона, удовлетворяющего интересы широких слоев эквадорского общества. Более подробно и развернуто основное содержание Конституции Монтекристи будет рассмотрено ниже, здесь же остановимся на конституционном референдуме, ставшем финальным этапом процесса политической реформы.

Из всех предыдущих кампаний эта была самой острой и полемичной. Первоначально Верховный избирательный трибунал назначил дату проведения референдума на 13 августа 2008 г., но депутаты ассамблеи сочли столь близкую дату поспешностью. По их замыслу должен был пройти достаточный срок, чтобы граждане могли в спокойной обстановке ознакомиться с текстом и вынести квалифицированное и ответственное решение. Помимо этого, власти планировали провести полномасштабную агитационную кампанию, чтобы в полной мере разъяснить эквадорцам преимущества Конституции Монтекристи. В итоге под давлением ассамблеи Трибунал перенес сроки референдума на 28 сентября 2008 г.¹⁹⁹.

Кампанию «за» конституцию возглавили президент Р. Корреа и правительственное движение Alianza-PAIS. В агитацию за Конституцию Монтекристи включились и многие социально-политические движения страны и даже традиционные политические партии: Левая демократическая, Эквадорская

¹⁹⁹ El Universo. – Quito, 15.06.2007.

Рольдосистская, Социалистическая, индейское движение RACHACUTIK, часть сторонников Коммунистической партии, Левая радикальная партия (MIR) и другие. Такая широкая поддержка традиционных игроков являлась показателем того, что Конституция отражает интересы не только собственно сторонников «гражданской революции». Вот как характеризует агитационную кампанию Корреа видный эквадорский политолог Адриан Лопес, член исследовательской группы Латиноамериканского института по социальным наукам (FLACSO): «Кампания за ДА, без сомнения, находилась под контролем правительства и администрировалась им. Стиль кампании был жесткий и агрессивный. Те, кто не были ЗА, назывались сторонниками олигархии и партократии. Президентский дискурс строился на следующей поляризации: ДА = перемены, НЕТ = статус кво. А голос ЗА подавался как признак поддержки не только Конституции, но и Гражданской революции и лично Корреа»²⁰⁰. Данная критическая оценка по своему отражает ту ситуацию и атмосферу, но представляется не вполне справедливой. Фактически на референдум было вынесено будущее страны, и вести кампанию в мягком стиле означало бы обречь референдум на провал. Поэтому, на наш взгляд, форма агитации и подачи информации была адекватной текущему политическому моменту и полностью оправданной.

Позиция ведущего индейского движения CONAIE, от которого многое зависело, была сформулирована как “критическое ДА” (Sí Crítico)²⁰¹. Она заключалась в том, что индейцы в целом поддерживали прогрессивный характер Конституции, но параллельно высказывали несогласие с официальным курсом нового правительства. По их мнению, индейское сообщество было недостаточно представлено во власти и наделено недостаточными полномочиями.

Кампания против Конституции была возглавлена мэром Гуаякиля Хайме Неботом, бывшим соперником Корреа на президентских выборах. Кроме того,

²⁰⁰ López A. Análisis del Referéndum Constitucional 2008 en Ecuador //Iconos. Revista de Ciencias Sociales. – Num. 33. – Quito, 2009. – P. 15.

²⁰¹ Ibidem.

агитацию «против» поддержали ведущие представители католической церкви, в частности монсеньор Антонио Арреги – глава гуаякильского архидиоцеза, связанного с правой католической организацией Opus Dei. Аналогичная агитация с упором на морализаторство проводилась в евангелистских общинах Гуаякиля. В Амазонии компанию против Конституции развернула Партия Патриотическое общество во главе с экс-президентом Л. Гутьерресом. Также на стороне оппозиции вполне ожидаемо оказались ведущие частные телевизионные каналы, радиостанции и газеты. Борьба была очень напряженной и острой.

Референдум, как и планировалось, прошел 28 сентября 2008 г. в спокойной обстановке. К его проведению были допущены международные наблюдатели, в частности представители Центра Картера, которые бдительно следили за соблюдением демократических процедур. Избирательный трибунал долго держал страну в ожидании. Окончательные результаты были опубликованы только спустя две недели после референдума – 13 октября 2008 г.

В итоге на референдуме большинство голосов получила позиция «ЗА». В поддержку Конституции Монтекристи проголосовало 4,7 миллиона эквадорцев, что составило 63,9% голосов. Против конституции проголосовало 28,1%. Испортили свои бюллетени (так называемые нулевые голоса) 7,2% избирателей. По итогам референдума позиции власти значительно укрепились, а ее электоральная база увеличилась на 1,2 миллиона избирателей, что свидетельствовало о росте популярности проводимой политики. Сторонники новой конституции набрали большинство даже в Гуаякиле, где проводилась самая мощная оппозиционная агитация, хотя перевес здесь был самый небольшой по сравнению с остальными провинциями. Так, за конституцию проголосовало 46,9% гуаякильцев, а против – 45,7%²⁰².

²⁰² Tribunal Supremo Electoral. Available at: <http://app.tse.gov.ec/resultadosrefe2008/> (accessed 12.07.2018).

Спустя четыре дня после подведения итогов референдума, 20 октября 2008 г., Избирательный трибунал опубликовал текст нового Основного закона, и конституция вошла в силу. Трибунал объявил также о назначении очередных всеобщих выборов на 26 апреля 2009 г. Этого требовал новый конституционный порядок. Начался трехмесячный переходный период. В этот период велась подготовка к выборам, но кроме этого шел процесс снятия полномочий со старых органов власти. Так, Высший избирательный трибунал был расформирован, а вместо него создан Национальный избирательный совет (Consejo Nacional Electoral). Внутри Конгресса была создана специальная переходная комиссия, в которой большинство (46 из 76 депутатов) заняли представители Alianza-PAIS. Комиссия должна была подготовить передачу законодательной власти новому органу – Национальной ассамблее, состав которой должен был определиться на предстоящих всеобщих выборах.

С принятием новой конституции было создано правовое поле и юридический инструмент собственно «гражданской революции». Процесс преобразований получил прочный конституционный фундамент. С момента вхождения в силу нового Основного закона завершилась стадия подготовки правовых предпосылок и начался новый этап «гражданской революции».

§2. Конституция Монтекристи и идеология «Buen Vivir»:

теория и практика

В данном параграфе мы остановимся на анализе принятой в 2008 г. Конституции и концепции «Buen Vivir» как основного идеологического ядра «гражданской революции», теоретически и юридически оформленного в тексте Основного закона. В конце параграфа мы постараемся показать, в какой степени удалось реализовать данную концепцию в жизнь, как основные ее положения воплотились в реальных социально-экономических результатах.

А) Конституция 2008 г. как эквадорский вариант «нового конституционализма» в Латинской Америке.

Конституционные преобразования в Эквадоре стали неотъемлемым элементом политико-правового процесса, который в современной латиноамериканской политологии называют «новым конституционализмом» или «неоконституционализмом». Авторы монументального научного труда «Исследования нового латиноамериканского конституционализма» так характеризуют этот феномен: «Определяющим элементом актуальных процессов латиноамериканской политической эмансипации является использование права, особенно конституционного, как инструмента освобождения. Оригинальный конституционный процесс есть точка отсчета поиска решений по преодолению системного кризиса, кристаллизовавшегося в Латинской Америке в конце XX века, и представляет собой общий фактор, ту нить, которая связывает воедино и унифицирует историю революционных процессов, которые в партисипативно-демократической форме произошли в регионе начиная с 1998 г. в Венесуэле, а затем последовательно распространились в Боливии и Эквадоре»²⁰³. В самом деле, во всех трех странах последовательно были проведены конституционные

²⁰³ Fiallo Monedero L., Zalvidar Rodríguez A. Un nuevo constitucionalismo para el proyecto de emancipación latinoamericana // Estudios sobre el nuevo Constitucionalismo Latinoamericano. – Valencia, 2012. – P. 197.

реформы и приняты новые Конституции (в Венесуэле в 1999 г., в Эквадоре в 2008 г., в Боливии в 2009 г.). Во всех трех случаях сценарий проведения правовых преобразований и доминирующий правовой тон новых конституций схожи, что позволяет говорить о глубокой взаимосвязи и типологической идентичности венесуэльской, эквадорской и боливийской реформ. Анализируя схожие черты новых Конституций в этих странах, авторы вышеупомянутого исследования приходят к выводу о том, что терминологическое и правовое ядро всех трех Основных законов во многом совпадает и концентрируется вокруг следующего комплекса понятий: «единство, социальная включенность, достоинство, свобода, солидарность, взаимность, уважение, дополняемость, гармония, открытость, равновесие, равенство возможностей, социальное и гендерное равноправие в участии, всеобщее благополучие, ответственность, социальная справедливость, равномерное распределение продуктов и социальных благ, демократия, социальная ответственность, верховенство прав человека, политический плюрализм»²⁰⁴.

Конституция создавалась при тесном сотрудничестве и взаимодействии с гражданским обществом. В частности, Национальным советом по высшему образованию (CONESUP), в работе которого участвовала академическая интеллигенция, были выдвинуты ключевые инициативы, которые впоследствии нашли отражение в тексте Конституции. Доклад, разработанный этой организацией, некоторые авторы квалифицируют в качестве одного из интеллектуальных «источников» нового закона²⁰⁵. В частности, по проекту CONESUP конгрессу предоставлялось право объявления импичмента президенту, но с соблюдением двух важнейших условий. Отстранение от должности главы государства должно было сопровождаться, во-первых, самороспуском конгресса, во-вторых, назначением новых выборов как

²⁰⁴ Villabella Armengol C. El derecho constitucional del siglo XXI en Latinoamérica: un cambio de paradigma // Estudios sobre el nuevo Constitucionalismo Latinoamericano. – Valencia, 2012. – P. 66.

²⁰⁵ Jaramillo-Jassir M. La revolución democrática de Rafael Correa. – P. 20.

президента, так и парламента. Эта мера была направлена на создание сбалансированной системы взаимодействия между исполнительной и законодательной властями. Многие упрекали Корреа в том, что он собирается создать вертикаль власти «под себя», но данная процедура отзыва президента, находящаяся в компетенции конгресса, была призвана поставить обе ветви власти в равные условия взаимозависимости. Ничего подобного в предшествующей истории Эквадора не было, поскольку конгресс имел безусловное право лишения полномочий президента. С одной стороны, введение таких условий можно рассматривать как ограничение прав конгресса, но в реальности это означало создание более устойчивой системы, ввиду того, что конгресс начинал нести прямую ответственность за столь кардинальное решение. Ранее конгресс просто отстранял президента и продолжал функционировать в прежнем режиме, назначая на освободившееся место либо вице-президента, либо главу парламента (как было в случае отставки А. Букарама и Л. Гутьерреса). Кроме этого, авторы доклада CONESUP предлагали провести реформатирование конгресса – создать вместо однопалатного парламента двухпалатный. Верхняя палата состояла бы из тридцати депутатов национального значения, а нижняя – выбираемая из регионов – из семидесяти. Но данное предложение не нашло отражения в новой Конституции, поскольку сам демократический характер «гражданской революции» диктовал принципиально иной подход и заключался в более радикальной реформе законодательной власти. По замыслу сторонников Корреа, конгресс вообще должен был перестать существовать в своем прежнем виде, а его место должен был занять более открытый институт Учредительного собрания, в период создания новой конституции функционировавший в формате Конституционной ассамблеи, а впоследствии плавно переименованной в Национальную ассамблею. Новый законодательный орган стал однопалатным, избираемым прямым голосованием, в составе 137 депутатов.

Текст действующей Конституции Эквадора считается самым длинным из всех конституций мира. Он содержит 444 статьи и разделен на девять глав. Стоит перечислить названия глав и дать их краткую характеристику, поскольку они наглядно демонстрируют инновационность Конституции и принципиально новаторский ее характер.

В первой главе **«Конституционные элементы государства»** сформулированы фундаментальные принципы, на которых базируется политический процесс «гражданской революции». Первая статья Конституции провозглашает, что Эквадор – «правовое, социальное, независимое, унитарное, межкультуральное, многонациональное и светское государство»²⁰⁶. В качестве фундаментального принципа провозглашен неотчуждаемый и неотъемлемый характер невозобновляемых природных ресурсов, которыми располагает территория государства Эквадор. Такая фиксация в первой статье Основного закона ярко свидетельствует о стратегическом значении для государства и экономики природных ресурсов, особенно нефти как базовой экономической основы функционирования эквадорского государства.

Вторая глава называется **«Права»**. В ней описан широкий спектр гражданских прав таких социальных групп, как молодежь, трудящиеся, беременные женщины, дети и престарелые, инвалиды, больные неизлечимыми болезнями и др. Провозглашены права на здравоохранение, свободу слова и выражения, передвижения, социальной защиты и др. Отдельный параграф посвящен описанию такого нового типа прав, как «права природы», и этот элемент Конституции говорит о том, что она имеет акцентированное экологическое содержание и направлена на сохранение окружающей среды.

²⁰⁶ Available at: http://www.asambleanacional.gob.ec/sites/default/files/documents/old/constitucion_de_bolsillo.pdf (accessed 06.03.2016).

В третьей главе **«Конституционные гарантии»** приводится перечень обязательств, которое берет на себя государство для обеспечения гражданской безопасности и стабильного существования граждан.

В четвертой главе **«Участие и организация власти»** осуществляется переход к описанию базовых государственных институтов и форм гражданского участия в формировании государственных институтов. Определен статус и формы деятельности общественных организаций и политических партий. В плане политической системы Конституция Монтекриси идет дальше традиционного разделения властей и в дополнение к трем обычным ветвям власти устанавливает две дополнительные ветви власти, формально равноправные с исполнительной, законодательной и судебной. Этими новыми ветвями власти становятся электоральная и гражданская. Институционально их воплощают два новых государственных органа: Национальный избирательный совет и Совет по гражданскому участию и общественному контролю. Национальный избирательный совет функционировал и до принятия Конституции, но в новом варианте Основного закона ему придан высший статус. Это свидетельствует о том, что электоральные процессы рассматриваются в качестве фундаментальных процессов государственного строительства и источника демократической государственной власти.

Также в этой главе определены функции и полномочия высшего законодательного органа – Национальной ассамблеи. Выборы депутатов проводятся раз в четыре г. Определен порядок и регламент избрания в Национальную ассамблею: в нее избирается по два депутата от каждой провинции и по одному представителю от двухсот тысяч избирателей этих провинций (если же электорат провинции составляет менее 150 тысяч, то выдвигается только один депутат). Общий количественный состав электората в провинциях определяется на основании переписи населения, которую государство обязано проводить не реже чем один раз в десять лет. Руководящий

состав Национальной ассамблеи (председатель и его заместители) выбираются один раз в два г. Также в этой главе определен порядок образования фракций: их могут формировать партии, располагающие не менее чем десятью парламентских мест в Национальной ассамблее. Партии с меньшим представительством могут только присоединиться к уже сформированным фракциям. Право выдвинуть свою кандидатуру в депутаты имеют эквадорцы по рождению в возрасте не менее двадцати пяти лет. Эта норма направлена на омоложение контингента, участвующего в эквадорском политическом процессе.

Здесь же обозначена компетенция других политических органов и контрольных служб, таких, как прокуратура, суды всех уровней и др.

В параграфе «*Функции исполнительной власти*» обозначен регламент функционирования и избрания президента и правительства. В Конституции Монтекристи сделан сильный акцент на исполнительной власти, которой предоставляются дополнительные полномочия. Особенно усилен институт президентства. Так, лидер государства по Конституции играет решающую роль в выработке и определении экономической политики государства, в частности монетарного, кредитного и валютно-финансового курсов. Ранее за эти сферы отвечал Центральный банк Эквадора, компетенция которого новым Основным законом весьма ограничена и сведена к осуществлению валютно-денежных операций. Также президент получил право роспуска парламента, правда не во всех случаях, а только, когда депутаты нарушат исполнение стратегического документа государства – Национального плана развития (статья 148), а также в условиях «серьезного политического кризиса и внутреннего противостояния»²⁰⁷. Лидер государства может воспользоваться этой крайней мерой только один раз за период исполнения президентских полномочий и не позднее чем за год до истечения срока мандата.

²⁰⁷ Available at: http://www.asambleanacional.gob.ec/sites/default/files/documents/old/constitucion_de_bolsillo.pdf (accessed 06.03.2016).- P. 88.

Президенту по конституции предоставлено право издания экстренных декретов, имеющих силу закона. Причем декреты в исключительных случаях могут издаваться без утверждения парламентом. Такой режим исполнительной власти действует в случае политического кризиса или роспуска парламента. Также президент имеет право на формирование кабинета министров без согласования кандидатур в Национальной ассамблее, вправе упразднить действующие министерства или создавать новые (Статья 151). В целом институт президента по новой Конституции играет центральную и определяющую роль как во внутренней, так и во внешней политике. Это дает ряду политологов основание квалифицировать политическую систему Эквадора как суперпрезидентализм, при котором ветви власти формально равноправны, но де-факто ведущая роль остается за исполнительной властью и президентом как ее главой.

Пятая глава «**Территориальная организация государства**» посвящена принципам территориального деления страны и построению системы субординации внутри государства. Обозначены полномочия и компетенция местных органов власти. Основными структурными единицами Эквадора являются регионы, провинции, кантоны и сельские общины. Специальным территориальным статусом наделены острова Галапагос и места концентрации индейского населения, в частности Амазония. Они находятся под особым государственным контролем и наблюдением центральных органов власти.

В шестой главе «**Режим развития**» обозначены основные методы и принципы действия властей по обеспечению экономического и политического развития государства, сформулированы цели общенационального развития и пути их достижения. В качестве стратегических целей фигурируют улучшение качества и продолжительности жизни, повышение возможностей населения, построение справедливой и демократической системы, основанной на справедливом и равномерном распределении ресурсов (статья 276).

Седьмая глава называется «**Режим Достойной жизни (Buen vivir)**», и в ней освещаются социальные приоритеты государственного развития. Продвижение процесса социальной включенности и обеспечение социального равенства выступают здесь главными принципами «гражданской революции». Провозглашается приоритет государства по обеспечению интегральной защиты всех слоев населения вне зависимости от их экономического положения и статуса. В этой главе очерчен спектр обязательств, которые берет на себя государство в таких сферах, как образование, здравоохранение и социальная защита, жилищное строительство и обеспечение граждан достойным жильем и др. Также сформулирована культурная политика государства, ориентированная на синтез культур в многонациональном государстве. Особое место здесь уделено раскрытию такого понятия, как «свободное время». Провозглашается индивидуальное и коллективное право на «свободное время» как условие саморазвития и самосовершенствования граждан Эквадора (статья 382). Отдельным параграфом сформулирована государственная экологическая стратегия, направленная на повышение биоразнообразия природы и защиту окружающей среды (статья 395).

Восьмая глава Конституции посвящена **международной политике**. В ней провозглашаются основные принципы внешнеполитической деятельности Эквадора и обозначены главные векторы и приоритеты внешней политики государства. В статье №416 говорится, что отношения Эквадора с международным сообществом должны отвечать интересам эквадорского народа, то есть внешняя политика ставится в зависимость от внутренней. Главным международным принципом провозглашается независимость и юридическое равенство государств, мирное сосуществование и самоопределение народов. Эквадор как небольшое государство тем самым старается защитить себя от внешнего влияния крупных сил на международной арене, строя свою политику на принципе общего равноправия. В той же статье Конституции осуждается

любая форма империализма, колониализма или неоколониализма и признается право народов на сопротивление и освобождение от любой формы давления. В плане региональной политики Эквадор продвигает и стимулирует интеграционные процессы в Андском регионе, Южной Америке и Латинской Америке в целом.

Здесь целесообразно в качестве иллюстрации основных положений Конституции осветить основные внешнеполитические достижения Эквадора в период «гражданской революции». Поскольку внешняя политика не является предметом нашего исследования, остановимся лишь на наиболее ярких моментах.

Особую активность на региональной арене международных отношений Эквадор проявлял в период с 2009 по 2013 гг. В 2009 г. он вступил в «Боливарианский альянс» (ALBA) и стал тесно сотрудничать с Венесуэлой, Боливией и Кубой. Все эти страны стояли на общей политической платформе, поэтому присоединение Эквадора к ALBA было логичным и прогнозируемым шагом. Кроме того, лично Р. Корреа до вступления в ALBA был экономическим советником альянса и инициатором введения в действие внутрирегиональной валюты SUCRE, призванной защитить экономический суверенитет стран альянса. Наряду с этим Эквадор принимал активное участие в развитии других региональных объединений – таких, как UNASUR и CELAC. Страна стала вести суверенную и независимую внешнюю политику, демонстрируя свой выход из орбиты североамериканских интересов. Достаточно сказать в этой связи о факте закрытия военной базы США в Манте. На законных основаниях Корреа принял решение не продлевать с Пентагоном соглашение об аренде этой базы. Ранее Эквадор отказался заключать с США соглашение о создании зоны свободной торговли. В предвыборной кампании Корреа в 2006 г. этот пункт был одним из важнейших внешнеполитических обещаний будущего президента. В 2012 г. очень смелым и независимым шагом стало предоставление политического

убежища Д. Ассанжу. Пойдя вразрез с политикой США, Эквадор укрыл Ассанжа от судебных преследований в своем посольстве в Лондоне. Кито продемонстрировал способность проводить самостоятельную внешнеполитическую линию без оглядки на мнение таких держав, как США и Великобритания. С нашей точки зрения, данные моменты внешнеполитического курса «гражданской революции» представляют собой наиболее наглядные примеры того, как Эквадор воплощает в жизнь международную линию, провозглашенную в Конституции.

Возвращаясь к обзору Конституции Монтекристи, перейдем к заключительной главе текста – «**Верховенство Конституции**». В ней подводится общий итог провозглашенных принципов и обозначается верховный юридический статус текста Конституции над всеми остальными подчиненными ей законами. В случае противоречия между ними прерогативой разрешения ситуации наделяется Конституционный суд, который позиционируется как высший контрольный орган, имеющий право интерпретировать Конституцию и осуществлять контроль за ее исполнением (статья №429). В состав Конституционного суда входит девять судей со сроком полномочий в девять лет. Судьи не могут быть переизбраны повторно после истечения срока их полномочий. Каждые три г. может быть обновлена треть состава Суда (статья 432). Одним из условий, которым должен отвечать судья, является то, что человек, претендующий на эту должность, не должен в течение десяти лет до избрания иметь партийную принадлежность или состоять в каком-либо политическом движении. Таким образом, внепартийный статус судей направлен на обеспечение независимого характера деятельности суда, беспристрастной оценки им исполнения основного закона Эквадора.

После принятия Конституции в 2008 г. она подвергалась редактированию дважды: на общенациональном референдуме в 2011 г. и путем внесения поправок

в декабре 2015 г. Оба случая изменения основного текста будут рассмотрены ниже, поэтому здесь мы не будем подробно останавливаться на них.

Подводя итог рассмотрения Конституции Монтеристи, можно выделить несколько важных моментов относительно ее характера. Во-первых, она носит инновационный юридический характер. В ней провозглашен широкий спектр политических, экономических и даже экологических («права природы») прав, которые ранее не фигурировали в тексте Основного закона. Во-вторых, Конституция носит ярко выраженный социальный характер. Государство берет на себя широкий спектр обязательств по обеспечению и улучшению жизни граждан Эквадора. Социальная тематика не выносится на периферию текста, не теряется среди политических и экономических вопросов, но четко и артикулированно формулируется в специальных главах и параграфах. Это позволяет говорить об современном государстве Эквадора как о социально ориентированном. В-третьих, сквозным моментом всего текста Конституции проходит вопрос о приоритете государственного регулирования экономики. В этом смысле ныне действующая эквадорская конституция носит ярко выраженный этатистский характер. В-четвертых, доминанту Конституции Монтекристи составляет защита политического и экономического суверенитета Эквадора.

Б) Концепция «Buen Vivir» как идеологическое ядро «гражданской революции» Ее практическое выражение.

Эквадор принадлежит к числу стран так называемого «социализма XXI века». В данном параграфе мы рассмотрим основной идеологический конструкт «гражданской революции» - концепцию «Buen Vivir», а также результаты ее практической реализации на примере эквадорских преобразований и достижений в социальной сфере.

Сам концепт «социализма XXI века», предложенный Уго Чавесом, очень неопределен и размыт и предполагает высокую степень интерпретативности.

Но, пожалуй, главное в этой концепции – антитеза неолиберализму и политике «Вашингтонского консенсуса», которая доминировала в Латинской Америке на протяжении 90-х гг. прошлого столетия. Одна из важнейших характеристик «социализма XXI века», – доктрины, которой придерживается и «гражданская революция», – приоритет человека над капиталом, потому что человек является не просто еще одним фактором производства, а его стратегической целью. В этом смысле речь идет о новом гуманизме, и этот момент, пожалуй, является идеологической доминантой всех прогрессивных правительств, пришедших к власти в результате «левого поворота», включая эквадорское.

В каждой из стран существует свой национальный вариант этой концепции, учитывающий культурно-исторические традиции и цивилизационные особенности. На Кубе он представлен классическим марксизмом-ленинизмом в уникальном сочетании с идейным наследием Хосе Марти, в Венесуэле – «боливаризмом», а в двух андских странах – Боливии и Эквадоре – существуют свои национальные варианты концепций «социализма XXI века». Ключевое место в идеологии «гражданской революции» (как и боливийского революционного процесса, возглавляемого Эво Моралесом) занимает концепция «Buen Vivir», восходящая к древнейшим мифологическим представлениям коренных народов Анд о мироустройстве и жизни людей в этом мире. Причем надо отметить, что теперь это не просто философское понятие (или мифологический образ), но термин, имеющий юридическое обоснование и статус. Так, в эквадорской конституции «Buen Vivir» выступает как одна из центральных категорий, встречающаяся в тексте Основного закона двадцать один раз.

Прежде чем перейти к рассмотрению основных теоретических постулатов концепции «Buen Vivir», целесообразно остановиться на вопросе перевода на русский язык этого уникального понятия-образа. В русскоязычной политологической литературе «Buen Vivir» обычно переводят как «Хорошая

жизнь», а аналог этого понятия «Vivir bien» – как «Жить хорошо». Но надо сразу же отметить буквальность и подстрочность этого перевода, который слабо отражает суть и внутреннее содержание столь сложного понятия, а в современном обыденном восприятии и искажает его. С нашей точки зрения, наиболее адекватным оригиналу переводом словосочетания «Buen Vivir» могут быть «достойная жизнь» или «жизнь по добру».

Этот термин позиционируется как альтернативный категории «благополучие», а само общественное устройство, описываемое как «Buen Vivir», противопоставляется в целом «обществу потребления». Если переводить этот термин как «хорошая жизнь», понятие оказывается размытым и предполагающим множество интерпретаций, в том числе и «хорошая» как «благополучная» в контексте «общества потребления». Предложенные выше варианты перевода предполагают отмежевание от коннотаций, связанных с косьюмеризмом.

В историко-философской традиции аналогом «Buen Vivir» можно считать античное понятие «благая жизнь» (Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур). Вспомним также, что в русской философской традиции понятие «добро» не сводится даже к понятию «благо», а подчас и противопоставляется ему. Латиноамериканский вариант «добра», представленный в концепции «Buen Vivir», носит такой же универсальный масштаб и выходит далеко за пределы морали и этики, органично включая эти сферы общественного сознания в более широкий контекст. Инновационность этого понятия состоит в том, что в сферу «добра» включается и экономика, и политика. В результате понятие «Жизнь по добру» получает расширительное значение и распространяется не только на сферу отношений между людьми (этику), но также на отношения между людьми и природой, государством и обществом, политикой и экономикой.

Перевод термина «Buen Vivir» как «жизнь по добру» более адекватен как семантически, так и лексически еще и потому, что прямо противоположен

обыденному термину «благополучие». Получать блага и жить в соответствии с добром выступают логически противоположными жизненными стратегиями. В концепции «Buen Vivir» общественная жизнь не сводится к максимизации и оптимизации потребления, но наоборот, стремится преодолеть саму установку на потребление как самоцель. Здесь потребление ради потребления рассматривается как разрушительное отношение к людям и к природе. Благополучие является центральным социальным понятием концепции «общества потребления», в котором потребление сводится к получению максимального количества и качества благ, интерпретируемых как товары и аналогичные им услуги, то есть нечто материальное. «Гражданская революция» концептуально резко противопоставляет себя неолиберализму в целом и его идеалу – «обществу потребления» – в особенности. На это обращает внимание и русскоязычные политологи. Например, Е. Б. Павлова говорит, что идеи «гражданской революции» «не только стали отправной точкой рассуждения о новой модели развития, но и о конкуренции европейскому Просвещению, что отсылает нас к идеям чавизма о противопоставлении колонизированного и колонизатора, а также о необходимости отбросить все мыслимое как «западное»²⁰⁸. Прояснив терминологические особенности, мы приняли решение, что в настоящем исследовании будет использоваться аутентичный термин «Buen Vivir», а вышеизложенные рассуждения приведены для того, чтобы прояснить это понятие на семантическом уровне, не вдаваясь в его конкретные воплощения и проявления.

Само понятие «Buen Vivir» очень широкое и предполагает множественную интерпретацию. С одной стороны, это положительный момент, свидетельствующий о том, что это глубокое философское понятие. С другой стороны, это порождает смысловую неопределенность и неоднозначность

²⁰⁸ Павлова Е. Б. Концепции «хорошей жизни» в Боливии и Эквадоре: расцвет и упадок нормативной силы // Латинская Америка. – 2016. - №4. – С. 24.

трактовки, когда разные люди, используя один термин, вкладывают в него совершенно различные смыслы. Исследованием и выявлением внутреннего содержания этого понятия занимались многие ученые как Латинской Америки, так и Европы. Рассмотрим основные содержательные моменты понятия «Buen Vivir».

Если обратиться к тексту эквадорской конституции, то мы обнаружим следующую трактовку данного понятия: «Buen Vivir» предполагает, что личности, сообщества, народы и национальности эффективно пользуются своими правами и исполняют свои обязательства в рамках культурного единства (*interculturidad*), с уважением к их разнообразию и в рамках гармоничного сосуществования с природой»²⁰⁹. Таким образом, «Buen Vivir» носит не персоналистский, но коллективный характер и предполагает взаимную ответственность не только между людьми, но между сообществами и группами внутри самого общества, а также между собственно обществом и природой.

Концепция «Buen Vivir» получила широкое распространение в двух андских странах, где в наибольшей степени представлено индейское население, – Боливии и Эквадоре. В связи с этим целесообразно рассмотреть, в чем состоят различия в трактовке этой концепции двумя странами. Эквадорский и боливийский варианты «Buen Vivir» кардинальным образом отличаются друг от друга. На это указывают многие авторы. В частности, амстердамский исследователь Клетус Грегор Барие отмечает, что «боливийская концепция «Buen Vivir» носит философский и рефлексивный характер с сильным этическим содержанием. Она не предполагает конкретных обязательств со стороны государства, граждан и народностей... Наоборот, эквадорская интерпретация более нормативна и сконцентрирована на государстве: концепт «Buen Vivir» имеет практическое и конкретное применение и представлен блоком прав второго и третьего порядка. То есть «Buen Vivir» в Эквадоре понимается как

²⁰⁹ Constitución del Ecuador. – Quito, 2008. – P. 135.

усиление экономических, социальных и культурных прав, таких, как право на труд, адекватный уровень жизни, здравоохранение и образование»²¹⁰. Таким образом, эквадорский вариант данной концепции в большей степени юридически оформлен и конкретизирован в комплексе социальных прав.

С момента прихода Р. Корреа к власти в 2007 г. были предприняты теоретические и практические усилия к тому, чтобы переориентировать курс развития страны с неolibеральной парадигмы на принципиально иной вектор. Ключевыми понятиями государственной модели, продвигаемой «гражданской революцией», стали такие категории, как «достоинство», «независимость», «суверенитет», «гармония с природой», «выход за пределы капитала» и др. В центр экономической и социальной политики был положен приоритет человеческого развития, власть стала рассматриваться в качестве политического инструмента справедливого распределения национального богатства, а не извлечения сверхприбылей для меньшинства. Основными правовыми ориентирами стали категории права природы и права гражданина. Парадигма государственного развития, основанная на традиционных понятиях свободы и равноправия, была дополнена таким социально-психологическим понятием, намеченным еще у Боливара, как «общественное счастье»; тем самым власти придавалось не только экономическая компетенция, но и морально-этическая ответственность. Такая расширенная трактовка власти позволяла в качестве цели взять стратегию создания сбалансированного общества (*sociedad equilibrada*). Именно эти принципы и установки были прописаны в новой конституции, принятой в 2008 г. в Монтекриси, а также в двух планах общегосударственного значения: «Национальный план во имя «Buen Vivir» 2009-2013 и план 2013-2017. Посмотрим, как вписана категория «счастья» в стратегию социально-экономического развития. В Введении к «Национальному плану «Buen Vivir»

²¹⁰ Barié C. G. Nuevas narrativas constitucionales en Bolivia y Ecuador: el buen vivir y los derechos de la naturaleza /C.G.Barié. // *Latinoamérica. Revista de estudios latinoamericanos*. – 2014. – № 59. – P. 24.

говорится: ««Buen Vivir» – это форма жизни, позволяющая быть счастливыми при поддержании культурного и экологического разнообразия; это гармония, равенство, братство и солидарность. Она не имеет целью достижение изобилия или бесконечного экономического роста»²¹¹. Таким образом, фундаментальная социально-психологическая категория индивидуальной жизни (счастье) получает социальное звучание и вписывается в более широкий контекст. Кроме того, на примере данной цитаты наглядно видно, что такие характерные для «общества потребления» макроэкономические показатели успеха, как экономический рост и изобилие, остаются на периферии интересов общества, основанного на принципах «Buen Vivir».

Некоторые авторы отмечают, что концепция «Buen Vivir» выполняет чисто пропагандистские функции и используется властью в качестве идеологического инструмента для создания благоприятного имиджа государства, которое действует в интересах общества. В качестве аргумента приводятся факты освоения нефтяных месторождений в таких национальных парках с большим биологическим разнообразием, как Ясуни. Так, испанские исследователи Сара Кариа и Рафаэль Домингес отмечают, что на примере начала нефтедобычи в этом амазонском регионе «относительно просто показать, что концепция «Buen Vivir», символ которой казался непререкаемым, есть функциональная идеология для экспортно-ориентированной модели государства, которое использует эту концепцию как мобилизационную программу, чтобы достичь десарролистской и модернизаторской утопии в рамках стратегического плана правительства Корреа»²¹². На наш взгляд, было бы ошибочным судить о целой концепции по частному случаю. Эквадор действительно старался как можно дольше не приступать к нефтяной разработке в этом экологическом парке, предлагая международному сообществу выплатить денежную компенсацию за то, что

²¹¹ Национальный план Хорошей жизни на 2013-2017 гг. – Кито: Эль Телеграфо, 2014. – С. 12.

²¹² Caria S., Domínguez R. El porvenir de una ilusión: la ideología de buen vivir / R. Caria Domínguez // América Latina Hoy. – 2014. – №67. – P. 140.

правительство оставит регион нетронутым. Доводы и аргументация Эквадора остались без внимания, и в период высоких цен на нефть в благоприятных объективных условиях Эквадор был вынужден приступить к нефтяному освоению данного региона, поскольку нефть была и остается стратегическим экономическим ресурсом государства.

С нашей точки зрения, целесообразно обратиться к более широкому кругу проблем для того, чтобы на конкретных примерах продемонстрировать действенность и эффективность провозглашенных в концепции «Buen Vivir» принципов отношений между государством и обществом, обществом и природой. Представляется, что лучше всего показать жизнеспособность идеологии «Buen Vivir» можно на примерах из двух сфер общественной жизни Эквадора – социальной и инфраструктурной, в которых с момента начала «гражданской революции» произошли наиболее заметные преобразования. Поскольку стратегическая цель и показатель эффективности концепции «Buen Vivir» заключается в том, насколько действительно улучшилась и улучшается жизнь простых эквадорцев, далее мы остановимся на рассмотрении этих двух важнейших для нее сфер жизни.

С началом «гражданской революции» резко повысились государственные расходы на социальную сферу. Так, если в первые годы XXI в. вплоть до 2006 г. «социальные инвестиции» составляли в среднем 2,8% от ВВП, то к 2013 г. этот показатель увеличился до 8,3%. В денежном выражении общий объем затрат на социальную сферу вырос в три раза – с 1,9 млрд долл. до шести миллиардов²¹³. В результате такого финансового «внимания» властей к социальным проблемам удалось существенно сократить уровень бедности. За девять лет правления Корреа показатель бедности снизился с начальных 37,6% до 22,5%, а уровень нищеты с 16,9% до 7,7%²¹⁴. Существенно выросли трудовые индивидуальные

²¹³ *Sánchez J.* Op.cit. – P.16.

²¹⁴ Chakana. *Revista de Análisis de SENPLADES.* 2015. – №18. – P. 4.

доходы. На начало 2016 г. Эквадор занимает второе после Аргентины место в Южной Америке по величине минимальной заработной платы. Если в начале «гражданской революции» она составляла не более 160 долл., то к исходу третьего мандата Корреа увеличилась более чем вдвое и составила 366 долл.²¹⁵

Особое внимание уделяется сфере образования. Здесь государственные инвестиции выросли на 300% - с 235 млн до 940 млн всего за четыре г. (аналогичный уровень сохраняется до 2016 г.). По Конституции в государственных ВУЗах образование бесплатно, и кроме этого выплачиваются достойные стипендии. Объем государственных расходов на образование – один из самых высоких в Латинской Америке. В целом за годы «гражданской революции» общее количество студентов увеличилось на миллион, а по оценкам UNESCO эквадорское высшее образование считается одним из лучших в регионе. В период правления Корреа создано четыре новых государственных университета.

Школьникам бесплатно предоставляется форма, школьные завтраки, учебники и прочие учебные атрибуты. Кроме того, начальное образование стало охватывать периферию эквадорского общества – бедные сельские и городские районы. Здесь интенсивно строятся школы, получившие названия «Школы тысячелетия», которые оснащаются на современном информационно-технологическом уровне. Фактически в стране не осталось детей, не учащихся в школе. Все это позволило в 2011 г. Эквадору объявить себя страной, в которой не используется дешевый детский труд.

В сфере здравоохранения правительство отменило платные консультации в государственных учреждениях. Раньше за разовую консультацию у врача эквадорцы платили до пяти долларов (цена варьировалась в зависимости от сложности). Отмена платы сделала здравоохранение общедоступным и

²¹⁵ Prensa Latina, 28.15.2015.

значительно увеличила приток пациентов в больницы. Так, общее количество консультаций выросло с 16 миллионов в 2006 г. до 38 миллионов в 2015 г.²¹⁶

Инвалиды, ранее находившиеся без опеки государства, теперь пользуются социальной и медицинской страховкой. С целью повышения их качества жизни в Эквадоре действует две государственные программы: миссия «Manuela Espejo» и денежные бонусы «Joaquín Gallegos Lara». Первая программа заключается в создании специальной медицинской службы, куда инвалиды имеют право обратиться в любой удобный момент и получить помощь на высшем профессиональном уровне. Вторая программа состоит в ежемесячных денежных выплатах этой группе лиц в размере 240 долларов. В настоящее время подобные бонусы получает более пятнадцати тысяч эквадорцев-инвалидов.

Одним из значительных социальных достижений «гражданской революции» стало введение в действие службы «скорой помощи» ECU-911. Новый институт Интегрированной системы безопасности (SIS) не ограничивается только медицинской помощью, но охватывает более широкий спектр экстремальных ситуаций, требующих оперативной и безотлагательной помощи. Кроме того, операторы службы реагируют на звонки от потерпевших в результате актов насилия и иных преступных действий. Также ведется постоянный видеомониторинг людных мест городов, что позволяет профилактически реагировать на опасные ситуации и следить за состоянием общественного порядка на улицах. Таким образом, это своеобразный синтез медицинской и полицейской служб, аналог американской экстренной помощи «911», на что указывает и название. Эквадор стал в этом плане «пионером» в Южной Америке, поскольку аналогов ECU-911 в регионе не существует. К 2014 г. служба имела общенациональный охват в масштабе 78% территории страны²¹⁷. Структура службы включает восемь крупных центров, два из которых

²¹⁶ Источник – сайт движения Alianza-PAIS.

²¹⁷ El Ciudadano. – Quito, 2014. – № 147.

расположены в мегаполисах Кито и Гуаякиле, а остальные в провинциях. Служба хорошо технически и инструментально оснащена. В парке ECU-911 находится 55 тысяч автомашин, 17 тысяч из которых – автобусы. Создание этой службы стало одним из элементов государственной политики общественной безопасности. В целом расходы на обеспечение безопасности увеличились с 340 миллионов долл. в 2006 г. до 2,6 млрд в 2013 г.

Что касается оценки состояния трудовой сферы, то современный Эквадор имеет самый низкий уровень безработицы за всю свою историю. Если к приходу Корреа к власти в стране насчитывалось 10% безработных, то к 2014 г. удалось сократить их процент до 4,5²¹⁸. Запрет на практику использования заемного труда значительно повысил в целом уровень правовых гарантий трудящихся. Кроме того, в новом Трудовом кодексе прописано обязательство работодателей обеспечивать работников социальным страхованием, а за нарушение этой нормы налагаются крупные штрафы и предусмотрены санкции вплоть до приостановки деятельности предприятия.

В плане инфраструктурной модернизации правительственным планом было предусмотрен ряд крупных транспортных проектов. В горной стране решение транспортного вопроса было и остается сложной проблемой. Если в 2006 г. на нужды инфраструктуры тратилось 856 млн долл., то уже к 2011 г. объем государственных инвестиций в эту сферу вырос до 5,2 млрд долларов²¹⁹. За годы «гражданской революции» в стране построено и возведено больше мостов, чем за весь предшествующий период, и построено дорог общей протяженностью 1,2 тысячи километров.

Пожалуй, самым амбициозным инфраструктурным проектом стало строительство подземного метро в столице Кито. В 2013 г. Всемирный банк выделил Эквадору на реализацию этого проекта 200 млн долларов. Это первый

²¹⁸ Ecuador y Revolución Ciudadana. Un camino hacia el buen vivir. – Madrid: Instituto KREAB, 2015. – P. 24.

²¹⁹ Sánchez J. Op.cit. – P.15.

опыт Эквадора подобного рода. Ранее этот вопрос не поднимался не только ввиду дефицита финансовых средств, но и потому, что Эквадор находится в сейсмоопасной зоне. Тем не менее, власти решились на столь амбициозный проект с целью оптимизации транспортных потоков в столице. Всего проект может потребовать до полутора миллиардов долларов. Половину суммы Эквадор способен оплатить самостоятельно, но для получения остальных средств правительство вынуждено прибегать к внешним займам. Первую линию метро, протяженностью двадцать три километра и состоящую из пятнадцати станций, планировалось пустить в середине 2016 г., но из-за большого объема работ сроки были отодвинуты на 2019 год. Часть станций метро планируется интегрировать с системой общественного транспорта (в частности, с автобусными маршрутами). Здесь активно используется венесуэльский опыт создания сложной интегрированной системы городского транспорта, которая также включает автобусные и подземные маршруты метро в единое целое.

Таким образом, можно заключить, что в годы «гражданской революции» Эквадор достиг значительного социального прогресса. Концепция «Buen Vivir» обрела не только идеологическую функциональность, но и конкретное воплощение в социальных и инфраструктурных проектах, направленных на оптимизацию качества жизни эквадорцев. Рассмотрение социальных достижений несколько нарушило общую логику исследования, однако нам представляется, что это необходимо, чтобы проиллюстрировать конкретное социальное содержание идеологических установок новых властей Эквадора. Далее мы продолжим рассмотрение общего хода процесса «гражданской революции».

§3. Социально-экономические и политические реформы во время второго президентского мандата Р. Корреа (2009-2013) и противоречия «гражданской революции»

Данный период характеризуется максимальной стабилизацией политического процесса «гражданской революции». Победа на президентских выборах позволила Корреа и его соратникам приступить к полномасштабной реконструкции социально-экономической модели государства. Если предыдущий этап носил подготовительный характер и состоял в создании юридическо-правовых и политических предпосылок для реальных преобразований, то на следующем этапе был проведен основной корпус государственно-административных и экономических реформ. Нельзя сказать, что ход реформ носил поступательный характер, не все шло гладко. Пришлось столкнуться с противодействием со стороны политической оппозиции и оппозиционно настроенной части индейского сообщества, хотя все усилия по установлению мирного и конструктивного диалога с представителями индейских общин были предприняты.

Одновременно обнаружились противоречия внутри армии, что вылилось в попытку государственного переворота в сентябре 2010 г., – событие, которое стало пиком внутривнутриполитической нестабильности в этот период и потенциально могло поставить под угрозу достижения и ход «гражданской революции».

Третий этап «гражданской революции» начался с всеобщих выборов, прошедших в апреле 2009 г. Эта пятая по счету электоральная процедура поставила точку в длительном и сложном процессе политической реформы и череде выборных кампаний периода 2006-2008 гг. В ней принимало участие семь кандидатов, включая уже традиционного соперника Корреа миллионера А. Нобоа и экс-президента Л. Гутьерреса. На волне референдума в Эквадоре мало кто сомневался в победе Р. Корреа. По итогам голосования лидер «гражданской революции», выдвинувший свою кандидатуру в паре с вице-президентом Л.

Морено, заручился поддержкой трех с половиной миллионов эквадорцев, получив от общего числа голосов 51,9%. Таким образом, Корреа уже в первом туре набрал необходимое количество голосов, чтобы стать президентом страны. В историю президентских выборов Эквадора эти выборы вошли тем, что впервые за тридцать лет глава государства был избран без проведения второго тура голосования. Главный соперник Корреа – экс-президент Л. Гутьеррес – занял второе место, получив 28,2% голосов. Наконец, А. Нобоа, кандидат от PRIAN, партии консервативного толка – 11,4%.

Победе Корреа в немалой степени способствовало новое избирательное законодательство. Так, согласно новому электоральному кодексу добровольное право голоса получали три значительные социальные группы, ранее исключенные из голосования: молодежь от шестнадцати до восемнадцати лет, а также военные и полиция. Кроме них правом голосовать на выборах стали обладать инвалиды, эмигранты и лица, находящиеся под следствием, но которым не вынесен окончательный приговор. Включение всех этих групп существенно расширило эквадорский электорат (примерно на семьсот тысяч), который на данных выборах составил рекордный объем в размере более десяти миллионов избирателей. Такое значительное расширение электоральной базы стало существенным фактором победы Корреа на выборах, хотя непосредственно этой цели мера по расширению электората не имела. Скорее, она означала расширение демократических прав и свобод в эквадорском обществе.

Подтверждением тезиса о том, что электорат не был специально увеличен под текущие выборы, стали неоднозначные результаты голосования в Национальную ассамблею. Кандидаты от проправительственной партии Alianza-PAIS в новом составе законодательного органа не получили ожидаемого абсолютного большинства. По итогам выборов их представительство в Национальной ассамблее составило 59 депутатских мест из 124. Вторую по численности фракцию составили сторонники Л. Гутьерреса, проводшие

девятнадцать депутатов в ассамблею. Остальные места были равномерно распределены между семнадцатью небольшими политическими партиями и движениями, численность которых варьировалась от одного до семи депутатов. Если бы мелким партиям удалось создать оппозиционную коалицию, то Эквадор опять оказался бы в ситуации конфликта властей. Но подобных намерений у них не было, поэтому хоть и не абсолютное, но большинство Alianza-PAIS в ассамблее позволяло сохранять достаточно стабильный режим функционирования законодательной ветви власти на протяжении всего последующего президентского мандата.

Р. Корреа был приведен к присяге 10 августа 2009 г. Инаугурация была приурочена к 200-летию начала революции независимости (10 августа 1809 г. эквадорские патриоты свергли главу колониальной администрации и сформировали первое автономное правительство, в результате чего страна вступила на путь самостоятельного политического развития). На церемонии инаугурации присутствовали лидеры многих стран Латинской Америки, включая Венесуэлу, Бразилию, Аргентину, Кубу и др., что подтверждало весомую международную поддержку «гражданской революции» со стороны соседей.

Первый мандат Р. Корреа был отмечен проведением ряда институциональных реформ, нацеленных на модернизацию и стабилизацию политической системы государства. Одним из преобразований стало расширение и укрупнение состава министерств. Если до 2007 г. правительство включало семнадцать министерских позиций, то с 2009 г. их количество было увеличено до двадцати одной. Кроме того, в аппарате правительства вводились новые должности: восемь министров-координаторов и девять государственных секретарей. Оппозиция видела в этом усложнение и укрупнение бюрократического аппарата государства и резко критиковала подобные реформы. Но власть аргументировала в пользу такого реформирования тем, что ранее многие компетенции и зоны ответственности государства просто не

покрывались существующей системой институтов. Теперь же начала проводиться политика усиления роли государства как в политической, так и в экономической сфере. Так, был создан новый орган – Национальный секретариат по планированию и развитию (SENPLADES), в компетенцию которого входила разработка экономической стратегии и плана государственного развития страны. Именно SENPLADES занимался разработкой и следил за выполнением основополагающего документа “Национальный план по обеспечению достойной жизни 2009-2013”, который впоследствии был доработан и продлен еще на четыре г. как План 2013-2017.

Рассмотрим более подробно новую архитектуру государственной власти, окончательно сложившуюся именно в период первого мандата Р. Корреа. Непосредственно президенту подчиняются десять инстанций, каждую из которых возглавляет государственный секретарь. На высшей позиции в общей иерархии находятся два секретаря – главы SENPLADES и Государственной администрации (Administración pública, SENAP). На второй линии иерархической структуры находятся восемь секретарей, курирующих одно или несколько министерств. Каждый из секретарей возглавляет соответствующее министерство, в ведомстве которого находятся профильные министерства:

1. **Министерство координации социального развития** охватывает четыре министерства: образования, здравоохранения, министерство социального и экономического включения и министерство городского и жилищного развития.

2. В структурный состав **Министерства координации наследия** (Ministerio de coordinación de patrimonio) входят также четыре элемента: министерства окружающей среды, культуры, спорта и Институт экоразвития Амазонии (ECORAE).

3. В ведомстве **Министерства координации стратегических секторов** (Ministerio de coordinación de sectores estratégicos) находятся три инстанции: Министерство невозобновляемых природных ресурсов, Министерство

телекоммуникаций и информационного общества и Министерство электроэнергетики и возобновляемой энергии.

4. **Министерство координации политики** курирует министерства иностранных дел, торговли и интеграции.

5. **Министерству координации экономической политики** подчинено министерство финансов.

6. **Министерство координации сфер производства, занятости и конкуренции** курирует три подведомства: министерства развития индустрии, сельского хозяйства и рыболовства, туризма, транспорта и общественных работ.

7. В компетенцию **Министерства координации безопасности** входят три инстанции: Министерство национальной обороны, Министерство внутренних дел, Министерство юстиции, прав человека и проблем культа (Ministerio de Justicia, Derechos Humanos y Cultos).

8. Наконец, **Министерству координации знаний и человеческих ресурсов** (Ministerio de Coordinación de Conocimiento y Talento Humano) подчинено Министерство трудовых отношений.

Таким образом, структура исполнительной власти представляет собой сложное иерархическое образование. Может показаться, что такое усложнение структуры исполнительной власти и создание дополнительного «этажа» в виде государственных секретарей ведет к излишней бюрократизации, что они выступают как «лишний» посреднический элемент. Однако практика показала, что институт госсекретарей, курирующих несколько министерств, обеспечивает более гибкое и оперативное взаимодействие между президентом и главами тех или иных министерств, а также взаимодействие между министерствами, занимающимися сходной проблематикой. С одной стороны, тем самым действительно утяжеляется архитектура власти, но с другой – это способствует оптимизации управления и более сбалансированным отношениям внутри исполнительной власти. Президент взаимодействует не непосредственно с

министрами, но с госсекретарями, которые дают ему интегральную картину, и это ведет к более взвешенному и оперативному государственному управлению.

Вместе с тем стоит признать, что в управлении государством действительно произошел определенный перекося в сторону исполнительной власти. Национальная ассамблея играла скорее второстепенную роль в принятии стратегических государственных решений, что было связано с ослаблением роли традиционных политических партий. На это указывает и ряд исследователей, которые квалифицируют сложившуюся политическую систему как «гиперпрезидентство»²²⁰. Проиллюстрировать снижение партийной активности в этот период можно следующим фактом: если в 2009 г. электоральную активность проявляли сорок две политические партии, то к 2013 г. – только одиннадцать. В стране фактически имела место гегемония проправительственной партии Alianza-PAIS и исполнительной ветви власти, которая стремилась подавить активность партийных структур. Отчасти снижение роли политических партий было объективным и стихийным процессом, поскольку в условиях доминирования правительственных структур их активность была политически не востребована. Но были и другие факторы. Так, в 2012 г. решением Национального избирательного совета были выведены из легального политического поля семнадцать партий. В то время проходила перерегистрация политических партий. Для того, чтобы получить официальную регистрацию, партия должна была представить совету 157 тысяч подписей в свою поддержку (что составляло 1,5% от числа явившихся на последние выборы избирателей). Многие партии были уличены в подделке подписей, из-за чего в прессе разгорелся большой скандал. Оппозиция упрекала власти в том, что они сознательно хотят лишить ведущих оппозиционных игроков официального статуса. В итоге регистрацию потеряли такие традиционные «тяжеловесы»

²²⁰ Pachano S. Ecuador: el nuevo sistema político en funcionamiento //Revista de Ciencia Política. – 2010. – N 30 (2). – P. 305.

эквадорской политики, как партия PRIAN, Левая демократическая партия, Народно-демократическое движение (MPD) и другие. Все это способствовало выходу на арену новых политических партий правого толка, оппозиционных «гражданской революции» (об этом см. ниже).

Также в этот период заметно снизилась законодательная активность Национальной ассамблеи. Фактически страна жила в режиме «декретного» законотворчества президента. Так, в 2012 г. из 129 законопроектов, принятых на рассмотрение ассамблеи, к началу 2013 г. было принято только пять ²²¹. Параллельно с этим наблюдалась заметная активность президента по изданию декретов, носящих законодательный характер (см. Приложение. Табл. №4).

Одной из ключевых мер по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти и искоренения практики «семейственности» стал декрет президента, изданный в июне 2009 г. Декрет запрещал чиновникам всех рангов заключать государственные контракты с родственниками и членами семьи. Ранее в Эквадоре подобная практика была очень распространена среди власть имущих, стремившихся тем самым обезопасить свои активы и увести собственность от налогообложения. Изданный декрет стал юридическим барьером для подобной практики, наносящей большой урон государственному бюджету.

Что касается экономической политики, то здесь необходимо упомянуть три ключевые реформы: Закон о природных ресурсах (и водных в частности), Закон о налогообложении и меры по урегулированию внешней задолженности. Этот корпус реформ создал необходимую экономическую основу социальных преобразований (см. ниже) и сделал возможным направить развитие страны в прогрессивное русло.

На фоне принятия законов о природных ресурсах в 2009-2010 г. стали обостряться отношения между центральной властью и индейским движением

²²¹ Polga-Hecimovich J. Ecuador: Estabilidad institucional y la consolidación de poder de Rafael Correa / J. Polga-Hecimovich // Revista de ciencia política. – 2013. – Vol.33. – P. 150.

CONAIE. Главной причиной недовольства стал Закон о водных ресурсах, в котором недостаточно четко была прописана процедура профилактики приватизации водных источников. Индейцы опасались возвращения к практике передачи источников воды в собственность частных иностранных фирм. В 2009 г. недопонимание вылилось в массовые протесты в Куэнке. Отдельные очаги недовольства возникали и в 2010 г. Во многом протестные настроения подогревались СМИ и оппозиционными партиями, которые стремились настроить индейское сообщество против «гражданской революции». В марте 2010 г. была проведена даже чрезвычайная ассамблея этой ведущей индейской организации, на которой обсуждался вопрос о разрыве диалога с правительством. Кульминации протесты достигли в апреле 2010 г., когда активисты движения блокировали здание Национальной ассамблеи. Эти действия сопровождались перекрытием важнейших стратегических автодорог. Власти предприняли большие усилия, чтобы успокоить индейское население, сорвать попытки превратить CONAIE в инструмент оппозиции для дестабилизации внутривнутриполитической ситуации.

Власти удалось смягчить ситуацию тем, что правительство поддержало и стало продвигать иск индейских общин Амазонии против американской транснациональной корпорации «Тексако-Шеврон». Обычно в прессе конфликт Эквадора с этой ТНК преподносится как конфликт между правительством и корпорацией, однако на деле инициатором судебного противостояния стало гражданское общество в лице индейских общин. Правительство лишь выступило на их стороне, приняв их требования как законные и справедливые. Индейцы не без основания обвиняли «Тексако-Шеврон» в нанесении крупного экологического урона обширной части амазонского региона. История этого конфликта восходит еще к середине 70-х гг. XX века, когда компания «Тексако», впоследствии преобразованная в «Тексако-Шеврон», вела активную нефтедобычу в Амазонии. После того как в 1992 г. контракт с ней закончился,

обнаружилось, что корпорация все это время сливала токсичные воды от отходов добычи в реки, что повлекло за собой большой урон окружающей среде. На протяжении двадцати лет индейцы пытались восстановить справедливость и безрезультатно апеллировали к национальным властям. Понимание удалось найти только после прихода к власти Корреа, когда в 2009 г. Эквадор подал на корпорацию иск в Гаагский трибунал, но рассмотрение дела не раз откладывалось. Тогда в 2011 г. эквадорский суд вынес вердикт о том, что корпорация должна выплатить возмещение ущерба в размере 9,5 млрд долларов²²². Адвокаты «Тексако-Шеврон» сочли решение неоправданным и апеллировали к прежнему эквадорскому законодательству, в котором было немало «брешей». В 2013 г. Корреа развернул международную кампанию солидарности с Эквадором под названием «Грязная рука Шеврон», стараясь привлечь к проблеме внимание мирового сообщества. Судебный конфликт длится до сих пор, и перспективы его разрешения очень неопределенны для Эквадора.

Что касается нефтяной политики, то здесь можно выделить три ключевых момента: проведение законодательной реформы в отношении иностранных корпораций, административная политика в отношении государственной корпорации «Петроэквадор» (передача ее под контроль военных, а затем возвращение в руки гражданских профессионалов) и начало освоения нефти в Амазонии.

В период первого мандата Корреа была проведена следующая административная эволюция в управлении госкомпании «Петроэквадор». Начиная с 2007 г. она была временно передана под контроль военно-морских сил. Именно под их руководством власти осуществили реструктуризацию кампании, ревизию персонала на предмет лояльности и профилактики коррупционных схем и техническую модернизацию производственного процесса. Также было

²²² *Pérez O., Silva N. Caso Chevron. La verdad no contamina. – Quito: El Telégrafo, 2014. – P. 199.*

проведено юридическое переоформление корпорации в рамках исполнения «Закона о государственных компаниях». Привлечение военных было залогом того, что этот процесс пройдет в срок и без эксцессов (массового саботажа, протестов нефтяников, забастовок и т. д., как это произошло в Венесуэле с корпорацией PDVSA). На протяжении этого «переходного периода» во главе администрации «Петроэквадор», состоявшей из порядка семидесяти бывших военнослужащих, стоял контр-адмирал Луис Харамильо. Военные занимались разработкой долгосрочной стратегии развития компании, введением внутреннего регламента и распорядка, поскольку царившие до этого волюнтаризм и хаос снижали эффективность работы компании. В ходе реструктуризации персонал компании, состоявший из пяти тысяч сотрудников, был сокращен на полторы тысячи, что вызвало явное недовольство эквадорских профсоюзов. По мнению властей, штат «Петроэквадор» был чрезмерно раздут и бюрократизирован.

В феврале 2010 г., когда основные задачи, поставленные перед военными, были решены, правительство инициировало процесс возвращения рычагов управления кампанией в руки гражданских. Спустя месяц военные были возвращены на их прежние места службы, а их место заняли гражданские профессионалы-нефтяники. В итоге «Петроэквадор» под управлением военных претерпел глубокую юридическую, административную и техническую трансформацию, став ведущей госкомпанией на внутреннем энергетическом рынке Эквадора. Де-факто реформы проводились в режиме новой национализации, хотя и до этого компания официально находилась в руках государства. Необходимость оптимизации работы «Петроэквадор» была обусловлена тем, что нефть была и остается для Эквадора главным источником поступления валютных средств, а доходы от ее экспорта на четверть наполняли государственный бюджет. Ранее из-за царившей в компании коррупции, ее эффективность была гораздо ниже. Проведенная системная модернизация «Петроэквадор» отвечала улучшению международного имиджа Эквадора как

мощной нефтяной державы Латинской Америки. После пятнадцатилетнего перерыва в 2007 г. страна вернулась в ОПЕК и стремилась занять достойные позиции в этой влиятельной организации. Власти понимали, что без обратного присоединения к ОПЕК Эквадор как крупный экспортер нефти в одиночку не справится с давлением мирового рынка. Возвращение в ОПЕК стало мощным импульсом для обновления «Петроэквадор», без структурной реорганизации которой членство в этой организации носило бы лишь поверхностный характер. Вслед за передачей руководства от военных к гражданским в апреле 2010 г. произошло юридическое переформатирование госкомпании и ее переименование. Теперь госкорпорация стала официально называться «Государственной компанией углеводородов Эквадора» (Empresa Pública de Hidrocarburos del Ecuador, EP-Petroecuador). Компания, ранее имевшая довольно значительную финансовую и бюджетную автономию, теперь была поставлена под более жесткий государственный контроль, а формирование ее руководства осуществлялось путем делегирования полномочных представителей из соответствующих министерств энергетического профиля. Также власти провели реструктуризацию нефтяной кампании. Прежняя кампания «Петроэквадор» была разделена на две подкомпании: собственно, «EP-Petroecuador» и «Петроамасонас». Между собой их различали сфера деятельности и функциональность. Если «Петроамасонас» отвечала за операции разведки и добычи нефти и газа, то в компетенцию обновленной «EP-Petroecuador» входили транспортировка, переработка нефти и ее продажа на внешние рынки. Обе компании имели статус государственных и стратегических предприятий, а их функциональное разделение имело целью повышение рентабельности и эффективности функционирования нефтяного госсектора экономики.

В 2010 г. был принят, пожалуй, основополагающий для экономики Эквадора «Закон об углеводородах» (Ley de Hidrocarburos), который заменил давно устаревший закон с аналогичным названием от 1978 г. Новый закон

устанавливал принципиально иной регламент функционирования иностранных нефтяных корпораций на территории Эквадора и был направлен на налоговое и юридическое ужесточение норм их деятельности. Корпорациям предлагалось перезаключить текущие договоры на новых условиях в течение полугода. Те же компании, которые откажутся подписывать новые соглашения, потеряли бы лицензию на нефтедобычу. Раньше месторождения сдавались в аренду и корпорации распоряжались ресурсами по своим правилам. Теперь же по новым условиям государство становилось абсолютным собственником нефтяных месторождений и осуществляло полный контроль за деятельностью корпораций. Корпорациям предлагалось заключить с Эквадором контракты на предоставление услуг, в то время как раньше они имели долю в добыче нефти. То есть теперь государство выступало «работодателем» и нанимателем для иностранных фирм, а раньше как равноправный партнер. Введенный регламент позволял укрепить позиции государства в нефтяной сфере. Также в документе прописывалось, что Эквадор осуществляет продажи нефти только государственным компаниям или конечным потребителям. Это положение было нацелено на исключение посредников и спекулянтов на нефтяном рынке, с которыми Эквадор не собирался сотрудничать. Новые условия контрактов с иностранными фирмами позволили Эквадору существенно увеличить валютные поступления в казну от экспорта нефти. Также были созданы предпосылки для модернизации отрасли, поскольку зарубежным компаниям вменялось в обязанность инвестировать часть своих доходов в нефтяную промышленность государства (годовой объем ожидаемых инвестиций оценивался в объеме полутора миллиардов долларов).

После того как был завершен процесс введения нового порядка функционирования иностранных фирм, правительство сконцентрировалось на освоении новых нефтяных месторождений. В октябре 2010 г. был запущен первый с момента прихода к власти Корреа крупный нефтяной проект в

Амазонии – введен в действие нефтяной комплекс Пиньякоча. Права на разведку и добычу нефти правительство передало государственной корпорации «Петроамасонас», созданной после разрыва контракта с транснациональной корпорацией «Оксидентл». С целью погасить возможное недовольство индейских общин, правительство приняло решение, согласно которому двенадцать процентов от прибыли направлялось на развитие социальной инфраструктуры этого региона.

Одна из ключевых проблем, которую Эквадору удалось частично решить, – это проблема внешнего долга. Впервые в истории страны удалось обыграть финансовых спекулянтов, купив в 2012 г. 91% их внешнего долга в облигациях со скидкой 70%. Для экономики страны это означало экономию более 300 миллионов долларов ежегодно в течение ближайших 20 лет. Сэкономленные средства правительство использует для национального развития.

Самым острым внутривнутриполитическим моментом этого периода стала попытка государственного переворота, предпринятая в сентябре 2010 г. Ударной силой стали полицейские, недовольные мерами правительства по реформированию полиции. В общей сложности в мятеж были вовлечены 1.200 полицейских – масштаб, позволяющий говорить о тщательной подготовке и организации. Оппозиционные СМИ преподносили его в качестве стихийной акции протеста, но на деле имелся четкий и проработанный сценарий, конечной целью которого было отстранение Корреа с поста президента. Формальным поводом для выступления против правительства стали изменения системы денежных выплат и надбавок за срок службы и увеличение периода службы для получения последующего звания. Но на деле за протестующими полицейскими стояли оппозиционные силы, возглавленные экс-президентом Л. Гутьерресом, пользовавшимся авторитетом среди оппозиционно настроенных военных. Гутьеррес, потерпевший поражение на президентских выборах, вынашивал планы политического реванша, и проведенная реформа полиции стала

«спусковым механизмом» сценария насильственного свержения законно избранного президента. Р. Корреа однозначно квалифицировал действия полицейских как преступные, направленные против конституционного порядка: «Организовавшие беспорядки преступники хотели повергнуть страну в хаос, спровоцировать гражданскую войну. После того, как они поняли, что попытка государственного переворота провалилась, сговорившиеся полицейские хотели убить меня и затем вывезти тело в окрестности Кито. Безответственные действия, спровоцированные чьими-то амбициями, негативно отразились на имидже страны в мире, представив ее как опереточную республику, в которой можно похитить президента»²²³. Попытка переворота обозначила неоднородность внутри военных структур Эквадора и потребовала проведения ряда мер по ревизии состава полицейских служб.

Спустя месяц после событий сентября 2010 г. руководство Alianza-PAIS решило провести первый съезд движения с целью консолидации сторонников «гражданской революции». В форуме принимало участие около пяти тысяч делегатов. На съезде были обсуждены основные документы движения. Делегаты сочли преждевременным переформатирование Alianza-PAIS из общественно-политического движения в полноценную политическую партию с уставом и жестким внутрипартийным регламентом. С их точки зрения, народ потерял доверие к традиционным политическим структурам и превращение движения в партию создало бы ему неблагоприятный имидж в глазах эквадорцев. Корреа непрестанно выступал с критикой сложившейся партийной структуры, называя ее термином «плутократия». Воспроизводить логику традиционных партий означало бы нанести ущерб Alianza-PAIS, поэтому вопрос был отложен на более поздний срок.

²²³ Ecuador: Intento de golpe de Estado. Available at: <http://info.nodo50.org/Ecuador-Policias-desatan-violentos.html>, (accessed 15.01.2016).

Ключевыми действиями власти в 2011 г. стали следующие: проведение тотальной и глубокой реформы полиции, реформирование налогового законодательства, общенациональный референдум с последовавшей за ним судебной реформой, а также судебный спор президента с ведущей оппозиционной газетой «El Universo», вызвавший большой общественный резонанс.

Реформа Национальной полиции стала логичным шагом после попытки переворота. На протяжении тридцати лет полиция фактически обладала финансовой автономией и экономически была неподконтрольна государственным структурам. В результате введения в действие соответствующего декрета президента полиция была напрямую подчинена Министерству внутренних дел и лишена юридическо-правовой независимости. Кроме того, в полиции была создана специальная «служба этики» – Центр по контролю за полицией – подразделение по проведению внутренних расследований. Главной функцией нового органа стала профилактика и выявление случаев коррупции среди полицейских.

Затем в мае 2011 г. по инициативе президента был созван референдум с предложением внести поправки в Конституцию с целью приведения ее в соответствие с текущей ситуацией. Власти понимали, что Основной закон – это не нечто абсолютное, но правовая база, требующая постоянной доработки и актуализации. На суд эквадорцев были вынесены такие вопросы, как усиление государственного контроля над средствами массовой информации, модернизация судебной системы, ужесточение наказаний за тяжкие преступления, запрет бизнеса, связанного с азартными играми и др. Ключевым вопросом стал, пожалуй, запрет банкам и газетам владеть активами непрофильного характера. Тем самым власти стремились ослабить экономическое могущество оппозиционных СМИ, представляющих серьезную угрозу информационной безопасности. В СМИ неоднократно разворачивались

кампании по дискредитации действующего правительства и лично президента. Лишение СМИ непрофильных активов создало бы значительные препятствия экономического рода для их в конечном счете деструктивной деятельности. После одобрения этой инициативы на референдуме Национальная ассамблея большинством голосов приняла так называемый антимонопольный закон. Согласно ему, компании и физические лица, не имеющие непосредственного отношения к той или иной газете или телеканалу, получали право владеть не более чем шестью процентами акций этого СМИ. Если акционерная доля превышала этот барьер, им вменялось в обязанность либо продать излишек, либо переориентировать свою деятельность на сферу масс-медиа. Тем самым перекрывались источники финансирования оппозиционных газет.

Кроме того, по итогам референдума планировалось создать государственный орган, который бы следил за деятельностью частных газет и телеканалов, регулировал и координировал их работу. Оппозиция видела в этом усиление цензуры, но мера была действительно необходимой и оправданной при крайне остром информационном противостоянии между властью и частными СМИ.

Все десять вопросов, вынесенных на суд эквадорцев, были поддержаны и приняты к исполнению. Позиция «За» собрала около четырех миллионов голосов, что на полмиллиона превысило электоральную поддержку Корреа на предыдущих выборах. Тем самым итоги референдума продемонстрировали растущее доверие к проводимой в стране политике радикальных преобразований. После референдума была инициирована полномасштабная реформа судебных органов. Так, был распущен Национальный совет юстиции и заменен временным органом – так называемой Технической комиссией. Власть аргументировала эти действия необходимостью борьбы с коррупцией среди судей. Техническая комиссия проработала полтора г., за это время произошла ротация судей

практически на всех этажах судебной системы страны. Многие судьи были лишены лицензии и уволены.

Большой резонанс в эквадорском обществе вызвал судебный процесс президента Р. Корреа с ведущей оппозиционной газетой «El Universo». В марте 2011 г. лидер государства подал иск против журналистов издания, обвинявших его в диктаторстве и узурпации власти. Президент считал выпады в его сторону абсолютно беспочвенными и не имеющими доказательной базы. Все предшествующие выборы, проведенные с соблюдением всех формальных демократических процедур на высшем уровне, доказывали его легитимность и народную поддержку. Агрессивная риторика оппозиционной газеты имела целью дискредитацию лидера «гражданской революции» в глазах избирателей в преддверии предстоявших в 2013 г. президентских выборов и подрыв высокого уровня доверия со стороны гражданского общества. Суд оказался на стороне президента и вынес решение о том, что газета обязана выплатить в казну штраф в размере сорока миллионов долларов, а также приговорил трех сотрудников газеты к тюремному заключению. Некоторые журналисты, опасаясь преследований, поспешили эмигрировать в США и попросили там политического убежища. Президент заверил своих сторонников, что средства будут потрачены на социальное развитие отсталых районов страны, в частности индейского региона Амазонии. Это победа имела большое символическое и моральное значение, поскольку на протяжении многих лет редакторская политика газеты по дискредитации власти велась практически в открытую и безнаказанно. Нужно было дать понять эквадорцам, что власть имеет право защищаться и не собирается потакать оппозиции в беспочвенных обвинениях. Оппозиционные СМИ неоднократно пытались раскрутить коррупционный скандал вокруг Р. Корреа. В частности, в эту стратегию оказался замешан брат президента Фабрисιο Корреа, занимавший оппозиционную позицию и имевший президентские амбиции. СМИ упрекали президента в том, что он способствовал

получению его братом крупных государственных контрактов. Несмотря на мощную информационную кампанию, предпринятую оппозицией, адвокатам Корреа удалось убедить оппонентов и доказать, что лично президент не был причастен к заключению контрактов и даже не знал об их существовании. После того, как информация стала публичной, президент добился аннулирования контрактов, заключенных его братом. В прессе и в обществе постепенно стихла волна критики в адрес лидера страны.

На волне успеха референдума правительство принялось за реформирование налоговой политики. В июне 2011 г. президент инициировал значительное расширение налоговой базы и предложил комплекс мер по введению так называемых «экологических» или «зеленых» налогов. Такое терминологическое обозначение было обусловлено целевой ориентацией новых налогов: правительство планировало потратить дополнительные средства казны на охрану окружающей среды и финансирование социально-экологических проектов. Дополнительными налогами стали облагаться собственники автомобилей класса «люкс» и выше определенного порога мощности, а также табачная и алкогольная продукция. При этом налоговые средства от продажи алкоголя и табачной продукции по замыслу правительства должны были стать весомым источником финансирования системы здравоохранения. По подсчетам эквадорских экономистов, новые налоговые меры могли приносить в казну около полумиллиона долларов в год, что стало бы существенным стимулом развития социальной сферы государства.

В 2012 г. Эквадор вступил в фазу подготовки к всеобщим выборам. Президент предпринял ряд мер, направленных на усиление государственного контроля в информационной сфере. Тем самым противостояние власти и оппозиции в сфере СМИ, начатое в 2011 г. судебным процессом с газетой «El Universo», получило новый импульс. В частности, был принят так называемый «Кодекс демократии», определяющий основные принципы и правила ведения

агитации в ходе предвыборных кампаний. Новые нормы стали обязательны как для оппозиции, так и для самой власти. Закон запрещал публикацию в СМИ материалов с явным агитационным контекстом и рекламу кандидатов на пост президента. Кроме того, президент запретил членам правительства давать интервью частным оппозиционным газетам, которые зачастую искажали и интерпретировали по своему усмотрению доведенную до них информацию. Основной трибуной для подачи информации теперь стали государственные СМИ и провластные зарубежные агентства, в частности венесуэльский канал Telesur. Эти меры были продиктованы острой внутривнутриполитической борьбой в преддверии выборов. Новая медийная политика правительства были встречена обильной критикой со стороны оппозиции, которая обвиняла Кореа во введении режима тотальной цензуры.

Самой значимой экономической реформой в этот сложный предвыборный год стали преобразования в банковской системе. Правительство долго не решалось на радикальные шаги в этой области. Банковская реформа стала своеобразным завершающим этапом сложного комплекса мер по экономическому преобразованию Эквадора. Реформы носили ограничительный характер и, как остальные шаги власти, были направлены на усиление государственного контроля за банковской сферой. Так, был повышен до двенадцати процентов налог НДС на более чем тридцать банковских услуг. Власти опасались, что новая налоговая нагрузка будет переложена на конечного потребителя, поэтому, в качестве профилактики такого «пути спасения» частного банковского сектора, специальным законом было запрещено повышать стоимость банковских услуг. При этом важно отметить, что меры распространялись в основном на частные банки. Извлеченные таким способом средства правительство планировало пустить на финансирование ряда дотационных социальных программ, направленных на помощь малоимущим слоям населения. Одновременно была создана государственная контрольная

структура с расширенными юридическими полномочиями, призванная следить за частным кредитованием банков. Новый надзорный орган был создан вместо Центральной комиссии по рискам, показавшей свою неэффективность и вовлеченность в различные коррупционные схемы и махинации с частными вкладами.

Данной реформой в основном завершился реформистский цикл «гражданской революции». Именно второй мандат Р. Корреа стал наиболее концентрированным в плане политико-экономических преобразований в стране. Реформы затронули практически все сферы национальной экономики, начиная от базового нефтяного сектора до финансовой «верхушки» - реформы банковского сектора. Главными «пиками» политических преобразований стали реформы полиции и судебная реформа. Пройдя сквозь череду сложных преобразований, Эквадор подошел к выборам 2013 г., на которых «гражданская революция» хоть и одержала очередную победу, но вместе со всем Эквадором вступила в фазу политической неопределенности, связанной в первую очередь с вопросом дальнейшего переизбрания Р. Корреа.

§4. Третий президентский мандат Р. Корреа (2013-2017):

консолидация институтов власти и активизация оппозиции

Предвыборная кампания в Эквадоре стартовала в ноябре 2012 г., когда Alianza-PAIS определилась с основными кандидатами на выборы в Национальную ассамблею. Перед этим в спешном порядке была проведена электоральная реформа (Конституция запрещает принятие важных стратегических законов и изменения в законодательстве менее чем за год до выборов). Суть реформы сводилась к новой нарезке округов голосования и увеличению количественного состава Национальной ассамблеи (со 124 депутатов до 137), что во многом облегчало проправительственной партии достижение большинства в законодательном институте Эквадора.

Выборы 2013 г. были отмечены выходом на политическую арену двух новых буржуазных политических партий – «Объединенное общество плюс действие» (Sociedad Unida más Acción, SUMA) и «Создавая возможности» (Creando oportunidades, CREO). Обе выражали интересы крупных предпринимателей и частных собственников. SUMA была возглавлена банкиром Гильермо Лассо, претендовавшим на президентский пост, а CREO – бизнесменом мексиканского происхождения Маурисью Родасом. Лассо пользовался большим политическим влиянием в Гуаякиле, будучи главой крупного частного гуаякильского банка. Пиками его политической карьеры были 1999 год, когда он занимал пост министра экономики, и 2002 г., когда правительством Л. Гутьерреса он был назначен послом в США. Партия CREO по своей политической ориентации де-юре носила левоцентристский характер, однако де-факто выступала с правых позиций вместе с SUMA и ставила основной целью свержение режима Р. Корреа.

Появление этих партий означало консолидацию правых и правоцентристских оппозиционных сил. Представители их поддерживали тесные международные контакты с правыми партиями соседних государств и

типологически принадлежали к современному поколению правой оппозиции – так называемым “новым правым” Латинской Америки. Но на парламентских выборах 2013 г. им не удалось достичь значительного представительства в Национальной Ассамблее (например, CREO получила только двенадцать мандатов). Большинство депутатских мест (101 из 137) получила правительственная партия Alianza-PAIS. К этому весомому результату надо добавить еще восемь депутатов от партий, симпатизирующих Alianza-PAIS (пять депутатов от левого движения «Avanza» и три независимых депутата). Правая оппозиция в сумме стала представлена в новом составе Ассамблеи 24 депутатами. Таким образом, Alianza-PAIS получила полный карт-бланш и свободу действий в законодательном органе государства, и на новом этапе «гражданской революции» проблема конфликта между ветвями власти, хроническая для прежних правительств, была преодолена полностью.

В президентской гонке принимало участие восемь кандидатов, включая бывшего председателя Конституционной ассамблеи Альберто Акоста. Порвав с правительством, он создал свое политическое движение под названием «Многонациональное единство левых сил» (UPI). Активно сотрудничая с левыми индейскими движениями, он резко критиковал политику властей за недостаточно радикальную направленность реформ, но на деле его высказывания приносили только вред “гражданской революции”. Типичным для того времени является, например, такое высказывание: «В настоящее время правительство Рафаэля Корреа уподобляется плохому водителю автобуса ... держит курс в левую сторону, но в действительности движется вправо. Правительство Корреа – это уже не левое правительство, еще менее того революционное и даже не правительство “граждан”. Это правительство, которое потеряло управляемость и сейчас стремится к тому, чтобы сломить одно из самых больших достижений

этого процесса: Конституцию Монтекристи»²²⁴. Зачастую подобная риторика носила беспочвенный характер и была направлена на дискредитацию правительства в глазах избирателей.

Несмотря на агрессивную критику как справа, так и слева, на президентских выборах очередную убедительную победу одержал лидер «гражданской революции» Р. Корреа, за которого проголосовало 57,2% электората. Второе место прогнозируемо занял лидер правой оппозиции Г. Лассо с поддержкой в 22% избирателей. Таким образом, никто из восьми кандидатов на пост президента не смог составить существенной конкуренции Р. Корреа. Вторая победа подряд без проведения второго тура – очень показательный и одновременно нехарактерный для Эквадора симптом политической стабильности и достаточно высокого уровня народной поддержки.

Получив в Национальной ассамблее абсолютное большинство, правительство обеспечило себе полную свободу действий и выступило с массой законодательных инициатив, которые в свою очередь были без труда рассмотрены и одобрены депутатами. Так, в этот период был принят новый Трудовой кодекс, главным элементом которого стал запрет на использование практики аутсорсинга на территории Эквадора. Помимо этого, законный статус получили формы занятости, ранее не регулировавшиеся трудовым законодательством: например, работы на дому, ведение частной сельскохозяйственной и рыболовной деятельности и др. Также в новом кодексе предусматривалась единая система трудового социального страхования, распространяющаяся на все типы занятости. То есть в Эквадоре было положено начало трудовой универсализации и заложен принцип равенства в правах для всех групп трудящихся, занятых как в государственном секторе, так и в частном.

²²⁴ La “revolución ciudadana”, el modelo extractivista y las izquierdas críticas// Revista ContreTemps. – 2013. – № 16. – P. 48.

Наряду с обновлением кодекса, регулирующего трудовые отношения, в 2014 г. был принят новый вариант текста уголовного законодательства – так называемый Органический и универсальный уголовный кодекс (Código Orgánico Integral Penal, COIP). В нем предусматривалось введение новых видов преступлений и ужесточение наказания по ряду «традиционных» правонарушений. В целях профилактики коррупции и спекулятивной деятельности Кодексом устанавливалась новая группа экономических преступлений: сознательное провоцирование панических настроений в экономической сфере (как банковской, так и бытовой), использование служебного положения с целью личного обогащения, биржевое мошенничество и спекуляция на рынке ценных бумаг и др.²²⁵

Большинство новых законов было разработано еще в прежний созыв Национальной ассамблеи, но не выносилось на общее голосование ввиду отсутствия большинства у партии власти. Такие органические законы, как упомянутые кодексы, требовали одобрения абсолютным большинством депутатов, поэтому голосование по их принятию ранее откладывалось на неопределенный срок. Это же относится и к закону о средствах массовой информации, внесенному правительством еще в 2010 г. К его рассмотрению депутаты перешли практически сразу после объявления итогов выборов, и в июле 2013 г. закон вошел в силу. Главными элементами нового закона о СМИ стало создание специального совета, координирующего деятельность как государственных, так и частных информационных агентств, а также разработку единой общенациональной информационной политики. В компетенцию совета также входило ведение контроля над содержанием информационных сообщений. Чиновники нового надзорного органа должны были выявлять случаи пропаганды насилия, выявлять и оценивать сообщения, имеющие оскорбительный и

²²⁵ Código Orgánico Integral Penal Available at: http://www.justicia.gob.ec/wp-content/uploads/2014/05/código_organico_integral_penal_-_coip_ed._sdn-mjdhc.pdf (accessed 15.02.2016).

дискриминационный тон в отношении власти. Кроме того, новый закон предполагал равномерное распределение частот теле- и радиоэфира между государственными, муниципальными и частными каналами. (До вхождения закона в силу частные СМИ контролировали до восьмидесяти процентов частот). Таким образом, закон был призван «поставить точку» в длительном противостоянии власти и оппозиционных СМИ, стремящихся к внутрисполитической дестабилизации в Эквадоре. В этот период правительство стало вести активную просветительскую информационную политику. Основными печатными органами власти оставались еженедельная газета «El Ciudadano» и ежемесячный бюллетень движения Alianza-PAIS «Мы – страна!» («Somos País»). Но самым информационно мощным и насыщенным информационным проектом стало создание в начале 2016 г. портала «Ценность правды» («El valor de la verdad»)²²⁶. В нем группа журналистов отслеживала и дезавуировала основные порочащие власть «мифы», муссируемые в оппозиционных СМИ. Цель портала состояла в том, чтобы донести как до самих эквадорцев, так и до международного сообщества правду о «гражданской революции».

Серьезным электоральным испытанием для «гражданской революции» стали региональные выборы, проведенные ровно через год после всеобщих – в феврале 2014 г. На десятой по счету с момента прихода к власти Корреа электоральной процедуре эквадорцы избрали новых мэров городов, префектов и муниципальных депутатов в местные законодательные органы. Общенациональный уровень поддержки в целом остался на прежнем уровне: за кандидатов от Alianza-PAIS проголосовало 57% избирателей, которым удалось победить в ста городах Эквадора и получить должности мэров. Но, несмотря на высокий количественный уровень поддержки власти, произошло значительное качественное переформатирование политической карты Эквадора. Так, мэрами

²²⁶ Available at: <http://elvalordelaverdad.com.ec>

трех ключевых мегаполисов – Кито, Гуаякиля и Куэнки – были избраны кандидаты от оппозиции. Мэром Кито был избран М. Родас (58% электората), а мэром Гуаякиля – Х. Небот (60%). Эти крупные города всегда играли ключевую роль в политической жизни страны, и их потеря для власти означала серьезный вызов стабильности.

В качестве реакции на новую политическую расстановку сил начался процесс консолидации и интенсивного организационного оформления движения Alianza-PAIS. Для Correa Alianza-PAIS была главной политической платформой деятельности, поэтому более четкая структуризация движения и его развитие вплоть до партии оставались лишь вопросом времени. До этого организационная структура Alianza-PAIS была достаточно рыхлой, а само движение функционировало по сетевому принципу. Начиная с 2014 г. при содействии Национального избирательного совета был запущен процесс выдачи удостоверений сторонникам Alianza-PAIS. К середине 2015 г. было выдано 276 тысяч подобных удостоверений, свидетельствующих о принадлежности гражданина к членам движения.²²⁷ К концу 2016 г. планируется довести общее количество официально зарегистрированных членов до одного миллиона. Цель этой меры состоит в создании возможности оперативно и эффективно мобилизовать сторонников движения. Кроме того, в 2014 г. был разработан и принят прототип устава, названный «Этическим кодексом движения Alianza-PAIS». В нем терминологически зафиксирован статус члена движения – «постоянный присоединившийся» (*adherente permanente*) и сформулирована система принципов деятельности внутри движения, обязанности и права члена движения. В частности, в Кодексе говорится, что член движения: «Обязан выражать свои идеи и концепции так, чтобы не задеть достоинства остальных и при этом не противоречить целям Движения. Регулярно отчитываться о своей деятельности как перед движением, так и перед своими согражданами».

²²⁷ Somos País! – 2015. – №47.

Основными принципами деятельности обозначены вовлеченность в движение, открытость и верность идеологии «гражданской революции»²²⁸. С целью осуществления контрольной деятельности Кодексом предусматривалось создание Национальной комиссии по этике и дисциплине и обозначались санкции за нарушение дисциплинарного порядка.

Также внутри Alianza-PAIS начала вестись последовательная идеологическая работа с целью повышения политического сознания сторонников движения. Так, в 2014 г. был создан Институт политической мысли (Instituto de pensamiento político), располагающий как центральными образовательными центрами в мегаполисах, так и филиалами в провинциях. ИПМ выполняет функции одновременно и исследовательского, и образовательного учреждения. Практические мастер-классы здесь проводят депутаты Alianza-PAIS из Национальной ассамблеи, обучающие членов движения навыкам принятия политических и законодательных решений и ведения дискуссии с трибуны Ассамблеи.

В дополнение к внутренней партийной организации Alianza-PAIS приступила к активному поиску союзников и стала проводить стратегию выстраивания широких политических коалиций. В середине 2014 г. был официально оформлен межпартийный Фронт «Единые» (Frente Unidos), в который вошли пятнадцать политических организаций, движений и партий, симпатизирующие Alianza-PAIS в частности и политике «гражданской революции» в целом. Ядром новой коалиции стало движение Alianza-PAIS. В новую левоцентристскую коалицию вошли следующие организации: Социалистическая партия – Широкий фронт (Partido Socialista Frente Amplio), новая социал-демократическая партия, созданная в 2012 г., «Продвигайся» («Avanza»), Коммунистическая партия Эквадора (Partido Comunista Ecuatoriano),

²²⁸ Código de Ética del Movimiento Alianza PAIS. Available at: <http://www.alianzapais.com.ec/wp-content/uploads/2015/10/CÓDIGO-DE-ÉTICA.pdf> (accessed 16.03.2016). – P. 6.

движение «Демократический центр» (Centro Democrático), Движение «Единство прежде всего» (Movimiento Unidad Primero), Движение революционных левых (Movimiento de Izquierda Revolucionaria), Региональное автономистское движение (Movimiento Autonómico Regional), движение «Альфарио жив» (Alfaro Vive), движение «Веди» (Movimiento Conduce), экологистский Фронт «Амазония жива» (Frente Amazonía Vive), молодежное движение «Региональное действие за равноправие» (Acción Regional por la Equidad), часть индейского движения Пачакутик (Pachakutik-Chimborazo), движение мелких и средних земельных собственников «Сельское движение интеграции Сан Мигеля» (Movimiento Agrario de Integración San Miguel) и другие. Фронту «Единые» удалось выработать единую политическую платформу и согласовать электоральную стратегию. Во многом создание фронта было запоздалым решением, поскольку именно из-за отсутствия левых и левоцентристских коалиций на региональных выборах правым удалось одержать победу в мегаполисах. К середине 2015 г. общее число партий Фронта уменьшилось до тринадцати (из коалиции решили выйти партия «Avanza» и небольшая по численности экологическая группа). Но в целом фронт сохраняет свое декларированное единство, проводит совместные митинги и акции.

Одновременно с усилением левопатриотического лагеря была осуществлена ревизия партийной структуры Эквадора. В августе 2014 г. Национальный избирательный совет лишил юридического статуса официально зарегистрированных партий несколько организаций. В их число вошли четыре партии различной политической ориентации: консервативная Партия институционального обновления и национального действия (PRIAN), леворадикальное «Народно-демократическое движение» (MDP), правопопулистская Рольдосистская партия Эквадора (PRE) и левое движение «Разрыв-25». В результате общенациональный партийный список сократился с двенадцати до восьми. Юридическим основанием для лишения этих партий официального

статуса стало соответствующее положение «Кодекса о демократии в Эквадоре» (или Органического избирательного закона), документа среди прочего регулирующего партийную деятельность и устанавливающего правила регистрации политических партий. Согласно 327 статьи Кодекса, партия лишается регистрации в четырех случаях: если на двух выборах подряд ей не удалось преодолеть порог в четыре процента; если в Национальной ассамблее партия представлена менее чем тремя депутатами и менее чем от 8% префектур или 10% кантонов на общенациональном уровне²²⁹. Все четыре партии подпадали под одно из этих условий. Это законное решение имело несколько целей: укрепление доминирующего положения Alianza-PAIS на политической арене Эквадора, модернизацию партийной архитектуры государства, ликвидацию неконкурентоспособных партийных образований. Но вместе с тем, последствия этого решения могут быть неоднозначны. Так, на последующих выборах вполне вероятно более четкое распределение электората между двумя политическими лагерями – партией власти и проправительственными левыми, с одной стороны, и «новыми правыми», с другой. Это может сыграть на руку как Alianza-PAIS, так и его противникам. Партии, лишённые регистрации, во многом выступали в качестве «спойлеров» более крупных и влиятельных партий. Теперь же их голоса автоматически перейдут к партиям-лидерам, а это может повлечь за собой другое соотношение сил между основными партийными игроками политического процесса.

Самым острым вопросом очередного мандата Корреа в период с 2013 по 2017 г. стала проблема переизбрания президента на следующий срок. По конституции Эквадора Р. Корреа не имел права выдвигать свою кандидатуру на предстоящих в 2017 г. выборах, поскольку основной закон предполагает только два президентских срока подряд. Но вопрос о внесении поправок в текст закона

²²⁹ Ley Orgánica Electoral y de Organizaciones Políticas de la República del Ecuador. – Quito: Consejo Nacional Electoral, 2012. – P. 256.

поднимался неоднократно после победы в 2013 г. Сам Корреа не раз менял позицию относительно перспективы своего дальнейшего президентства. Лично сам, как физическое лицо, он был настроен руководить страной только до 2017 г., а затем планировал уйти из большой политики, посвятив себя научно-исследовательской деятельности и семье. О таких личных предпочтениях Корреа не раз заявлял в прессе. После выборов 2013 г. он не исключал, что, если большинство народа выскажется за его выдвижение на президентский пост в 2017 г., то ему как президенту придется считаться с мнением народа. Впервые в юридическом поле этот вопрос возник в мае 2014 г., когда депутатская группа от Alianza-PAIS выступила с предложением реформировать действующий Основной закон. Ими было предложено отменить ограничения на количество переизбраний для всех должностных лиц на всех этажах политической системы, включая главу государства. Тем самым Эквадор собирался пойти по пути Венесуэлы, где аналогичная норма была введена при президенте У. Чавесе. На протяжении г. – с середины 2014 г. до второй половины 2015 г. – в прессе и в ассамблее шли бурные дискуссии о самой реформе и выборе пути ее реализации. У Эквадора было два равнозначных пути к внесению поправок в Конституцию. Первый путь предполагал созыв общенационального референдума, на котором народ должен был вынести свой вердикт по этому стратегическому вопросу. Вторым путем – утверждение поправок к Конституции путем голосования в Национальной ассамблее. Правая и левая оппозиция настаивали на первом варианте проведения конституционной реформы. Но предыдущие региональные выборы показали некоторое сужение электоральной базы сил «гражданской революции», особенно в крупных городах. Также имело место относительное падение рейтинга действующего президента. С учетом этих факторов власти остановились на втором – законодательном – варианте как более надежном. Тем самым власть стремилась свести возможные риски к минимуму и обеспечить наиболее благоприятный вариант решения столь принципиального и острого

вопроса. В июне 2015 г. группа депутатов от Alianza-PAIS представила на рассмотрение Конституционного суда пакет конституционных поправок, а уже в ноябре 2015 г. тот одобрил их и назначил на декабрь текущего г. голосование в Национальной ассамблее. Из общего числа предложений Конституционный суд отклонил только одно – предоставление исполнительной ветви власти права замораживать судебную деятельность того или иного суда в случае, если обнаружится вероятность нарушения конституционного порядка и вынесения неправомерного решения. Этот вопрос, по мнению высших судей, должен был решаться только путем созыва новой Конституционной Ассамблеи или проведения общенационального референдума.

Третьего декабря 2015 г. депутаты приступили к обсуждению конституционной реформы. Атмосфера была очень острой и напряженной, а сами дебаты длились более десяти часов. В конце концов непосредственно перед голосованием представители оппозиционных фракций покинули зал заседаний в знак протеста и отказались принимать участие в процедуре. Однако их демарш не сказался на кворуме, необходимом для начала голосования. Всего в нем принимало участие 109 депутатов. В итоге пакет поправок был принят ста голосами «за». Таким образом, Конституция Монтекристи была реформирована второй раз за время правления Р. Корреа и подверглась самому глубокому изменению, поскольку новая редакция затрагивала самые фундаментальные основания государственного устройства Эквадора.

Пакет поправок в Конституцию включал пятнадцать пунктов, которые касались целой серии отраслей гражданского права. Две поправки вводили ограничения на проведение референдумов и плебисцитов. Так, ранее местные власти могли назначать подобные опросы практически по любому вопросу, включая вопросы автономии и децентрализации государства. Эта мера была принята с целью профилактики сепаратистских тенденций в Эквадоре. Настроения автономизации и отделения от государства особенно сильны в

промышленно развитом Гуаякиле, где оппозиция не раз пыталась придать импульс отделению провинции и озвучивала лозунги «независимости». Теперь был введен запрет на эту проблематику. Аналогичные ограничения накладывались и на общенациональные референдумы. Их можно стало инициировать в том случае, если они не касались вопросов целостности государства и налоговой политики, а также не нарушали конституционный порядок.

Серия поправок затрагивала Вооруженные силы. Реформой 158-й статьи значительно расширялась сфера их компетенции. К функциям защиты суверенитета государства и его территориальной целостности добавилась функция обеспечения интегральной безопасности государства в соответствии с действующим законодательством. Вооруженные силы всегда были мощным внутривластным фактором, поэтому расширение их компетенции имело целью профилактику их использования в антигосударственных интересах. Отношения между исполнительной властью и армией при Корреа не всегда складывались благоприятно. Наделение вооруженных сил новыми функциями было также направлено и на усиление лояльности военных к действующей власти. Надо сказать, что вскоре после конституционной реформы Корреа провел ряд перестановок в военном блоке правительства, стремясь кадровыми решениями создать оптимальную атмосферу взаимодействия между центрами силы. Второй поправкой, касающихся военнослужащих, стало изменение статьи № 370, регламентирующей порядок пенсионных обязательств государства. В новой редакции говорилось, что в список групп, охваченных обязательным пенсионным страхованием, вносятся военнослужащие и работники Национальной полиции. Таким образом, существенно расширялись социальные права и гарантии лиц, связанных с военным сектором. Это также могло способствовать стимулированию провластных настроений в рядах военнослужащих.

Центральным моментом реформы был вопрос о переизбрании. Здесь были изменены две статьи – 114 и 144. В первой изменялся порядок избрания должностных лиц и чиновников. Теперь группа выборных государственных служащих получала возможность неограниченного переизбрания. 144-я статья Конституции регламентировала порядок избрания президента. Исходный текст статьи был следующим: «Президент Республики исполняет свои обязанности в течение четырех лет и может быть переизбран один раз». В новой редакции были удалены два последних слова: «Президент Республики исполняет свои обязанности в течение четырех лет и может быть переизбран»²³⁰. Таким образом, президент получал право выдвигать свою кандидатуру повторно неограниченное количество раз. Но эта норма распространялась только на последующих после Корреа глав государства. То есть, он сам не мог воспользоваться этим правом переизбрания после истечения текущего президентского мандата. Таким образом, политическое будущее президента оставалось неопределенным. Вторым пунктом в блоке «президентских поправок» стало уменьшение возрастного порога для кандидата на пост главы государства. Если ранее кандидатом в президенты мог стать гражданин Эквадора не моложе 35 лет, то теперь – не менее тридцати. Новый регламент может способствовать омоложению большой политики Эквадора.

Проведенная конституционная реформа стала кульминацией политических преобразований «гражданской революции». Обновленный вариант Конституции явно благоприятствует исполнительной власти и создает условия, в которых политическая преемственность может в будущем стать нормой политического процесса. При этом обновленный президентский регламент потенциально выгоден как оппозиции, так и действующей власти, то есть изменения носят не столько конфронтационный, сколько универсальный

²³⁰ Las propuestas de enmienda constitucional. Available at: <http://www.asambleanacional.gob.ec/es/contenido /conoce-las -16-propuestas-de-enmienda-constitucional> (accessed 05.03. 2016).

характер. Новые конституционные условия способствуют более сбалансированному режиму взаимодействия между исполнительной властью и силовыми структурами, что работает на профилактику возможных столкновений их интересов и таким образом направлено на обеспечение внутривнутриполитической стабильности. Данная реформа стала последним крупным политическим преобразованием Корреа.

Подытоживая рассмотрение политического процесса «гражданской революции», можно сделать ряд выводов. Во-первых, за десятилетний период нахождения у власти Alianza-PAIS во главе с президентом Р. Корреа Эквадор пережил цикл глубоких структурных реформ, которые затронули практически все сферы государства. Эквадору удалось обновить весь корпус законодательных инструментов – от трудового до уголовного законодательства. Начальным пунктом этого процесса стало принятие новой Конституции, ставшей юридическо-правовой базой проведенных социально-экономических преобразований. Во-вторых, Эквадору удалось органично вписаться в процесс «левого поворота» в Латинской Америке, став ярким элементом этого новейшего прогрессивного явления. Правительство не шло по проторенному пути, но искало собственные пути развития. Ему удалось выработать и применить на практике оригинальную модель «Социализма XXI века», идеологически и концептуально оформленную в концепции «Buen Vivir». В-третьих, период «гражданской революции» стал самым стабильным периодом в политической истории Эквадора. На подавляющем большинстве выборов и референдумов Корреа и его сторонникам удалось одержать победу, сохранить преемственность власти и удержать широкую социальную базу. Электорат Корреа в целом не подвергся эрозии и в основном сохранил исходную консолидацию. Достаточно высокий уровень популярности экс-президента свидетельствует о том, что проведенные реформы были осуществлены в интересах большинства народа и

эффективно отразились на жизни простых граждан. Появление на политической арене Эквадора «новых правых» скорее является резонансом внешних общерегиональных и даже мировых тенденций, нежели результатом просчетов во внутренней политике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показал, что в исследуемый период Эквадор прошел по сложной траектории политического развития и институциональной эволюции: периоды внутривнутриполитической стабильности сменялись периодами высокой социально-политической турбулентности. Стартовым моментом вступления в XX в. стала Либеральная революция, которая поставила на тогдашнюю повестку дня проблему преодоления политической гегемонии клерикальных кругов и представителей крупной земельной собственности. Принявшая от нее эстафету, Июльская революция способствовала институционализации государственных институтов и в целом укреплению роли государства в регулировании общественных и экономических процессов.

Затем Эквадор вступил в двадцатилетнюю полосу нестабильности, связанную в первую очередь с такой политической фигурой как Веласко Ибарра. Три мандата его правления характеризовались институциональной разбалансированностью власти и ее оторванностью от народа, следованием узко элитарным олигархическим интересам, хотя предвыборная риторика «веласкизма» носила прямо противоположный характер. При этом власть осуществлялась при тесном взаимодействии с военными кругами, которые рассматривали популиста Веласко как временную фигуру, готовую передать им правление во всей полноте. С 1948 г. по 1960 г. последовал период политического затишья, когда на президентском посту без эксцессов и государственных переворотов сменилось три президента – период политической стабильности, остававшийся уникальным для политической истории Эквадора вплоть до прихода к власти Р. Корреа уже в XXI веке.

В 60-е гг. на смену спокойствию пришел период военных диктатур, в стране произошли три государственных переворота, в ходе которых институциональные основы государства подвергались колоссальному риску. Были резко сокращены демократические права и свободы. Фактически власть

была узурпирована военными, хотя в немалой степени тому способствовал внешний фактор в лице Соединенных Штатов, которые стимулировали резкий крен вправо во внутренней политике и оказывали экономическую и политическую поддержку военным хунтам. Имел место и институциональный сдвиг в сторону сращивания государственных институтов с военными структурами. Для создания видимости демократического и народного характера режимов вновь был востребован В. Ибарра, ставший в этот период своеобразным политическим прикрытием антинародной политики.

Семидесятые годы характеризовались приходом к власти «нефтяных» военных диктатур в форме мягкого авторитаризма (так называемых «диктабланд»). Экономическим фундаментом «диктабланд» стал нефтяной бум начала 1970-х гг. В это время произошло экономическое переформатирование страны, когда она изменила свою роль на международном рынке и стала преимущественно агроэкспортной державы в преимущественно экспортера нефти. В связи с этим требовался определенный государственный контроль и устойчивость, чтобы не допустить экономического хаоса и установить умеренный режим для функционирования иностранных корпораций. Именно такую функцию и выполняли военные диктатуры. Пришедшие к власти в результате государственного переворота, военные тем не менее наметили некоторые прогрессивные политические изменения, связанные с демократизацией политических институтов. Как ни парадоксально, именно в то время военных диктатур 1970-х гг. созрели предпосылки демократического транзита. Именно военными был инициирован процесс конституционных и правовых реформ, в результате которых власть была передана гражданскому правительству во главе с Х. Рольдосом. Рольдос, первый гражданский президент после периода диктатур, стал воплощением прогрессивного институционального сдвига в сторону формирования современных демократических институтов власти.

Начало 1980-х гг. характеризовалось противоречивой и во многом парадоксальной внутривнутриполитической ситуацией. С одной стороны, страна вставала на рельсы демократического пути развития, но с другой имела место одна из самых напряженных и конфликтных ситуаций в истории политической институциональности Эквадора, связанная с непримиримым конфликтом между исполнительной властью в лице Х. Рольдоса и оппозиционного ему Конгресса. Рольдос включил в повестку дня широкомасштабный проект по трансформации государства, сформулированный в Национальном плане развития, но приступить к его последовательной реализации он так и не смог из-за указанного выше острого конфликта с законодательной ветвью власти.

После его смерти в 1981 г. страна вступила в полосу относительной политической стабильности и институциональной сбалансированности, однако в экономическом плане все последующие за ним президенты в той или иной степени проводили неолиберальную экономическую политику. Таким образом, продолжение демократического транзита имело совершенно иные приоритеты, не соответствовавшие установкам Рольдоса, который был сторонником усиления роли государственных институтов в экономическом регулировании. Наоборот, последующие за ним президенты – О. Уртадо, Л. Фебрес Кордеро, Р. Борха и С. Дуран – под прикрытием демократической легитимности и формально соблюдая чистоту и транспарентность электоральных процедур, следовали в фарватере рекомендаций международных финансово-кредитных организаций. Все это вылилось в экономическом плане в крупный долговой кризис государства, а в политическом – в новое издание уже правого популизма.

Рубеж XX и XXI веков ознаменовался новой «вспышкой» внутривнутриполитической нестабильности и институциональной неустойчивости: с 1996 по 2005 год в стране сменилось восемь президентов и ни одному из них не удалось полностью исполнить президентские полномочия в предусмотренный срок. В этот период страна находилось в состоянии политического хаоса, а

государственные институты характеризовались крайней степенью недееспособности. С одной стороны, такая ситуация имела катастрофические социально-экономические последствия – рост бедности, безработицы, перманентные социальные протесты и т. п. Но с другой стороны одновременно была подготовлена почва для выдвижения принципиально нового проекта развития государства, которым и стал проект «гражданской революции».

С победой на выборах в 2006 г. Р. Корреа после полосы турбулентности страна вступила в период внутривластной устойчивости. Для того, чтобы не утратить данный потенциал, новые власти оперативно предприняли ряд важных стратегических шагов с целью создания прочного институционально-правового фундамента «гражданской революции». На первом этапе ключевым моментом стала выработка новой конституции, которая вступила в силу в 2008 году. Затем стартовал сложный и противоречивый процесс реализации провозглашенных в Конституции Монтекристи принципов социальной справедливости и ответственности государства перед обществом. Модернизации и корректировке подверглась вся структура политических институтов. Проект «гражданской революции» стал непосредственной альтернативой неолиберальной стратегии развития, проводившейся предыдущими правительствами на протяжении более двух десятилетий. Одновременно «гражданская революция» стала практической попыткой реализации принципов устройства государства, провозглашенных Х. Рольдосом. Если его правление можно рассматривать в качестве «правительства надежды», то правление Р. Корреа стало практическим воплощением этих принципов в жизнь. В политическом плане имели место модернизация институциональной структуры государства, налаживание более эффективного механизма функционирования исполнительной власти. В экономическом плане была существенно укреплена роль государства, а контракты с транснациональными корпорациями были кардинальным образом пересмотрены. В результате нефтяная рента была поставлена на службу государству и ее

справедливое и более эффективное распределение обеспечило реализацию широкомасштабных социальных программ. Принятые меры имели большой социальный эффект, выразившийся в существенном сокращении бедности и улучшения качества жизни широких слоев населения.

Самым острым вопросом в период с 2013 по 2017 г. стала проблема переизбрания президента на следующий срок. Решив не выставять свою кандидатуру, Корреа отдал предпочтение своему тогдашнему соратнику Ленину Морено, который и был избран президентом в апреле 2017 года. Новым главой государства внесены определенные коррективы в экономический и политический курс. В частности, президент Л. Морено объявил о введении жестких мер экономии, начата приватизация активов некоторых государственных кампаний, взят курс на улучшение отношений с частным сектором и оппозиционными политическими силами, выдвинуты обвинения в коррупции против видных деятелей предыдущего правительства. В любом случае эти меры не перечеркивают основных завоеваний «гражданской революции», однако ее перспективы становятся менее определенными.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Третья волна демократизации в Латинской Америке (1978-1990)

Страна	Установле- ние авторит. режима	Восстановле- ние демократии	Избранный президент	Продолжитель- ность авторитарного режима
Эквадор	1972	1978	Хайме Рольдос Агилера	7 лет
Доминик. Республика	1965	1978	Антонио Гусман	48 лет
Перу	1968	1980	Фернандо Белаунде Терри	12 лет
Гондурас	1963	1981	Роберто Суасо Кордоба	18 лет
Боливия	1971	1982	Эрнан Силес Суасо	11 лет
Аргентина	1976	1983	Рауль Альфонсин	7 лет
Сальвадор	#	1984	Хосе Наполеон Дуарте	-
Уругвай	1973	1985	Хулио Мария Сангинетти	12 лет
Бразилия	1964	1985	Танкреду Невис	21 год
Гватемала	1954	1985	Винисио Сересо Аревало	31 год
Парагвай	1954	1989	Андрес Родригес	35 лет
Панама	1968	1989	Гильермо Эндара Галимани	21 год
Чили	1973	1990	Патрисио Эйлвин Азокар	16 лет

Таблица 2. Президентские выборы (1978-1979)

Кандидат в президенты	1-й тур выборов (голоса/проценты)	2-й тур выборов (голоса/проценты)
Хайме Рольдос (Объединение народных сил)	381.215 / 27.7	1.025. 148 / 68.5
Сиксто Дуран Бальен (Христианско- демократическая партия)	328.461 / 23.9	471.657 / 31.5
Рауль Клементе Уэрта (Либерально-радикальная партия)	311.983 / 22.7	
Рене Маухе (Объединенная социалистическая партия)	65. 187 / 4.7	
Родриго Борха (Левая Демократическая партия)	165.258 / 12	
Абдон Кальдерон (Радикальный фронт альфаристов)	124.347 / 9	
Всего	1.376.451 / 100	1.496.05 / 100

Источник: Sánchez F. ¿Democracia no lograda o democracia malograda? Un análisis del sistema político del Ecuador: 1979-2002. – Quito: Atrio, 2008. – P.253.

Таблица 3. Конфликты между президентом и конгрессом и внутриполитическая ситуация (1981-2014)

Президент и его срок правления	Расстановка сил в парламенте и внутриполитическая ситуация
Х. Рольдос (10 августа 1979 – 24 мая 1981)	Рольдос начал правление с большинства в парламенте в 42%, в то время как оппозиция имела 36%. К 1980 г. ОНС, возглавляемый Букарамом, имел 15%, вывел из совоста Рольдоса и объединился с оппозицией, что генерировало мощный конфликт между ветвями власти.
О. Уртадо 24 мая 1981 – 10 августа 1984	Начал президентство с девяти депутатов от своей партии (13%). Силы оппозиции были дефрагментированы, поэтому большинство не имела ни одна партия. Согласия между исполнительной властью и законодательной не наблюдалось. Как и Рольдосу ему не удалось создать проправительственное большинство.
Л. Фебрес Кордеро 10 августа 1984 – 10 августа 1988	В первый период президентского срока имел в парламенте только 12% депутатов, во второй период - 18%. Ситуация характеризовалась крайней конфликтностью. Спикер парламента был от социал-демократической партии и резко критиковал Кордеро. Кульминации конфликт достиг, когда оппозиция назначила двух судей в Верховный суд, но Кордеро наложил вето на это решение.
Р. Борха 10 августа 1988 – 10 августа 1992	В начале президентского срока имел большинство в парламенте в 42%, а оппозиция 11%. Во второй период утратил большинство, сократив представительство своей партии до 19,7%. Оппозиция укрепилась вдвое. Второй период характеризовался новым противостоянием между президентом и парламентом.
С. Дуран 10 августа 1992 – 10 августа 1996	На протяжении первой половины срока проправительственная партия контролировала только 14% парламента. Во второй период представительство снизилось до двух депутатов.
Абдала Букарам 10 августа 1996 – 6 февраля 1997	Не опирался на парламентское большинство. Политический конфликт трансформировался в конфликт социальный. Правительство Букарама было отправлено в отставку решением конгресса из-за систематической коррупции; сам Букарам был обвинен в интеллектуальной несостоятельности.

Р. Артеага 7 февраля 1996 – 11 февраля 1997	Рекордный по краткости срок нахождения у власти в истории Эквадора. В статусе временного президента большинства в парламенте не имела.
Ф. Аларкон 11 февраля 1997 – 10 августа 1998	На момент избрания временным президентом занимал пост председателя конгресса, но его назначение спровоцировало институциональный конфликт и социальные протесты. Аларкон был уличен в коррупции.
Х. Мауад 10 августа 1998 – 21 января 2000	Не имел большинства в конгрессе. Правление характеризовалось крайней внутривластной нестабильностью. Свергнут в результате массовых протестов, возглавленных полковником Л. Гутьерресом. Гутьеррес возглавил Хунту национального спасения, которая в одностороннем порядке передала власть Г.Нобоа.
Г. Нобоа 21 января 2000 – 15 января 2003	В парламенте пропрезидентская «Народная демократия» имела 21 из 121 мест, а оппозиционная Рольдосистская партия – 27. На протяжении все срока имел место государственно-правовой конфликт, проявлявшийся в противостоянии исполнительной и законодательной ветвей власти.
Л. Гутьеррес 15 января 2003 – 20 апреля 2005	Пришел к власти при поддержке партии «Патриотическое общество», которая получила 13 из 100 депутатских мест. Стремясь заручиться большинством, строил сомнительные союзы с оппозицией. Ни одной реформы провести не удалось, несмотря на высокие ожидания перемен со стороны общества. Смещен с поста в результате массовых протестов и участия военных.
А. Паласио 20 апреля 2005 – 14 января 2007	Временный президент Эквадора. В период его правления наблюдался перманентный правительственный кризис с частой сменой состава кабинета министров.

Р. Корреа 15 января 2007 – 24 мая 2017	Пришел к власти при поддержке движения Alianza-PAIS в союзе с Социалистической партией. На всеобщих выборах 2006 г. его партия не выставляла своих кандидатов. На выборах в Конституционную ассамблею Alianza-PAIS получил 80 из 130 мест. На выборах 2009 г. Корреа утратил парламентское большинство (59 из 124 депутатских мест), однако резких столкновений между ветвями власти удалось избежать. В сентябре 2010 г. имена место попытка государственного переворота (без участия парламента). В 2013 г. сторонники президента получили 100 из 137 мест в Национальной ассамблее. В целом в течение всех мандатов не было противостояния исполнительной и законодательной власти.
---	---

Таблица 4. Типы декретов президента Р. Корреа (2007-2012)

	Тип декретов					
	Символические	Назначения	Отставки	Политика	Прочие	Всего
2007	41	318	97	178	244	878
2008	18	215	40	245	178	696
2009	8	165	99	228	76	576
2010	14	115	44	186	60	419
2011	15	139	38	138	61	391
2012	4	122	67	124	83	400

Источник: Sistema de Gestión para la Gobernabilidad//www.sigob.org

Таблица 5. Представительство ведущих политических партий и движений в конгрессе (1996-2013)

	Год основания	Количество депутатских мест						
		1996	1998	2002	2006	2007	2009	2013
Социал-христианская партия (PSC)	1951	27	28	24	12	5	11	8
Демократическая левая партия (ID)	1970	4	17	16	12	3	3	0
Рольдосистская партия Эквадора (PRE)	1982	19	22	15	7	1	3	1
Движение многонационального единства – Пачакутик (MUPP-NP)	1995	8	7	10	6	4	4	5
Патриотическое общество (PSP)	2002			7	25	19	19	5
Партия институционального обновления и национального действия (PRIAN)	2002			10	28	8	7	0
Альянс за достойное и независимое отечество (Patria Activa y Soberana, Alianza-PAIS)	2006					80	59	100
ДРУГИЕ		24	47	18	10	10	18	18
ВСЕГО		82	121	100	100	130	124	137

Источник: Restrepo Echavarría R. Pugna de poderes, crisis orgánica e independencia judicial. – Quito, 2014.

Таблица 6. Статус президентских партий в Конгрессе/Национальной ассамблее

Год	Президент	Политическая партия	Кол-во депутатских мест	% от общего состава
1979	Х. Рольдос	Объединенный Народный фронт (CFP)	29	42
1982	О. Уртадо	Народная демократия (DP)	5	7,2
1984	Л. Фебрес Кордеро (1 мандат)	Коалиция партий	15	21,1
1986	Л. Фебрес Кордеро (2 мандат)	Коалиция партий	18	25,4
1988	Р. Борха (1 мандат)	Демократическая левая партия (ID)	39	54,9
1990	Р. Борха (2 мандат)	Демократическая левая партия (ID)	14	19,4
1992	С. Дуран Бальен (1 мандат)	Коалиция партий	18	23,4
1994	С. Дуран Бальен (1 мандат)	Коалиция партий	9	11,7
1996	А. Букарам	Рольдосистская партия Эквадора (PRE)	19	23,2
1998	Х. Мауад	Народная демократия (DP)	32	26,7
2003	Л. Гутьеррес	Патриотческое общество (PSP)	18	18
2006	Р. Корреа	Альянс PAIS	0	0
2007	Р. Корреа		80	61,5

2009	Р. Корреа		59	47.6
2013	Р. Корреа		100	72,9

Источник: Restrepo Echavarría R. Pugna de poderes, crisis orgánica e independencia judicial. – Quito, 2014.

Таблица 7. Партийный состав Национальной ассамблеи Эквадора

Партия, коалиция или движение	Число депутатов 2009 - 13	Число депутатов 2013 - 17	Число депутатов 2017 - 21
Альянс PAIS	59	100	74
Патриотическое общество 21 января (PSP)	19	5	2
Социал-христианская партия (PSC)	11	7	15
Партия институционального обновления и национального действия (PRIAN)*	7	0	-
Демократическое народное движение (MPD)*	5	0	-
Муниципальное движение за национальное единство (MMIN)	5	-	-
Движение многонационального единства Пачакутик (MUMP)	4	5	4
Эквадорская рольдосистская партия (PRE)*	3	1	-
Демократические левые (ID)***	2	-	4
Социалистическая партия - Широкий фронт (PS - FA)****	1	-	-
Национальное демократическое объединение (MCND)	1	-	-
Движение «Создавая возможности» (CREO)**	-	10	34
Партия «Вперед» (Avanza)*****	-	5	-
Объединенное общество и действие (SUMA)*****	-	1	...
Партия «Сила» (Fuerza)*****	-	-	1
Провинциальные движения	7	3	3
Итого	124	137	137

*Распущена в 2014 г.;**Зарегистрировано в 2012 г.;***Распущена в 2013 г., реорганизована в 2015 г.; **** С 2014 г. – Соцпартия поддерживает правящую коалицию; *****Создана в 2012 г. ;*****Создано в 2012 г.. на выборах 2017 г. вступило в коалицию с CREO;
*****Зарегистрирована в 2015 г.
Источники: www.cne.gob.ec; www.asambleanacional.gob.ec

Приложение 8. Хронология политического процесса в Эквадоре в XX- начале XXI вв. (основные даты)

1895 (5 июня) – в результате государственного переворота в Гуаякиле началась Либеральная революция, возглавляемая Э. Альфаро.

1900 – конфликт между Либеральной и Консервативной партий по вопросу установления светского государства.

1906 – триумфальный год Либеральной революции. Введена новая конституция, в которой провозглашено отделение государства от церкви и прописан ряд других либеральных реформ.

1908 – проведена частичная национализация церковного имущества.

1911 (11 августа) – свержение Э. Альфаро.

1912 (28 января) – убийство Э. Альфаро и ряда его сподвижников в Кито.

1912-1925 – Либеральная партия постепенно теряет свое политическое влияние.

1912-1916 – правление Леонидаса Пласы (Либеральная партия, умеренное крыло).

1916-1920 – правление Альфредо Морено (Либеральная партия, умеренное крыло).

1920-1924 – правление Хосе Тамайо (Либеральная партия, умеренное крыло).

1922 – первая всеобщая забастовка, жестоко подавленная властями, тысячи убитых.

1925 (9 июля) – в результате военного мятежа происходит свержение правительства и начинается Июльская революция.

1926 (23-26 мая) – образование Социалистической партии Эквадора.

1927 – начинаются реформы государства. Созданы контрольные органы (прокуратура) и Центральный банк.

1928-1931 – у власти конституционное правительство Исидро Айоры.

1928 – введена в действие новая конституция, расширяющая социальные и электоральные права граждан (право голоса предоставлено женщинам).

- 1931 – образование Коммунистической партии Эквадора.
- 1932 – конгресс отправляет в отставку законно избранного президента Нептали Бонифаса, что провоцирует «Четырехдневную войну».
- 1934 -1935 – первый срок правления Веласко Ибарры.
- 1935 – Эквадор входит в состав Лиги наций.
- 1935-1937 – гражданская диктатура Федерико Паеса
- 1938 – правительство генерала Альберто Энрикеса издает первый трудовой кодекс.
- 1944 – народное восстание свергает правительство Аройо, временным исполняющим обязанности президента конгресс назначает Веласко Ибарру.
- 1944-1947 – второй срок правления В. Ибарры.
- 1944 – образован общенациональный профсоюз Конфедерация трудящихся Эквадора
- 1945 – Эквадор входит в состав ООН.
- 1945 – входит в силу пятнадцатая конституция Эквадора
- 1948-1952 – правление конституционного президента Гало Пласы Лассо.
- 1952-1956 – третий срок правления В. Ибарры.
- 1956-1960 – правление Камило Понсе Энрикеса, представителя Социал-христианского движения.
- 1959 – народные восстания в Манаби и Гуаякиле из-за экономического кризиса.
- 1960-1961 – четвертый срок правления В. Ибарры.
- 1961-1963 – временно исполняющим обязанности президента назначен вице-президент Карлос Хулио Аросемена Монрой.
- 1963-1966 – военная диктатура.
- 1964 – издан первый закон об Аграрной реформе в Эквадоре.
- 1967 – обнаружено нефтяное месторождение в Ориенте.
- 1968 – всеобщие выборы, на которых в пятый раз победил популист В. Ибарра.

1972 – новая военная диктатура, Эквадор начинает экспорт нефти.

1978 – на плебисците одобрена новая конституция, впервые в истории страны в голосовании принимают участие неграмотные.

1979 – передача власти от военных гражданским. Победа на выборах Х. Рольдоса.

1981 – военный конфликт с Перу, гибель Х. Рольдоса в авиакатастрофе.

1981-1984 – правление Освальдо Уртадо.

1984-1988 – правление правительства консерватора-правоцентриста Леона Фебреса Кордеро.

1988-1992 – у власти Демократическая левая партия во главе с Родриго Борхой.

1990 – восстание индейских общин.

1992-1996 – правление правоцентриста неолиберального толка Сиксто Дурана Бальена.

1995 – новый военный конфликт с Перу. Эквадорские силы одержали верх, начался переговорный процесс по урегулированию территориального спора.

1996-1997 – пребывание у власти правого популиста А. Букарама.

1998-2000 – правление Х.Мауада.

1998 – реформа конституции.

2000 – долларизация экономики и сдача в аренду США военной базы в г. Манта.

2000-2002 – правление временного президента А. Нобоа

2002-2005 – правление полковника Л. Гутьерреса.

2005-2006 – правление временного президента А. Паласио.

2006 (февраль) –сформировано движение Alianza-PAIS в качестве предвыборной платформы для выдвижения Р.Корреа на пост президента.

2006 (октябрь) – всеобщие выборы, на которых победу одержал Р. Корреа.

2007 (15 января) – инаугурация Р. Корреа.

2007-2008 – работа Конституционной ассамблеи.

2008 (сентябрь) – референдум по вопросу о принятии новой Конституции.

2008 (20 октября) – Конституция Монтекристи вступила в силу.

2009 (апрель) – досрочные всеобщие выборы, переизбрание Корреа.

2009 (июнь) – присоединение Эквадора к Боливарианскому альянсу (ALBA).

2010 (сентябрь) – попытка государственного переворота.

2011(май) – референдум о внесении поправок в Конституцию.

2012 – предоставление Эквадором политического убежища Дж. Ассанжу.

2013 – всеобщие выборы и переизбрание Р. Корреа на третий президентский срок.

2015 – Национальная ассамблея вносит поправки в конституцию.

2016 – землетрясение в Эквадоре.

2017 (май)– избрание президентом Эквадора Л. Морено.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. *Корреа Р.* Мировая экономика и гражданская революция / Р.Корреа // Латинская Америка. – М., 2009. – №12.
2. Национальный план Хорошей жизни на 2013-2017 гг. – Кито: Эль Телеграфо, 2014.
3. Asamblea Nacional. República del Ecuador. Available at: <http://www.asambleanacional.gob.ec/es> (accessed 12.07.2018).
4. Código de Ética del Movimiento Alianza PAIS. Available at: <http://www.alianzapais.com.ec/wp-content/uploads/2015/10/CÓDIGO-DE-ÉTICA.pdf> (accessed 12.07.2018).
5. Código del trabajo. Available at: <http://www.trabajo.gob.ec/wp-content/uploads/downloads/2012/11/C%C3%B3digo-de-Trabajo-PDF.pdf> (accessed 12.07.2018).
6. Código Orgánico Integral Penal. Available at: <http://www.asambleanacional.gob.ec/es/leyes-aprobadas> (accessed 12.07.2018).
7. Consejo Nacional Electoral. Ley Orgánica Electoral y de Organizaciones Políticas de la República del Ecuador. Available at: http://cne.gob.ec/documents/lotaip/2.informacion_legal/base_legal/ley_organica_electoral_-_codigo_de_la_democracia.pdf (accessed 12.07.2018).
8. Constitución ecuatoriana de 1906. Available at: http://www.cancilleria.gob.ec/wp-content/uploads/2013/06/constitucion_1906.pdf (accessed 12.07.2018).

9. Constitución ecuatoriana de 1929. Available at:
http://www.cancilleria.gob.ec/wpcontent/uploads/2013/06/constitucion_1928.pdf
(accessed 12.07.2018).
10. Constitución ecuatoriana de 1945. Available at:
http://www.cancilleria.gob.ec/wpcontent/uploads/2013/06/constitucion_1945.pdf
(accessed 12.07.2018).
11. Constitución ecuatoriana de 1979. Available at:
http://www.cancilleria.gob.ec/wpcontent/uploads/2013/06/constitucion_1978.pdf
(accessed 12.07.2018).
12. Constitución ecuatoriana de 1998. Available at:
http://www.cancilleria.gob.ec/wpcontent/uploads/2013/06/constitucion_1998.pdf
(accessed 12.07.2018).
13. Constitución ecuatoriana de 2008. Available at:
http://www.cancilleria.gob.ec/wpcontent/uploads/2013/06/constitucion_2008.pdf
(accessed 12.07.2018).
14. Correa R. Otra economía es posible /R. Correa //Acedios a lo imposible. Propuestas económicas en construcción. – Quito: FLACSO, 2005.
15. Ministerio de Relaciones Exteriores y Movilidad Humana. Hitos de la Revolución ciudadana. – Quito, 2014.
16. Movimiento Alianza PAIS. Available at:
<http://www.alianzapais.com.ec/>(accessed 12.07.2018).
17. Plan Nacional para el Buen Vivir. Available at:
http://www.planificacion.gob.ec/wpcontent/uploads/downloads/2012/07/Plan_Nacional_para_el_Buen_Vivir.pdf (accessed 12.07.2018).

18. Secretaría Nacional de Planificación y Desarrollo. 10 años Revolución ciudadana. La década ganada. – Quito: Semplades, 2017. – 76 p.
19. Tribunal Contencioso Electoral. Evolución del régimen electoral en el Ecuador. – Coordinación de Asesoría e Investigación, s.p.i. – 26 p.
20. Tribunal Supremo Electoral. Available at: <https://cne.gob.ec> (accessed 12.07.2018).

Литература

21. *Акимушкина И.И.* Внешняя политика правительства Г. Р. Лары в Эквадоре 1972-1975 гг. / И.И.Акимушкина // Проблемы всеобщей истории. – М., 1986. – С. 67-86.
22. *Акимушкина И.И.* Нефть и внешняя политика Эквадора / И.И.Акимушкина // Латинская Америка. – 1987. – №3. – С. 30-38.
23. Андские страны: опыт борьбы за прогрессивный путь развития (трудности и противоречия). – М.: ИЛА АН СССР, 1982. – 268 с.
24. *Антамба М.* Структурные проблемы экономического развития Эквадора /М.Антамба // Рынок и новые формы управления. – СПб., 1992. – С. 71-76.
25. *Бабуркин С.А.* Эквадор: от «национальной реконструкции» к «демократическому социализму» /С.А.Бабуркин // Латинская Америка. – 1989. – №2. – С. 32-41.
26. *Блондель Ж.* Политическое лидерство. – М., 1992.
27. *Ворожейкина Т.Е.* Феномен Чавеса. Available at: <http://carnegie.ru/proetcontra/?fa=52444> (accessed 14.10 2016).

28. *Галибина Е. С.* Источниковедческий анализ либерального революционного движения в Эквадоре в конце XIX – начале XX веков /Е.С.Галибина // Восток-Запад: приоритеты эпох. – М. – 2010. – С. 74-86.
29. *Галибина Е. С.* Либеральная революция в Эквадоре в конце XIX – начале XX веков. Автореф. дисс. канд. истор. наук. – М.: РУДН, 2009. – 27 с.
30. *Гончаров В. М.* Элой Альфаро и борьба Кубы за независимость / В.М.Гончаров // Латинская Америка. – 1976. – №1. – С. 134-150.
31. *Дабагян Э. С.* Станет ли Эквадор самой честной страной? / Э.С.Дабагян // Латинская Америка. – 2003. –№2. – С. 38-48.
32. *Дабагян Э.С.* Неолиберализм и популизм. Опыт одной страны / Э.С.Дабагян //Латинская Америка. – 1997. – №1.
33. *Давила А.* Сложились условия для экономического развития /А.Давила // Латинская Америка. – 1995. – №7. – С. 6-15.
34. *Давыдов В.М.* Детерминация развития Латино-Карибской Америки / В.М.Давыдов. – М.: ИЛА РАН, 2016. – 72 с.
35. *Давыдов В.М.* Левая альтернатива в Латино-Карибской Америке – обусловленность, основные ориентиры и международная проекция / В.М.Давыдов. – М.: ИЛА РАН, 2007.
36. *Давыдов В.М.* Эффект адаптационного реформирования: от Латинской Америки к России / В.М.Давыдов. – М.: ИЛА РАН, 2003. – 56 с.
37. *Даль Р.* Введение в теорию демократии / Р.Даль. – М., 1992.
38. *Даль Р.* Демократия и ее критики / Р. Даль. – М., 2003.
39. *Даль Р.А.* Полиархия: участие и оппозиция/ Р.А. Даль. – М.: ВШЭ, 2010. – 288 с.

40. *Дзоло Д.* Демократия и сложность. Реалистический подход /Д.Дзоло – М., 2010.
41. *Докучаева О.Н.* Современный латиноамериканский популизм: новый поворот /О.Н. Докучаева //Испания и Латинская Америка в мировой политике. – М.: МГИМО (У), 2007. – С. 108 – 116.
42. *Дуран Бальен С.* Наша цель – новый Эквадор // Латинская Америка. – 1995. – №7. – С. 6-15.
43. *Емельянов А.И.* Латиноамериканский опыт политической модернизации / А.И.Емельянов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2015. – Вып. 2 (713). – С. 35-42.
44. *Жирнов О. А., Шереметьев И.К.* «Левый поворот» в Латинской Америке. Аналитический обзор / О.А.Жирнов. И.К.Шереметьев. – М.: ИНИОН РАН, 2008.
45. *Жучкова Г.Е.* К политической ситуации в Эквадоре / Г.Е.Жучкова // Латинская Америка. – 1987. – №6. – С. 136-139.
46. *Ивановский З.В.* Конституционные реформы в Латинской Америке и их политические последствия /З.В.Ивановский //PolitBook. – 2014. – №1.
47. *Ивановский З.В.* Латинская Америка: метаморфозы политической модернизации / З.В.Ивановский //Латинская Америка. – 2011. – N12.
48. *Ивановский З.В.* Латинская Америка на перепутье: изменения в расстановке политических сил /З.В.Ивановский // Свободная мысль. – 2018. – №1. – С. 177 – 192.
50. *Ивановский З.В.* Проблемы и перспективы консолидации новых демократий /З.В.Ивановский //Латинская Америка. – 2000. – №1.

51. *Ивановский З.В.* Электоральное законодательство и властные структуры /З.В.Ивановский. – М.: ИЛА РАН, 2014. – 126 с.
52. *Ильин М.В.* Глобализация политики и эволюция политических систем / М.В.Ильин. // Глобальные социальные и политические проблемы в мире. — М., 1997.
53. *Истомин А.А.* Особенности политической борьбы в Эквадоре в 1976-1984 гг. Автореф. дис., канд. истор. наук., М. : ИЛА АН СССР, 1988. – 23 с.
54. *Китайгородская Д. С.* Эквадор: источник экономического роста / Д.С.Китайгородская. // Латинская Америка. –1976. – №5. – С. 130-137.
55. *Коломиец Е.* Рафаэль Корреа Дельгадо, президент Эквадора / Е.Коломиец. // Эхо планеты. – 2007. – №2. – С. 14-15.
56. *Колос А. Я.* Эквадор /А.Я.Колос. – М.: Знание, 1984. – 64 с.
57. *Крауч К.* Постдемократия /К.Крауч. – М., 2010.
58. *Кудрявский С.* Эквадор на пути преобразований / С.Кудрявский. // Международная жизнь. – 1976. – №1. – С. 117-120.
59. *Ларин Е. А.* Эквадор: история под прикрытием сутаны // Политическая история стран Латинской Америки в XIX веке. – М.: Наука, 2012. – С. 630-642.
60. Латинская Америка и Карибы: политические институты и процессы / Отв. ред. З.В.Ивановский. – М.: Наука, 2000. – 448 с.
61. Латинская Америка: дилемма демократического развития. – М.: ИЛА РАН, 2001. – 202 с.

62. Латинская Америка: испытание демократии. Векторы политической модернизации / Отв. ред. М.Л.Чумакова. – М.: ИЛА РАН, 2009. – Т. 1. – 260 с. – Т. 2. – 440 с.
63. «Левый поворот» в Латинской Америке / Отв. ред. В.П.Сударев. – М.: ИЛА РАН, 2007. – 214 с.
64. *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах /А.Лейпхарт. – М., 1997.
65. *Мадатов А.С.* Демократия: сущность и методологические проблемы исследования /А.С.Мадатов. – М., 2000.
66. Малые страны Латинской Америки. Смена экономической модели. – М.: ИЛА РАН, 2002. – 248 с.
67. *Мельвиль А.Ю.* Внешние и внутренние факторы демократических транзитов /А.Ю.Мельвиль. – М.: МГИМО, 1999.
68. *Окунева Л.С.* «Левый поворот» и демократия в Латинской Америке. Available at: <http://www.intertrends.ru/nineteenth/005htm> (accessed 12.10. 2016).
69. *Петрова Т. П.* Социально-экономическое развитие и политическая борьба в Эквадоре в период 1972-1979 гг. Автореф. дис., канд. ист. наук. – М.: МГУ, 1989. – 16 с.
70. Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности / Отв. ред. З.В. Ивановский. – М.: ИЛА РАН, 2017. – 452 с.
71. *Пшеворский А.* Демократия и рынок /А. Пшеворский. – М., 1999.
72. *Пятаков А. Н.* «Гражданская революция» в Эквадоре / А.Н. Пятаков. // Аналитические тетради ИЛА РАН. – 2012. – №22. – С. 95-101.

73. *Пятаков А. Н.* Победа Ленина Морено в Эквадоре /А.Н. Пятаков // Латинская Америка. – 2017. – №6. – С. 17-27.
74. *Русакова Т.Ю.* Популизм как социально-политическое явление и его новое звучание /Т.Ю. Русакова //Латинская Америка. – 2010. – №3.
75. *Салмин А.М.* Современная демократия. Очерки становления и развития / А.М.Салмин. – М.: Форум, 2009. – 384 с.
76. *Сашин Г.З.* Эквадор. Социально-экономические проблемы развивающихся стран / Г.З. Сашин. – М.: Мысль, 1981. – 152 с.
77. *Слинченко В. П.* Эквадор: выборы после импичмента /В.П. Слинченко // Латинская Америка: выборы и политика. – М., ИЛА РАН, 1999. – С. 53-66.
78. *Слинько А.А.* Авторитарная демократия: латиноамериканский опыт/ А.А.Слинько //Политические изменения в Латинской Америке. – Воронеж, 2016. – №1 (19).
79. *Слинько А.А.* Демократия без насилия /А.А.Слинько. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2009.
80. *Слинько А.А.* Неевклидова политика: трансформация политических процессов в Латинской Америке /А.А. Слинько. – Воронеж: Научная книга, 2010.
81. Социально-политические процессы и ценности в условиях глобализации / под ред. А.С.Железнякова и З.П.Яхимович. – М.: Новый хронограф, 2012. – 520 с.
82. Социально-политические системы в сравнительном контексте: цивилизации и идентичность / Под ред. А.С.Железнякова и Т.Н.Литвиновой. – М.: ИС РАН, 2013. – 352 с.

83. *Стаут Дж.* Демократия и традиция / Дж. Стаут. – М.: Территория будущего, 2009. – 464 с.
84. *Строганова Е.Д.* Идеи социализма в Латинской Америке /Е.Д.Строганова //Латинская Америка. – 2009. – №12. – С. 43- 59.
85. *Строганова Е.Д.* Основные этапы жизни и деятельности У. Чавеса Е.Д. Строганова //Берегиня 777. Сова 2013.- №1 (16). - С. 209 – 223).
86. *Строганова Е.Д.* Поиск социалистической альтернативы в Чили Е.Д. Строганова //Берегиня 777. Сова 2013. – №3 (18). – С. – 91 – 97.
87. *Строганова Е.Д.* США и левые режимы Латинской Америки (вторая половина XX – начало XXI века /Е.Д.Строганова. – М.: Весь мир, 2017.
88. *Тилли Ч.* Демократия / Ч. Тилли. – М.: Наука, 2007.
89. *Уртадо О.* Реформы и общество / О. Уртадо. // Латинская Америка. – 1994. – №11. – С. 22-28.
90. *Фукуяма Ф.* Отставание /Ф. Фукуяма. – М.: Астрель. – 2012. – 477 с.
91. *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация на исходе века / С.Хантингтон. –М., 2003.
92. *Хачатуров К. А.* Эквадор – начало пути / К.А. Хачатуров. // Латинская Америка. – 1995. – №7. – С. 59-64.
93. *Хейфец В.Л.* Латинская Америка: правый шторм для «левого поворота» //Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2015. – Т. 15. – №4. – С. 45-55.
94. *Хенкин С.М.* Политические системы стран Латинской Америки / С.М. Хенкин. – М.: МГИМО-Университет, 2014.

95. *Чавес Савала П.А.* Мы мечтаем о процветающей, полной радости и оптимизма стране / П.А. Чавес Савала. // Латинская Америка. – 2008. – №1 – С. 26-34.
96. *Чавес Савала П.А.* Кому-то выгодно, чтобы мы боролись друг с другом / П.А. Чавес Савала. // Латинская Америка. – 2008. – №5. – С. 37-40.
97. *Чавес Савала П.А.* Россия и Эквадор – сотрудничество в условиях максимальной открытости /П.А. Чавес Савала // Внешнеэкономические связи. – 2007. – №6. – С. 52-57.
98. *Чумакова М.Л.* Гражданская революция в Эквадоре / М.Л. Чумакова// Латинская Америка. – 2008. – №3. – С. 33-46.
99. *Чумакова М.Л.* Политический кризис в Эквадоре / М.Л. Чумакова. // Латинская Америка. – 2003. – №6. – С. 4-20.
100. *Чумакова М.Л.* Эквадор: анатомия нестабильности/ М.Л. Чумакова. // Латинская Америка. – 2000. – №7. – С. 4-17.
101. *Чумакова М.Л.* Эквадор: перемены на политической арене / М.Л. Чумакова. // Латинская Америка. – 2007. – №2. – С. 25-41.
102. *Шестопап А.В.* Леворадикальная социология в Латинской Америке: критика основных концепций /А.В. Шестопап. – М.: Мысль, 1981.
103. Эквадор на пути «гражданской революции» / Рук. проекта Н.В. Калашников. – М., ИЛА РАН. – М., 2009. – 104 с.
104. Эквадор: тенденции экономического и социально-политического развития / Отв. ред. Ю.А. Зубрицкий. – М.: Наука, 1989. – 191 с.
105. *Acosta A.* Breve historia económica del Ecuador /A. Acosta. – Quito: Corporación Editora Nacional, 2006. – 78 p.

106. *Alcántara Sáez M.* Sistemas políticos de América Latina / M. Ancántara Sáez. – Madrid: Tecnos, 2003.
107. *Aragónés N.* El juego del poder. De Rodríguez Lara a Febres Cordero. – Quito: CEN, 1985. –P. 99-113.
108. *Ayala Mora E.* Resumen de historia del Ecuador /E. Mora Acosta. – Quito: Corporación Editora Nacional, 2012. – 168 p.
109. Balance crítico del Gobierno de Rafael Correa. – Quito: Universidad Central de Ecuador, 2014. – 535 p.
110. *Barié C. G.* Nuevas narrativas constitucionales en Bolivia y Ecuador: el buen vivir y los derechos de la naturaleza /C.G. Barié. // Latinoamérica. Revista de estudios latinoamericanos. – 2014. – № 59.
111. *Bobbio N., Montteucci N., Pasquino G.* Diccionario de política / N. Bobbio, N. Montteucci, G. Pasquino. – México: Siglo XXI, 1994. – 87 p.
112. *Borja R.* El Ecuador y el proceso de constitualización / R. Borja. // Nueva Sociedad. – 1978. – №38.
113. *Burbano de Lara F.* Democracia, cultura política y gobernabilidad: los estudios políticos en los años noventa / F. Burbano de Lara. //Democracia, gobernabilidad y cultura política. – Quito, 2003.
114. *Burbano de Lara F.* El fantasma de populismo. Aproximación a un tema (siempe) actual /F. Burbano de Lara. – Caracas: Nueva Sociedad, 2004. – 158 p.
115. *Burbano de Lara F., Rowland M.* Pugna de Poderes: Presidencialismo y Partidos en el Ecuador: 1979-1997 / F. Burbano de Lara, M. Rowland. – Quito: Cordes, 1998. – 134 p.

116. *Calderón Ortiz G.* La gobernalidad en America Latina /G. Calderón Ortiz // Gestion y Estrategia. – México, 1998. – №13. – P. 2-16.
117. *Caria Domínguez R.* El porvenir de una ilusión: la ideología de buen vivir / R. Caria Domínguez //America Latina Hoy. – 2014. – №67.
118. *Casilda Béjar R.* Ecuador y la Revolución Ciudadana / R. Casilda Béjar. – Madrid, 2015.
119. *Castañeda J., Morales M.* Lo que queda de la izquierda. Relatos de las izquierdas latinoamericanas /J.Castañeda, M.Morales. – México: Taurus, 2010. – 335 p.
120. *Chaparro A., Galindo C., Sallenave A.M.* Estado, democracia y populismo en América Latina / A. Chaparro, C. Galindo, A.V. Sallenave. – Bogotá: CLACSO, 2008. – 336 p.
121. *Collier D.* Overview of the Burocratic-Authoritarian Model / D. Collier. – Baltimore: Princeton University Press, 1979. – 134 p.
122. *Conaghan C.* Políticos versus Partidos: discordia y desunión en el sistema de partidos ecuatoriano / C. Conaghan// La Construcción de instituciones democráticas. Sistema de partidos en América Latina. – Santiago de Chile, 1995. – P. 219-259.
123. *Cueva A.* El populismo como problema teórico y político /A. Cueva. //Las Democracias Restringidas en América Latina. – Quito: Planeta, 1988. – 213 p.
124. *De la Torre C.* ¡Un solo toque!: Populismo y cultura política en Ecuador / C. de la Torre. – Quito: CAAP, 1996. – 322 p.
125. *Di Tella T.* Populismo y Reformismo /T. di Tella. – México: Era, 1973. – 167 p.

126. Ecuador: Revolución Ciudadana y Buen Vivir / J. Núñez Sánchez (coord.)
– Barcelona: Yulca, 2014.
127. El ordenamiento constitucional de los partidos políticos. – México, 2001.
– 87 p.
128. El populismo en el Ecuador. – Quito: ILDIS, 1989.
129. *Escobar I., Ramírez O., Torres I., Villafuerte G., Vilogné G.* La transición a la democracia en el Ecuador: una mirada histórico-política a un proceso de revalorización democrática / I. Escobar, O. Ramírez, I. Torres, G. Villafuerte, G. Vilogné // Revista AFESE. – 2010. – № 53. – P. 282-295.
130. *Espinosa Cordero S.* Presidentes Del Ecuador / S. Espinosa Cordero. – Quito, 2000. – 277 p.
131. Evolución histórica, información actualizada y mapa nacional del analfabetismo. – Quito, 2009. – 155 p.
132. *Freidenberg F.* La tentación populista. Una vía al poder en América Latina / F. Freidenberg. – Madrid: Síntesis, 2007.
133. *Freyre J., Leonard P., Sifontes F.* En torno a la gobernabilidad: debate y realidad / J. Freyre, P. Leonard, F. Sifontes // Teoría y procesos políticos contemporáneos. –Tomo I. –La Habana: Pueblo y educación, 2011. –292 p.
134. *Galarza Zavala J.* La social democracia llega al poder en el Ecuador / J. Galarza Zavala. – Paris, 1988.
135. *Germani G.* Política y Sociedad en una Epoca de Transición. / G. Germani. – Buenos Aires: Paidós, 1971. – 125 p.
136. *Harnecker M.* Ecuador: una nueva izquierda en busca de la vida en plenitud / M. Harnecker. – Caracas, 2012. – 360 p.

137. *Hernández V., Buendía F.* Ecuador: avances y desafíos de Alianza PAIS / V. Hernández, F. Buendía // Nueva Sociedad. – 2011. – №234.
138. *Hurtado O.* El poder político en el Ecuador /O. Hurtado. – Quito: Planeta, 2007. – 156 p.
139. *Hurtado O.* Los costos del populismo /O. Hurtado. – Quito, 2006 – 164 p.
140. *Ianni O.* La Formación del Estado Populista en América Latina / O. Ianni. – México: Era, 1975. – 85 p.
141. *Ianni O.* Populismo y Contradicciones de Clase en Latinoamérica / O. Ianni. – México: Era, 1973. – 126 p.
142. *Iwanowski Z.W.* Democracy in Latin America and Russia: a Comparative Analysis / Z.W. Iwanowski. – San Diego: UCSD, 1996.
143. *Iwanowski Z.W.* Poder dividido como causa de la turbulencia política / Z.W. Iwanowski // Iberoamérica. – 2017. – №3. – P. 102-123.
144. *Iwanowski Z.W.* Transiciones postautoritarias: logros y desafíos // Latinidade /Z.W. Iwanowski. – Rio de Janeiro, 2012. – Vol. 4. – № 2.
145. *La «izquierda» en América Latina.* – Madrid: Editorial Pablo Iglesias, 2006. – 310 p.
146. *La agenda ética pendiente de América Latina / B. Kliksberg (compilador).* – Buenos Aires: BID, 2005. –365 p.
147. *La Formación del Estado Populista en América Latina.* – México: Era, 1975. – 240 p.
148. *La revolución democrática de Rafael Correa.* – Bogotá: Universidad del Rosario, 2008.

149. *Laclau E. Politics and Ideology in Marxist Theory* /E. Laclau. – London: Verso, 1977. –170 p.
150. *Lapombara J., Weiner M. Political Parties and Political Development* / J. Lapombara, M. Weiner. – Princeton, 1966. – 175 p.
151. *Las izquierdas latinoamericanas. De la oposición al gobierno.* – Buenos Aires: CLACSO, 2010.
152. *Levitski S., Way L. Election without Democracy: the Rise of Competitive Authoritarianism* / S. Levitsky, L.Way // *Journal of Democracy.* – 2002. – Vol. 13 (2). – P. 51-65.
153. *Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe* / J. Linz, A. Stepan. – Baltimore: John Hopkins University Press, 1996.
154. *Loaiza J. La era del nacionalpopulismo latinoamericano* /J. Loaiza // *Nueva política.* – Bogotá, 2009. – № 2.
155. *Malloy G. Authoritarianism and Corporatism in Latin America* / G. Malloy. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1977. – 329 p.
156. *Mejía A. Gobernabilidad Democrática: Sistema Electoral, Partidos Políticos y Pugna de poderes en Ecuador (1978-1998)* / A. Mejía. – Quito: Konrad Adenauer, 2002. –69 p.
157. *Mendoza P.A., Montaner C.A., Vargas Llosa A. El regreso del idiota* / P.A. Mendoza, C.A. Montaner, A. Vargas Llosa. – Madrid: Plaza Juanés, 2007. – 346 p.
158. *Menéndez-Carrión A. La Conquista del Voto en el Ecuador: de Velasco a Roldos* / A. Menéndez-Carrión. – Quito: Corporación Editora Nacional, 1986. – 186 p.

159. *Mills N.* Crisis, conflicto y consenso. Ecuador: 1979-1984 / N. Mills. – Quito: CORDES, 1984. – 143 p.
160. *Molina Flores A.* Democracia y Militares. Crisis y arbitraje / A. Molina Flores. – Quito: El Canejo, 2005. – 123 p.
161. Movimientos y poderes de izquierda en América Latina. – Madrid: Editorial Popular, 2005. – 220 p.
162. *Muddle C., Rovira Kaltwasser C.* Exclusionary versus Inclusionary Populism: comparing Contemporary Europe and Latin America / C. Muddle, C. Rovira Kaltwasser // Government and Opposition. – 2013. – Vol. 48. – N2.
163. *Navia H., Walker I.* Political Institutions, Populism and Democracy in Latin America / H. Navia, I. Walker// Democratic Governance in Latin America / S. Mainwaring, T. Scully (ed.). – Stanford: Stanford University Press, 2010.
164. *Núñez J.* Teoría y práctica de la pugna de poderes / J. Núñez // Nueva sociedad. – 1985 – №77. – P. 75-80.
165. *O 'Donnell G.* Modernización y Autoritarismo /G. O'Donnell. – Buenos Aires: Paidos, 1972. – 236 p.
166. *Pachano S.* La trama de Penélope: Procesos políticos e instituciones en Ecuador / S. Pachano. – Quito: FLACSO, 2007. – 139 p.
167. *Panizza F.* Populism and the Mirror of Democracy / F. Panizza . – London: Verso, 2005. – 358 p.
168. *Pareja Diezcanseco A.* Breve Historia del Ecuador / A. Pareja Diezcanseco. – Quito: Escuela nueva. – T. 2. – 110 p.
169. *Paz J., Cepeda M.* Un nuevo ciclo histórico en Ecuador /J. Paz, M. Cepeda // Quito: La Insignia, 2007. – P. 23-33.

170. *Piatakov A.N.* ALBA: evolucion y desafios / A.N. Piatakov // Iberoamérica. – 2011. – N1. – P. 44-55.
171. *Polga-Hecimovich J.* Ecuador: Estabilidad institucional y la consolidación de poder de Rafael Correa / J. Polga-Hecimovich // Revista de ciencia política. – 2013. – Vol.33. – № 1.
172. *Presidencialismo, sistema de partidos y reforma política. Cuatro enfoques desde América Latina.* – La Paz, 2004.
173. *Populismo. Sus significados y características nacionales.* – Buenos Aires: Amarrortu editores, 1969.
174. *Restrepo Echavarría R.* Pugna de poderes, crisis orgánica e independencia judicial /R. Restrepo Echavarría. – Quito: Editorial IAEN, 2014. –155 p.
175. *Roberts K.* Neoliberalism and the Transformation of Populism in Latin America / K. Roberts //World Politics Quarterly Journal. – 1995. – Vol. 48. – N2.
176. *Rodríguez Garavito C.A., Barret P.S.* La nueva izquierda en América Latina. Sus orígenes y trayectoria futura /C.A. Rodríguez Garavito, P.S. Barret. – Bogotá: Norma, 2007. – 458 p.
177. *Sader E.* El nuevo topo. Los caminos de la izquierda latinoamericana / E. Sader. – Madrid: Biotiempo editorial, 2009. – 222 p.
178. *Sánchez F.* ¿Democracia no lograda o democracia malograda? Un análisis del sistema político del Ecuador: 1979-2002 / F. Sánchez. – Quito, 2008. – P. 25-32.
179. *Sánchez J.* ¿A dónde va Ecuador? J. Sánchez // Revista Patria. – 2013. – №1.

180. *Sartori G. Parties and Party Systems. Framework for Analysis / G. Sartori.* – New York, 1976. – Vol. 1. – P. 368.
181. *Sartori G. The Theory of Democracy Revisited / G. Sartori.* – New York: Chatham House, 1987.
182. *Smelser N. Procesos de Cambio Social / N. Smelser.* –Madrid: Euramérica, 1977.
183. *The Resurgence of Latin American Left / Ed. by S. Levitsky, K.Roberts.* – Baltimore: John Hopkins University Press, 2011.
184. *Vanhanen T. The Limits of Democratization: Climate, Intelligence, and Resource Distribution /T. Vanhanen.* – Atlanta: Washington Summit Publishers, 2009.
185. *Vásconez A., Córdoba R., Muñoz P. La construcción de las políticas sociales en Ecuador durante los años 80 y 90: sentidos, contextos y resultados / A. Vásconez, R. Córdoba, P. Muñoz P.* – Santiago de Chile: CEPAL, 2005. – 235 p.
186. *Vilas C. El populismo latinoamericano: un enfoque estructural / C. Vilas //Desarrollo económico.* – 1988. – N111.
187. *Vilas C. ¿Populismo reciclado o neoliberalismo a secas? / C. Vilas //* Revista Venezolana de Economía y Ciencias Sociales. – Caracas, 2003– № 3. – Vol. 9.
188. *Welsh F. ¿Reelección limitada o indefinida? / F. Welsh.* – Caracas, 2007.
189. *Yanes H. Gubernalidad. Análisis de coyuntura /H. Yanes //*AUNA. – La Habana, 1997. №1. – 120 p.